

ИГОРЬ КУДРЯВЦЕВ

Родным и близким посвящаю...

*Золотые
мои
декабри*

Альтаир
Ростов-на-Дону
2019

ББК 84(2Рос-2Рус)
К88

Сердечно благодарю Депутата Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
Николая Васильевича Коломейцева за спонсорскую
помощь в издании этой книги.

Игорь Кудрявцев

К 88 Золотые мои декабри. Книга стихов. Избранное. –
Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. – 448 с.

ISBN 978-5-91951-564-7

ББК 84(2Рос-2Рус)

© Кудрявцев И., 2019

© ООО «Альтаир», 2019

*Владея, друг, искусством
Общения с пером,
Полезно думать чувством
И чувствовать умом.*

Игорь Кудрявцев

Вместо предисловия

Сегодня я выходил в «открытый космос»: добрался до газетного киоска в подвальном этаже и благополучно вернулся в палату.

Наверное, если смотреть со стороны, вид у меня был жалкий, но субъективно, я чувствовал себя героем и победителем: двадцать ступенек вниз, столько же вверх.

Газетами и журналами торгует примечательная личность – старый военный, лежавший здесь с инфарктом и оставшийся после выздоровления работать в кардиологическом центре. Он рано по утрам разносит газеты лежащим больным. Я пользовался его услугами: он входил строевым шагом, газеты всучивал с таким гордым видом, будто сам их выпускал. Мы с товарищами по палате называли его «Херстом», газетным королем. Сегодня утром я не воспользовался услугами «Херста», чтобы явиться к нему в концерн.

Когда я взял по экземпляру всех оставшихся от разноски газет, «Херст» предложил мне свежий номер журнала «Дон». Я приобрел в надежде: вдруг прочту стихи какого-нибудь нового поэта? Много раз с такой целью покупал областные журналы, это моя личная игра. Открывал номер и проигрывал. Ну вот, «стихи молодых», Игорь Кудрявцев – в первый раз слышу. Прочитал двенадцатистрочное стихотворение и сразу его запомнил: умное, волнующее, замысловато построенное – давно не встречал такой удачи! Журнал уже взял у меня почитать сосед по палате, а я попробую по памяти записать стихи Кудрявцева. Вот они:

Уходит ночь. Пора зари настала.
Синеют дали. Слышу поступь дня.
Я ненавижу тьму – как это мало
Для света. Но как много для меня...

Сантьяго. Дым и пепел. Замолчали
Сердца расстрелянных. В крови стена.
Я проклиная зло – как это мало
Для доброты. Как много для меня...

Родимый дом. Крыльцо. Смеется мама.
Внимает сад ей, голову склоня.
Я родину люблю – как это мало
Для родины. Как много для меня!

Прекрасно! Вот как начинает не известный мне, наверное, еще никому не известный Игорь Кудрявцев. Когда выздоровлю, непременно надо будет написать в Ростов, узнать, что это за юноша. А то, что он очень молод, видно из стихов – так можно написать только в очень свежей и совсем ранней юности.

Как много хорошего сделал сегодня для меня Игорь Кудрявцев из Ростова, из Азова или Новочеркаска. А может, он не горожанин – ведь есть в стихах указания: внимает сад голосу матери, а она стоит на крыльце – какое может быть крыльцо в городском родимом доме?

Вот ко мне вернулся журнал, сверю стихотворение с тем, как записал его по памяти. Все точно, только вношу исправления: у него каждая мысль – отдельная фраза, а я ставил запятые.

Его юность дает преимущество писать такими короткими и лаконичными фразами, не допускающими возражений, поправок, разночтений: родимый дом – точка, крыльцо – точка, смеется мама – точка. Он словно телеграфирует нам свои чувства и то, что видит сердцем.

Как я хочу, чтобы он стал поэтом, как я хочу через десяток лет взять в руки том его избранного!

Решительно некогда умирать.

Евгений Долматовский

О себе

Родился 23 декабря 1944 года. Место рождения – поэтичней не бывает: город Сокол Вологодской области. Детством – с Кубани, станицы Кущёвской Краснодарского края, куда отца и маму занесло по прихоти судьбы. Здесь впервые осознал себя, «споткнулся о рифмованное слово»...

Отец был врачом. Сначала на войне с белофиннами – молоденьким лейтенантом санбата, потом на Великой Отечественной – капитаном медицинской службы, начальником санлетучки, отвозивших раненых с передовой в тыл. На втором году войны получил тяжёлую контузию. В результате – госпиталь, три недели беспомощности и формальная врачебная помощь – его считали безнадежным. Но верная спутница по санлетучке, медсестра, она же – моя мама, оставила до поры фронтovou колёсную жизнь и выходила отца.

Он пришёл в себя... встал... довоевал, как положено, до Победы, отслужил несколько лет в армейской части и вместе с нами переехал в станицу Кущёвскую – районным окулистом.

Я, моя старшая сестра Таня, мама, преподаватель истории в средней школе, и отец жили на частной квартире в белёной мазанке с камышовой крышей, глиняным полом, приземистой печкой, дверью без крыльца.

Помню хилый свет электрической лампочки, стол, стул, цветастый сатиновый «ковёр» на стене, тюлевую оконную занавеску и отца, который ходит по комнате и с книги читает стихи пятнадцатилетнего Сергея Есенина: «Вот уж вечер. Роса блестит на крапиве. Я стою у дороги, прислонившись к иве...»

В молодости отец «грешил» рифмами. Однажды принёс стихи в редакцию газеты. Но «маринованная кукла», – так он в шутку обрисовал то ли редакторшу, то ли секретаршу, забракковала их. Откуда ему было знать, что на молодого, неведомого миру пришельца-поэта в редакциях смотрят как на «парнишку из леса». Что между первой написанной строкой, а, тем более, книгой – трудноодолимые вёрсты подчас впустую ушедшего времени....

Подобным образом в редакциях смотрели и на меня, когда я приехал в Ростов-на-Дону набираться ума-разума в техникуме сельхозмашиностроения...

Первая публикация – стихи о рабочих руках – появилась в 1962 году на заглавной странице многотиражки завода «Ростсельмаш», где я работал слесарем-сборщиком и посещал заводскую литературную группу.

Затем – скромная подборка в областной газете «Молот» и традиционно необходимые меты внешнего становления – радио, телевидение, газеты, журналы, коллективные сборники...

Стихи заметили. Сначала в Ростове, потом – в Москве. Здесь, на Дону, меня «усыновил» и взял под своё литературно-отеческое крыло известный поэт Александр Александрович Рогачёв, впоследствии редактор первой книги. В Москве же произошло чудо. Евгений Аронович Долматовский, одолев инфаркт, по больничным ступенькам спустился вниз, к газетному киоску, и случайно купил очередной номер журнала «Дон», где ютились мои стихи. Одно ему запомнилось, о чём он поведал стране, напечатав в журнале «Октябрь» дневниковый очерк – «Разрыв сердца».

Первая книга «Ранняя тропа» (Ростиздат, 1978) вышла на излёте мечты и терпения. Но именно благодаря ей я стал обладателем Всесоюзной литературной премии, а через год, в канун моего дня рождения, меня приняли в Союз писателей СССР. Такие подарки не забываются.

Далее – Москва, Литинститут им М.Горького, Высшие литературные курсы. Сегодня мой скромный писательский закром позволяет мне коротко сказать о себе: автор книг и публикаций, вышедших в Ростове-на-Дону, Москве, за рубежом; соавтор певца, композитора, заслуженного артиста России Вячеслава Малежика. Что касается «служебных» подробностей, – более 30-ти лет руковожу областным литературно-творческим объединением «Дон», вместе с поэтом Н.М. Скрёбовым составил антологию «Поэзия Дона. XX-XXI».

Давно и незабыто, у родников моей поэтической юности, один убелённый годами человек спросил меня: «Зачем ты пишешь стихи, когда есть Есенин, Блок, Маяковский?..» Я растерялся: действительно, зачем?.. Потом неожиданно пришло: но ведь с такой же пушечной прямоотой можно спросить: «Зачем ты дышишь, любишь, живёшь?..»

Из книги
«Я люблю тебя тысячу лет»
1959 – 2003

* * *

Я верю в ложь твою, как в правду,
Когда с недогнущим лицом
Уходишь ты в полынный август,
Не зацепив меня плечом.
Молчанием угрюмым вея,
Твой дом раздвинул темноту.
Глазам медленно седея,
Я в ночь пустынную иду...
Ты далеко, у края лета,
На берегу морском стоишь
И в ожидании рассвета
Себя раскаяньем казнишь.
К тебе, заплаканной у моря,
Как голубые паруса,
Летят, наполненные горем,
Мои бессонные глаза.

Незаметность

Стынет ива, туманом закрытая...
Дремлют корни незримо в земле...
Кто-то слово таит ядовитое,
Незаметно, как пулю в стволе.
И кому-то не спится – бессонницу
К человеку бедой занесло.
Что-то в нём незаметно надломится,
Как в стремительных водах весло.
Бродишь ты, молодая, весенняя,
В этих мыслях, как ангел в аду:
Почему незаметна Вселенная?
Ты ж –
Песчинка её –
На виду.

* * *

Проживу среди добрых-недобрых людей,
Безнаказанно путая горе с весельем:
То ли каркает в кущах моих соловей,
То ли ворон зашёлся рассыпчатой трелью.
Новолуние сердца придёт – не придёт,
Свистнет полдень разбойный, пугая задворки.
Не беда, коли ветер залётный рванет,
Будто ворот рубахи, оконные створки.
Остаются от прожитых вёсен в золе
Золотинки мгновений у быстрой протоки...
Нынче мне одиноко на этой земле
Оттого, что тебе одиноко.

Какое счастье, что весна

Зимы серебряные дрожки
В мой двор примчатся на заре,
Где ты в рябиновых сапожках
Возникнешь вдруг, как на костре.
Я подойду, забыв о сути.
Нахлынет жаркая волна,
И – мысль, нелепая до жути:
Какое счастье, что весна.
Седой зимы редееет грива.
Придёт апрель–зелёный бес.
Исчезнешь ты, как за обрывом,
Лишь голос нежный, словно плеск,
Напомнят ливни перепутий...
К вискам подступит тишина,
И – мысль, нелепая до жути:
Какое счастье, что весна.

Твое имя

Я его тревожил в тишине.
Начинался день тропею ранней.
Жизнь была прекрасна, и – вдвойне
С грозowymi вёснами страданий.
Я писал его. Горел в окне
Листопад, закрыв собою дали.
Жизнь была прекрасна, и – вдвойне
С голубой позёмкою печали.
Проклинал его. Январский снег
В рощах обезличивал деревья.
Жизнь была прекрасна, и – вдвойне
С ледяною пустошью безверья.
Забывал его. Но по весне
Воскрешал светло, неповторимо.
Жизнь была прекрасна, как во сне,
Как твоё... Простите, Ваше имя.

* * *

Внезапно
И по-знакомому звонко
Из тёмной
Подъездной глубины
Меня встречала девочка тонкая
С глазами
Нечаянно ранней весны.
А вечер клубился,
Задумчиво-дальний,
В минуту прощания
Я молчал.
И лунный свет,
Густой, печальный,
Падал, как снег
На пустынный вокзал.
Девочка, знай,
Когда в переулке
Едва умолкали
Твои каблучки,
В ночи раздавались
Гулко-гулко
Шаги –
Продолженье моей тоски.
Что им дороги
Сияющей вечности,
Если тропинка
Змеится в глуши...
Девочка,
Кроме обыденной верности,
Есть восемнадцатилетье души.

У той, другой,
Словно белый парус,
Волосы бьются
Над светлым лбом,
У той, другой, глаза,
Словно август,
С его листопадным,
Задумчивым сном.
Сейчас,
В заточенье домашней Бастилии,
Ты, улыбаясь по-детски,
Спишь...
Как великаны,
Меня обступили
Угрюмые
Силуэты
Крыш.

* * *

Я заметил в скитаньях разлуки
И в страдании собственных рук,
Что любовь безответная – мука,
Но взаимная – тысячи мук.
От любви уходила невинность
С горькой думой наедине.
И, как мумия, остановилось
Время в сердце и тишине.
Но пронзительно сгинет в вечность
Задохнувшийся в чувствах день.
Я плечом обопрюсь о вечер –
Над садами нагнется тень.
И глаза, словно лунные камни,
Болью высветят темноту.
Наши тени сегодня с нами
Думы думают на мосту.
И не спрашивай шёпотом боли,
Каждый взгляд мой взглядом казня,
Что же будет завтра с тобою
Без обыденного меня.
На лицо мне струится лето,
А в глазах – поволокой мороз.
Видишь, я стою у рассвета,
Как ответ на этот вопрос.

Истина

Доверяя опыту рассудка,
Натянув до срока тетиву,
Полушуткой, полуприбауткой,
Полуоткровением живу.
Выхожу на дальний перекресток,
Где такая ясная земля,
Где легко, напористо и просто
Гонит ветер искры ковыля.
Где трава зеленая – и точка,
Где репей задиристый – хоть плачь,
А цикадной, песенною ночью
Месяц так походит на секач.
Не хочу грустить, любить и верить,
Не грустя, не веря, не любя,
И считать нелёгкую потерю
Обретеньем лёгким для себя...
Ты приходишь полночью бессонной –
Жарко слову, сердцу и плечу...
Я сейчас – как Богом осенённый,
Потому как истину шепчу.

Перед осенью

Я молча перед осенью стою.
Мои просторы в легком запустенье.
Полуогонь, как исповедь, таю,
И на траву ложатся полутени.
Иной порог – иное бытие.
Мне нынче открывать иные двери.
Забуду малодушное вранье,
Как барабан-игрушку в детском сквере.
Мой возраст, предначертанно земной,
Забудь, что ты мятежно-невеселый.
Мы погорельцы прошлого с тобой,
Но в ледяном грядущем – новоселы.
А дома вишня тычется в лицо
И на любовь родни везёт чертовски.
Скрипит тысячелетнее крыльцо,
Как воронёный хром сапог отцовских.
Напрасно звезды меркнут – не усну.
Я выйду за железные ворота
И оглянусь на чёрную весну,
Где ты стоишь
В слезах
У поворота.

Я думал о тебе

Был двор от инея седой.
Ноябрь пронзал его ветрами.
Тянулась яблоня ветвями
К окну предутренней порой.
В мечтах, печалях и обидах
Дни уходили за порог...
Был у зимы студёный выдох,
Был у весны горячий вдох.
Уже в виски стучало сердце:
Довольно по́ ветру идти,
Пора спокойно оглядеться
С румяным яблоком в горсти.
Пора... Июнь пронзал ветрами
Мой сад. Покорная судьбе
Стучала яблоня плодами
В окно. Я думал о тебе.

Тень

Тень моя блуждала налегке.
Не лгала, не пела, не кусалась.
Тень моя, как веточка в руке,
Многолюдья пляжного касалась.
То касалась мини-бороды,
То касалась чтива-детектива,
То хрустальных бусинок воды
На плечах кофейного налива.
Постояв у шахматной доски,
Выкурив шаманно сигарету,
Тень моя, рассудку вопреки,
Под газетой пряталась от света.
И с песчинкой влажной на губе,
У черты ленивого прибоя,
Прикоснулась тень моя к тебе...
Но погасло солнце за спиною.

* * *

О тебе напомнит море,
То ликуя, то скорбя...
Но какое это горе –
Быть счастливым
(Даже в ссоре)
Без тебя, тебя, тебя...

Душа не пойдет на попятный

Пока еще робко-условно
Наметился легкий обман...
Так тихо и траурно, словно
Распахнуты окна в туман.
И ты на себя не похожа –
Слова окружные взахлёб,
А с ними – на сердце и коже
Горячий до стона озноб.
Я верю не веря... Но лучше
Сегодня от боли уйти,
Чтоб завтра серебряный ключик
К бесчувственной маске найти.
А выйду нечаянно к саду –
Забуду, что был молодым:
Мне прожитых вёсен не надо,
Достаточно прожитых зим.
Душа не пойдет на попятный,
Душа не пойдет за тобой...
На солнце угарные пятна
Смахну возмущенной рукой.

Тополиный пух

Тополиная пушинка,
Невесома и светла,
Будто легкая заминка,
В нашей полночи была.
А сейчас, пронзая дали,
Улетает – не зови –
Тополиный пух печали,
Тополиный пух любви.
Жду светло и безмятежно,
Будто луч из темноты,
Тополиный пух надежды,
Тополиный пух мечты.
Тень от облака косынкой
Упадет в речную гладь.
Тополиную пушинку
Гонит ветром – не догнать.
Гаснут листья, гаснут звуки.
Студит трассы и холмы
Тополиный пух разлуки.
Тополиный пух зимы.

Одиночество

Есть одиночество вдвоём.
Я – не о взглядах отрешённых.
Я – о другом: с достатком дом,
И каждый – в счастье погружённый.
Глухой забор плющом оброс.
Но в блеске сытости застенной
Грустят цветы, повесил нос
Торшер, похожий на вопрос
Меж этим счастьем и вселенной.
Есть одиночество, но то,
Когда, душою отболевши,
Ты носишь зябкое пальто
Воспоминаний безутешных.
В квартире холодно, темно,
Зашторен день тоской осенней.
Но первый снег в твоё окно
Летит посланцем от вселенной...
Морозно. Полночь. Я – один.
Глядят, чаруя вещей силой,
Двойные звёзды из глубин,
И – одинокие светила.

Екатерина, я влюблен

Екатерина, я влюблен.
Нет, не в твое простое имя.
Я благодарно опьянен
Твоими ясно-голубыми.
Екатерина, я влюблен.
И принимаю эти муки
Не за безвременность времен,
А за короткий миг разлуки.
Екатерина, я влюблен.
Пускай дорога наша длится.
Но, песней к небу вознесен,
Я не хочу быть вольной птицей.

* * *

Золотые дали сентября
До седин пребудут золотыми.
Это все желанно и не зря,
Как объятья женщины любимой.
У меня от века повелось
Быть в ладу с надеждою и верой...
Заглянул в окошко ранний гость –
Первый снег, давно уже не первый.

Моя земля

Там петухи трубят окрест,
Там чахнет кадка у сарая,
Там бельевой тесовый шест
В конце двора – что ось земная.
Там законные поля.
Коль выйдет прок – судьбою мерьте...
Переживи меня, земля,
И тем спаси меня о смерти.

Палач

Не гневись, не кручинься, матушка,
Проклинаючи хлеб палача.
Завтра поутру буйнорубашечный,
Словно кровью по пояс крашенный,
Буду я поджидать Пугача.
Бледнолобый, подковобородый,
Тяжко ступит он, снегом скрипя.
Слышь, старуха, в толпе народной
Мужичьё упомянет тебя.
Ах, оставь причитания – жалость
Не ослабит острожных цепей.
Веки вечная Русь рождает
Пугачевых для палачей.
Эх, Емеля, мели, Емеля,
Знать, приспела твоя неделя,
Высочайший готов указ.
Их величество – баба, женщина,
И поэтому так торжественна,
Поучительна будет казнь.
Я обвыкший, я на работе,
Топором над толпой блесну
И к лицу Ивашек да Фотиев,
Как на блюде, на эшафоте
Кровь горячую поднесу.
Отшатнутся они и ахнут:
Кровь парная не мёдом пахнет.
Эй, внимательней будьте, стража!
Вишь, толпа, цепенея, зрит,
И лицо её гневом страшным,
Как рубаха на мне, горит.

Вишь, толпа, с Омеляном схожа...
...Слышь, седая, молись, надёжа,
Чтоб учили смекать мужика,
Уповая на милость Божью,
Русь, топор и моя рука.
1968

Дуэль

Еще молчит в руке мятежной
Неутоленный пистолет.
Но на земле России снежной
Дантес уже оставил след.
И что с того, что мир прекрасен, –
Окрасив кровью русский снег,
У русской речки рухнет наземь
Не просто тело – целый век...
Раздался выстрел на опушке,
Заставив вздрогнуть черный лес...
Лишь на мгновенье умер Пушкин,
И лишь мгновенье жил Дантес.

Что ж не вышел ты, князь Трубецкой?

Ранним утром, завьюжено мгlistым,
Проповедуя к черни любовь,
Выходили на бунт декабристы –
Голубая дворянская кровь.
Но стоял над площадью вой:
«Что ж не вышел ты, князь Трубецкой?!»

В комитете друзья заседают –
Фарисейство и блеск эполет.
Государственно друг вопрошает,
А вчера говорил тет-а-тет.
Но спросил председатель седой:
«Что ж не вышел ты, князь Трубецкой?!»

Железа, словно бой колокольный,
Перегоны ни свет ни заря.
И летят по России окольной
То кибитки, то фельдъегеря.
Но в сердцах сокрушался конвой:
«Что ж не вышел ты, князь Трубецкой?!»

Ах, княгиня, – медовые плечи,
Наревелась досыта и – в путь.
Вот и дверь, вот и муж недалече.
«Милый мой», – и, рыдая, – на грудь.
Причитала: «Любимый, родной!..»
«Что ж не вышел ты, князь Трубецкой?!»

Под землей, в полосатом отрепье,
Может, каясь, а может, смеясь,
Как наградой, увенчанный цепью,
Стоит бывший полковник и князь.
Бредил он, от удушья чумной:
«Что ж не вышел ты, князь Трубецкой?!»

* * *

Е. А. Долматовскому

Уходит ночь. Пора зари настала.
Синеют дали. Слышу поступь дня.
Я ненавижу тьму – как это мало
Для света, но как много для меня...

Война. Кресты. На землю небо пало.
Горят руины. Плавится броня.
Я проклиная зло – как это мало
Для доброты, как много для меня...

Родимый дом. Крыльцо. Смеётся мама.
Шумит прибой весеннего огня.
Я Родину люблю – как это мало
Для Родины, как много для меня.

* * *

Сестре Тане

Я сюда из города приехал –
Навестить заречное село, –
Не для праздной, ветреной потехи –
Отогреть озябшее крыло.
Час наступит – день закроет ставни,
О друзьях, как водится, спрошу
И у речки юности недавней
Горькую травинку закушу.
Тишину взорвав, промчится скорый.
О песок ударится весло...
Из села родного тянет в город,
Из родного города – в село.
Я опять уеду, но сначала
За калитку выведу мечту...
Мама на суденышке вокзала
Медленно отчалит в темноту.

На могиле отца

Давай, отец, с тобой поговорим.
При жизни говорили мы нечасто.
Глаза мне слезы застыят, словно дым,
И горе дали утренние застит.
Меня сюда не ветры занесли.
Меня сюда не вынесло прибойно.
Два сердца разделяет слой земли:
Моё – стучит, твоё – навек спокойно.
Вчера, в печали траурной светла,
Тебя послушать мама приходила.
Ведь для неё сейчас, как два крыла –
Жизнь сына и твоя, отец, могила.
Присяду на скамейку дотемна,
От века не обучен многословью,
И выпью поминального вина,
И задержу ладонь у изголовья.
В долгу перед твоею добротой,
Я перед сыном за неё в ответе...
Ушёл ты в землю с ясною душой,
И стало чуть темней на белом свете.

Был прожит день

Был день как день. Сказать точнее – утро.
Перекликались птицы за окном.
И ветерок играл пушинкой, будто
Котёнок резвый брошенным клубком.

Был день как день. Сказать точнее – полдень.
Притих, устав от гомона, базар.
В зените неба яростно и полно
Горело солнце, плавя тротуар.

Был день как день. Сказать точнее – вечер.
Мир отдыхал на травах и песках.
И облака в созвездиях-уздечках
Брели, как будто лошади впотьмах.

Торжествовала ночь над спящим кровом.
Отец смеялся с фото на стене.
Был прожит день – июнь, двадцать второго...
И молод я. И город не в огне.

Молилась мама за меня

Минуя строгий взгляд границы,
У кромки Родины и дня
Ещё не знал я, что в станице
Молилась мама за меня.
Когда, фуражку лихо сдвинув,
Я шел, заветное храня,
По главной улице Берлина,
Молилась мама за меня.
Когда, бессонницы отведав,
Чужой столице – не родня,
Встречал я утро Дня Победы,
Молилась мама за меня.
Пусть ветры мечутся у Храма,
Но за отца, войну кляня,
В сороковых молилась мама,
В восьмидесятых – за меня.
Она не скажет, что ей снилось.
Она, по сути, мир ценя,
За человечество молилась,
Когда молилась за меня.

1981

В гостях у Анны Тимофеевны Гагариной

Сижу в гостях, смущеньем мучась,
У мамы Юрия Гагарина.
Благодарю отныне случай
За этот миг, судьбой подаренный.
Как в душу траурная врезка, –
На видном месте фотография
С его улыбкой, что известна
Европе, Азии и Африке.
Альбом листаю, молча горбясь,
И понимаю болью спрятанной,
Что мировые слезы скорби
Здесь, в этой комнате, отплаканы.
Людскую мелочность, парадность,
В одно мгновение развеяв,
«Здоровья нет, а так все ладно», –
Сказала Анна Тимофеевна...
Хочу ответить – слова мало.
Не подведи меня, везение...
Позвольте мне приехать с мамой,
Она всегда – мое спасение
Вы с нею вспомните за чаем,
Как вас бедою общей маяло,
А я бы слушал, понимая,
Что дети мира – дети маминьы.
Я сыну вашему не ровня,
Но от великого до малого,
В ракете ты или на дровнях,
Мы все – и это вечно – маминьы.
А за окном, где ветры стонут,

Где он застыл в молчанье каменном,
Летят снега, как эшелоны,
Гружённые светлейшей памятью.
Ещё не выстужено горе
Из этих глаз, тоской просвеченных...
Целую руки я, с которых
Взлетело в космос человечество.

Поэма о сердце

Светлой памяти отца

На могиле отцовской молчу.
Зеленеют продрогшие всходы.
То ли горе не по плечу,
То ли вторглись неюные годы.
Сорок весен хожу по земле,
Сединой стала ранняя проседь.
На омытом дождями столе
В рюмки налита горькая осень.
Что в сравнении с этим молва,
В кулуарах мышинные драчки.
Поутихли, устали слова,
Словно кони от бешеной скачки.
Как давно не поёт соловей,
Так давно – даже голос не помню.
Видно, нужен душе суховей,
Чтобы выветрить чёрствыые комья.
На могилах отцовских не врут,
Где-то могут, а здесь – не умеют.
Сыновья сюда память несут
И в безмолвии честном немеют.
Детством сельский, давно городской,
На окраине отчей станицы,
С непокрытой стою головой,
Чтоб усопшему батьке присниться.
На могиле отцовской кричу
Безутешно, неслышимо – сердцем...
В жизни этой не много хочу –
На оградку рукой опереться.

За хатой беленой, с отцом в огороде –
Мне где-то неполных четырнадцать лет, –
Как мамой наказано, роем колодец,
Вдыхая озоновый летний рассвет.
Всё глубже и глубже земная утроба.
Отец в ней по плечи, а я – с головой.
Земля тяжела, как ладонь хлебороба,
Пришедшего с поля вечерней порой.
Внизу набираю ведро чернозема,
От детского «Вира!» взлетает ведро.
И мама, я слышу, хлопочет у дома,
И с тополя, вижу, летит серебро.
Но, к мягкой стене привалившись устало,
Почувствовал странный, неведомый звук.
И вдруг подо мной ожило, задышало,
Забилось раздольно и глухо–«Тук-тук...»
Склонился отец: «Выбирайся скорее», –
И голос звучал отрешенно вдали,
Как дальняя песня, когда свечереет..
«Сынок, осторожнее: Сердце Земли!»
Уже наверху я услышал: «Бывало,
В траншеях, окопах, воронках лежал,
Порою взрывною землей укрывало,
Но Сердце ее никогда не слышал».
Был ярким закат, словно цвет абрикоса.
Я в странный колодец тарачил глаза.
«...Но, помню, твой дед говорил на покосе –
Земле, как и людям, без сердца нельзя...»
На месте колодца оставили холмик,
Случайно посмотришь – собой невелик...

А ночью, пугаясь себя и безмолвья,
К нему я, от холода ёжась, приник.
Седые созвездья дышали простудой,
Лежал я под лунной свечой в тишине
И верил, что сбудется, сбудется чудо...
И Сердце земное забилося во мне.

* * *

Помолчав у притихшего сада,
Постояв на крылечке избы,
Вышла юность моя безоглядно
К закольной развилке судьбы.
На ознобном ветру перекрестка
Пощадила попутка меня...
Вслед горела сухая полоска
Удивленного сельского дня.
Встретил город не хлебом и солью,
Но пустил на бетонный порог.
Огляделся я – вольному воля –
И пошел на рабочий гудок.
Цеховые ревущие стены,
Проходной застеклённая даль...
Стало время делиться на смены,
Стала хлебом насущным деталь.
Пневмопрессом, обманчиво-грозным,
Что дышал, как больной исполин,
Из деталей железные звёзды
Собирал для крестьянских машин.
Мой напарник с повадками жлоба
Был не то чтобы очень, но – рвач,
И вгонял меня в пот до озноба,

Словно горькой микстурой врач.
Но воистину каждым порезом,
Каждой капелькой пота
Сильней
Понимал я, что запах железа –
Не ромашковый запах полей.
А бригада была – как бригада,
Не ударная – просто была,
Но квартальные планы осадой,
А, коль надо, и штурмом брала.
Сменный мастер – хозяйское око –
Верил в цепкую хватку руки
И смотрел на меня, как в бинокль,
Сквозь выдавшие виды очки.
И не баловал строгим вниманьем...
Но забросил я в небо звезду...
В перерыве, в ночной, на собрание
Мастер это зачел, как беду.
Обжигали слова, будто пытка,
Мол, рабочая совесть и честь,
И ещё, что звезда – дефицитка...
«Их, – ответил я, – в небе не счесть!»
В тишине, затаившей дыханье,
Я услышал: «Ты, парень, не бог!» –
«Да она излучает сиянье!» –
«Да ему же накачка не впрок...»

Мой первый профессор, мой утренний мастер,
Я нынче – в натруженных, ваших летах,
Когда не упрячешь за розовой маской
Ни трезвость во взгляде, ни горечь в устах.
Пусть версты мои припорошены пылью,
Немножечко – звёздной,

С лихвою – земной,
Внутри ощущаю дрожание крыльев,
Что так обнаженно носил за спиной.
Присядем и память настроим на честность.
Спасибо Вам, мастер, всерьёз, не шутя,
За то, что о Ваше понятие чести
Случайно моё не споткнулось,
Хотя...

Премиалки лишенный, усталый,
Я в общаге стонал: «Ерунда...»
И в окне, угасая, мерцала
Сотворенная мною звезда.
Но, заполнив пространство пустое,
Как спасенье, в живой глубине
Многотрудное Сердце земное
Сквозь асфальт пробивалось ко мне.

* * *

На проспекте, где пенье ветров, –
Как дыханье машинного гуда,
Проживало в одном из домов
Ясноокое, гордое чудо.
Выходило оно по утрам,
Как всегда неземно, первопутно.
Верил я, обратясь к небесам, –
Без него не свершилось бы утро.
Туфли звонкие, легкость бровей,
И в косе, словно бабочка, лента...
Но встречались у общих дверей
Я и чудо – мы были студенты.

До него – будто вовсе не жил,
Для него, как на праздник обнову,
Потаённо и скупое хранил
Три извечно робеющих слова.
Есть любовь – отрешенье в саду,
Есть любовь – даже тайны прекрасны.
Только Первая – вся на виду,
Как цветок на обочине трассы.
Подходили: «Смелее, чужак!
Не робей, и поменьше мороки...»
Так случилось, но с ней за большак
Я ушел в новолунные сроки.
Мы с годами – и это в крови –
Обретаем расчетливый опыт.
Но не верю я в опыт любви,
Он в любви не мелодия – шёпот...

Ударила зноем степная прохлада,
Когда произнес я: «Люблю!»
И стужей дохнула: «Не надо, не надо
Признаний, молю!»
За ликом, разяще чужим, за плечами
Простор сквозняково зиял,
И траурный ливень луны между нами,
Как мрамор, стоял.

Вот и все... У заречных стогов
Я лежал средь полей на просторе,
И душа от ночных берегов
Уходила в открытое горе.
Перестаньте шутить, соловьи,
Понапрасну людей беспокоя...

Но услышал я Сердце Любви –
Зоревое, святое, земное.
Как могучая песнь во хмелю,
Поднялось от глубин к поднебесью –
Я люблю, я люблю, я люблю! –
Оглушая бескрайние веси.

* * *

В те края, где я служил солдатом,
Вёрсты проторенные земли
Через три рассвета, три заката,
Через две границы пролегли.
Сквозь огни ночные светофоров,
Под железный выстук нараспев,
Мерял иноземные просторы
Эшелон, тоской переболев.
Средь домов готического стиля,
С поцелуем мамы на губах,
По булыжно-дробному настилу
Я шагал в армейских сапогах.
Опадали листья светозарно,
Словно под машинкою чубы.
Но была солдатская казарма
Гулким продолжением судьбы.
Я стонал от азбуки военной,
Проклинал летучие снега,
На ученьях
Лежа и с колена
Не сразив фанерного врага.
Может, что и грезилось ночами –
Не припомню... Помню, как из тьмы

Позвала тревога голосами
Лютой, обжигающей зимы.
Увела в студёный, мглистый поиск,
Где, хрустя, кукожится ремень,
Где снега по пояс – будто полюс
У планеты сдвинут набекрень.
Кружим – лейтенант и три солдата –
То в сугробах леса, то – степи.
Даже сквозь перчатки к автомату
Липнут пальцы стальные – терпи.
И, припав рукой к сосновой ветке,
«Не могу», – вдруг выдохнул в сердцах
Мой годок
С кроваво-желтой сеткой
В обрамленных инеем глазах.
Лейтенант сказал: «Хандру отставить!...»
И ко мне, валившемуся с ног,
Перешел совсем не по уставу
С выкладкой чугуновой вещмешок.
Заметает след. Стволов дрожанье.
И метель, как вражеский десант.
Лейтенант, я все-таки южанин,
Чуть замедли поиск, лейтенант!

Лейтенант, и второе, и третье дыханье
Захлестнуло петлюю пурги – я отстал
И, качнувшись устало, усталостью ранен,
Отрешенно, раскидисто, навзничь упал.
Ты потом, возле койки моей, в медсанбате,
Улыбнешься по-свойски: «Беда – не беда»,
Доложив при разборе суровому «бате»
Обо мне: мол, герой-молодец, но тогда...

Я лежал, в сугроб горячий втиснут
Тяжестью бессилья моего.
Нависало небо низко-низко,
Будто вовсе не было его.
Сквозь желанье чуточку согреться
Промелькнуло искоркой в ночи:
«Я же слышу собственное сердце,
Отчего земное не стучит?»
Но уже вплывало – сруб колодца,
Двор метёный, хата в глубине...
Понял я – земное Сердце бьётся
Не в любой, а в отчей стороне.

* * *

Я не писал стихов, но в некий год,
Внезапно, оглушительно и ново,
Ступив на соловьиный поворот,
Споткнулся о рифмованное слово.
Неважно, через сколько зимолет,
Но, отрезвив румяное начало,
Простая рифма званием поэт
Меня однажды скромно увенчала.
Она меня бросала за порог
Навстречу незаслуженным букетам...
И позвала в курортный городок
На юбилей великого поэта.
Где каждого, – признав ли, не признав,
Встречали неизбывно хлебом-солью...
Но всех затмил чубатый космонавт–
Звезда торжеств и общего застолья.
В застолье, где над прозой бытия

Перекликались тосты соловьями,
Мы оказались рядом – он и я,
Соприкасаясь вежливо локтями.
По кругу слово огненное шло,
В мои уста попав, как ломтик перца...
И я запел протяжно и светло
На выдохе нечаянного сердца.
Пусть не певец, пусть голос мой дрожит,
Как зыбкий воздух над горячей пашней,
Но песня для меня – надежный щит,
Когда слова обычные пустяжны.
И космонавт, глаза полузакрыв,
Повел просторно, слаженно, не чинно...
Летел в окно пронзительный мотив
Про вольную казацкую кручину.
Сквозь слезы улыбнувшись, как дитя,
Умолкла песня под аккорды тоста...
И я, на шутку право обретя,
Сбасил шутя:
«Возьмите меня в космос!»
Но космонавт, отведавший стихий,
Что мне во сне пригрезятся едва ли,
Полушутя: «Я взял бы! Да стихи
Писать ты бросишь...»
И его прервали...

Помолясь, как господу, пилоту,
Набирая страх и высоту,
Я летал на разных самолетах –
ЯКах, ИЛах, АНнушках и ТУ.
Но всегда, тревогою объятый,
Я глядел, готовый на поклон,

Как земля летит в иллюминатор,
Под колеса выставив бетон.
И, спускаясь медленно по трапу,
До поры отпущен высотой,
Удивлялся собственному страху,
Будто он породы внеземной.
Сколько раз ознобными плечами
Самолет, как панцирь, ощущал.
Сколько раз, летя над облаками,
Там, вверху, строки не написал.

...Сполошно космонавта увезли,
А вместе с ним – слова полуответа...
Есть Сердце благодатное Земли,
Есть сердце благодарное поэта.
Нет выше высоты, чем на Земле.
Найдешь другую – обретешь возмездье.
Не высота – витая в зябкой мгле,
Песчинкой говорящей падать в бездну.
Стучит в пластовья утренних полей
Земное Сердце, музою воспето...
Чем дальше от него, тем тяжелей
Пустое легкоречие поэта.

* * *

Твое лицо – лицо огня.
И я пожар унять не властен,
Когда, дыхание тесня,
Подует вольный ветер страсти.
В дверях покоятся ключи,

И шторы сдвинуты на окнах.
Ты светишь лунами в ночи,
Ты пахнешь росами на копнах.
Уже становится тобой
Моя покорная мятежность,
Уже восходит под рукой
Стихии яростная нежность.
От незакатных облаков
Пречисто-грешною дорогой
Нисходит мудростью веков
Мгновенье сладкого ожога...
Плоть утомленная зорит –
Как бьется жилка на запястье.
Твое лицо еще горит,
Но утихает ветер страсти.
И жизни нам – на тыщу лет,
И тишина не скрипнет ставнем.
Давай разбудим нижний свет –
Поговорим о самом главном.

Ты

Целую, целую, целую,
А губы мятуще безверны:
Ревную, ревную, ревную
К далекой, непрошеной, Первой.

Я

Напрасно, напрасно, напрасно,
С тобою любовь, а не память.
Как часто, как часто, как часто
Отжившее – тень за плечами.

Ты

Но душу, но душу, но душу
Однажды потянет к святыне.
Послушай, послушай, послушай,
Я чувствую первенца... сына.

Я

Целую, целую, целую,
А прожитой боли – не требуй.
Ревную, ревную, ревную
К весеннему солнцу и небу.

...О эта радость через край,
Когда я звучно, как с парома, –
«Ты Пушкина ему читай!» –
Кричал под окнами роддома.
Когда, представ перед тобой,
Глазело, будто бы спросонок,
На белый свёрток кружевной
Мое отцовство, как ребёнок.
Цветы посыпались из рук...
И в свёртке что-то шевельнулось,

Так шевельнулось, будто вдруг
Земля торжественно качнулась.
В такси, плечом к тебе припав,
Услышал я, захлопнув дверцу:
Стучит, себя не осознав,
Родное крохотное сердце.
И, перечеркивая тьму,
Дыша надежной глубиной,
Могуче вторило ему
Помолодевшее – Земное.

* * *

Ни хаты беленой, ни холмика детства
В станице моей не заметишь – снесли,
Но истинно вешне отцово наследство,
Вовек не утратное – Сердце Земли.
На месте, где холмик тропинку горбатил,
Стоит, оцетинясь антеннами дом.
Не зная вины, покурю виновато
Под чьим-то транзисторно-бойким окном.
Спрошу невзначай у мальчишки в подъезде:
«Не бьётся ли Сердце земное?» – «Да... нет...»
Прости за вопрос, невпопад-беспольный,
Тебе он – что голос нездешних планет.
Как часто отцовское слышу: «Бывало,
В траншеях, окопах, воронках лежал,
Порою взрывною землей укрывало,
Но Сердце её никогда не слышал...»
Пусть гулко и песенно Сердце земное –
Его не услышать за громом войны.

Его надо слушать собою, судьбою –
Пока оно бьется – среди тишины.
Быть может, поэтому ветер качалый,
Туман нагоняя, пригнув ковыли,
Не выветрит доброе слово начала:
«Сынок, осторожнее – Сердце Земли!»
Мне речи иные – как ропот заспинный.
Но шепчет подвластное нам бытие
Мальчишкой в подъезде, капелью, рябиной:
У каждого – Сердце земное свое.
Иду по дороге цветущей станицы
Туда, где кузнечики горе куют,
Где птахи – веселые, вольные птицы,
Задумавшись, грустные песни поют.
Где шорохи мая сродни листопаду,
Где тополь белесый – что дым из трубы,
А ниже – серебряный отсвет ограды
Белеет, как хата в начале судьбы.
Так хочется выдохнуть с болью и стоном,
Ракетную явь осознав до конца,
Доверясь по-детски живому, простому:
«Земля, осторожнее – Сердце отца!»
Так хочется крикнуть в погоне за чудом,
Не солнцу над крышей, не грому вдали,
Не птице, не роще, не зверю, а людям:
«Земля, осторожнее – Сердце Земли!..»

*ст. Куцевская – Коктебель – Ростов-на-Дону
1983-85*

Земля

В.Н. Василенко

Молчит простор тысячевёрстный.
Огни. Вечерняя роса.
Я – на холме. Пургою звёздной
Запорошило небеса.
Стою один вдали от шума,
Вдали от пригородных трасс.
Скажи, Земля, какие думы
Тебя тревожат в этот час?
Земля ответила дорогой,
Сверчками, шорохом травы:
«Моя любовь, мои тревоги,
Мои заботы – это вы.
То ледяною, то согретой,
То в ясный день, то под луной,
Легко, поверьте, быть планетой,
Труднее – матерью-Землёй.
Я – ваш очаг. Я – степь без края,
Её цветущий первый пласт,
И потому, всегда живая,
Кормлю, пою и грею вас.
На мне рождались, хлеб косили
И умирали, смерть кляня.
Да, я для вас – Земля России,
Но вы – Россия для меня.
Лечу, галактики касаясь
Боками жаркими степей...
Я – Мать-Земля, я так нуждаюсь
В любви и помощи детей».

* * *

Я привык стоять на том,
Что враждуют повсеместно
Правда – с ложью, зло – с добром,
А людская честь с бесчестьем.
Но проступит, как тавро,
Сквозь улыбку дня тревога:
На Добро идёт Добро –
Зло смеётся у порога.
Я не вправе править суд,
На который раз впустую
Правда с Правдой бой ведут –
Ложь в итоге торжествует.
И за что такая месть
Нам, живущим рядом с песней:
Честь войной идёт на честь,
Сделав знаменем бесчестье.
Я бы выдумки свои
Затерял в траве-бурьяне...
Но столкнулись две любви,
Будто айсберги в тумане.

* * *

Хватит бойкой семиструнности –
Мне бы чуть негромкой смелости.
Отошли забавы юности,
Наступили будни зрелости.
Вот шагаю сельской улицей,
Пыль серебряная стелется.
Соловей вдогон прищурится,
Будто песнею прицелится.
Круг друзей, годами суженный,
Разрываю на мгновение.
Нынче ветры не остужены,
Но и грозы не весенние.
Ни кичиться, ни куражиться,
Хоть убей меня, не хочется.
Облик твой в ночи покажется,
Да судьбой не напорочится.
За спиною – тени лунности
И тропинки неумелости...
Привечаю старость юности,
Извините, –
Детство зрелости.

* * *

Всё тождественно и сравнимо.
Глянeshь – полюс на облаках...
Стол, торжественный, как равнина,
В юбилейности, как в цветах...
И бегун на виражной бровке
Просит допинга-ветерка...
И опилки из-под ножовки,
Будто искры от наждака...
И, подушку взахлѐб кусая,
Трезвой логике вопреки,
Плачет женщина, причитая:
«Мужики и есть мужики»...
Пусть душа безоглядно хочет
Неизведанное сравнить –
Я сравненья люблю не очень,
Ибо можно переборщить.
Но пронзительно несравнимы,
Хоть ты дьяволом окажись,
Стон зачатия, Хиросима
И моя человечья жизнь.

Забытый колодец

К нему бы прийти ненароком
С лопатами, тёсом, гвоздями...
Глядит затухающим оком
Колодец, забытый людьми.
Ненужный, покинутый, старый,
В квадратное небо глядит.
К нему не приходят отары,
Журавль – поседев – не скрипит.
В раздумье стою у колодца,
Пустынна его глубина.
Он выпит полуденным солнцем,
Как горькая чаша до дна.

* * *

Много ли хочется сойке поющей
Да мотыльку у ночного костра?
Много ль нужно раскидистой пуще
И васильку на задворках двора?

Много ль хочется спящей округе
И неужённой сирени в окне?
Много ль нужно подлунной зверюге,
Что не заявится в гости ко мне?

Незапылённо ответит дорога,
Незамутнённо ответит вода:
«Хочется, господи, быть недотрогой,
Как не хотелось еще никогда!

Быть недотрогой для жадного века,
Для умудренного смертью огня,
Для ненасытной руки человека...»
Слышите, это уже про меня.

Снег ли, жара, но у стойбищ и тропок
В гомоне птичьем, звериной глуши
Я объявил бы: руками не трогать,
Если у рук – запустенье души.

Выйду на исповедь к той же дороге,
К той же воде у загубленной ржи:
«Хочется, господи, быть недотрогой
Для суеты, бездуховности, лжи...»

Если однажды заплачу – простите.
Необъяснимы окрест вечера...
Остановите меня, полоните
И заточите в оковы добра.

* * *

В ответ на выстрел охнет поднебесье,
И крикнет птица, падая во тьму:
«Мы ваши братья, равные по песне,
Но младшие, к несчастью, по уму».

Под сапогом – куда бедняге деться –
Завоет пёс с надеждой, что поймут:
«Мы ваши братья, равные по сердцу,
Но младшие, к несчастью, по уму».

От лезвия ножа изведав боли,
Клён прохрипит, не ведая кому:
«Мы ваши братья, равные по доле,
Но младшие, к несчастью, по уму».

Что им ответить? Будто слёзы, брызнут
Слова, чтобы растаять на ветру:
«Мы ваши братья, равные по жизни,
Но младшие, к несчастью, по добру».

Морщины

От наших юных лиц вдали
Морщины кружево плели.
Нам знать об этом не хотелось.
Но вдруг у глаз они легли...
И до того нам сладко пелось,
Что мы признаться не могли –
То в сети нас поймала зрелость.

Усталость

Г.А. Климову

Усталость лечится покоем,
Бранить усталость ни к чему.
Она – не зло, она порою
Полезна нашему уму.
Не близкий друг –
Пусть враг мой дальний
Её вовеки бы не знал...
Гляжу на лемех.
Он – зеркальный,
Но сколько раз он уставал.

Зрелость

Не душа – полдуши отлетело,
Соберусь горевать от ума.. .
Но приходит в передничке белом
То ли школьница, то ли зима.

Дядька

Неожиданный, будто выстрел,
Громыхнув дверьми, толстопуз,
Набекрень душа и картуз,
Дядька ввалится и, с присвистом
Забивая в передней гол,
Туфлю левую ухнет в стенку,
Туфлю правую ахнет в пол,
И под возгласы «Ай да Сенька!»
Выпьет стопочку огневой
За моё бесценное здравьице
И губами ко мне потянется:
«Именинничек дорогой!
Ты на выпившего не сетуй,
Есть талант, ну и дай-то бог!
Я-то свой – давно под замок
И не каюсь... А все ж не следуй
Шебутному дядьке, сынок.
Хоть умри, а живое пламя
В сердце, песне ли – сохрани.
Если станут деревья пнями,
Значит, будут золой они.
А бунтарству учись у Стеньки –
Четвертованные живут!
Денег нет или будут деньги,
Куры их, один черт, не клюют.
Удивляйся последнему снегу,
Только, знаешь, не рыскай во мгле,
Не пиши для кого-то о небе,
Напиши для меня о земле...»

Тишина. Луна, как полтинник.
Звёзд сияние. Дядька спит.
И земля, как гигантский будильник,
Возле уха его молчит.

* * *

Где ты, вещей дух бессмертья –
Дух залетный по весне?
Отложу письмо в конверте,
Отложу стихи вчерне.
Сентября высокий зов
Обозначит, как набатом,
Легкодушие стихов,
Равнодушие адресата.
Ветры пришлые чудят.
Горький чад костров осенних
До зари покинет сад.
Безмятежный добрый гений –
Грянет снег. Озлятся ветры.
Вьюги чистое крыло
Сад, стихи, письмо в конверте
Перепишет набело.

* * *

А.А. Рогачеву

Благословенны блески ночи.
Весна. Тетрадь. Перо в руке.
Глубокий вдох на междустрочье
И полный выдох на строке.
Твори, поэт. Поставив точку,
Благослови жестокий миг,
Когда тетрадь к исходу ночи
Сгорит в огне, как еретик.

Ветвь

По каким канонам и законам
Управляет жизнью белый свет?
На цветущем дереве зелёном
Вижу усыхающую ветвь.
Как на лице юности морщина –
Неуместна с памятью былой.
Кто её обидчики – вершина
Или корни, скрытые землёй?
Подступает медленно страданье:
Я свидетель, как через века
У природы просит подаянья
Дерева усохшая рука.

Ноябрь

Ноябрь. Покину стены крова.
Затих, оградой окольцован,
Освищенный ветрами сад.
Вдали торжественно чадят
Костры. Спокойно дышат корни.
Ни звука. Раструбы ветвей
Молчат до срока, будто горны
В саду уснувших трубачей.

* * *

Умирают листья дважды.
Первый раз – на деревьях,
А потом – когда однажды
Их сжигают на кострах...
И опять, сменив одежду,
Под холодной синевой
Кружит лист осенний
Между
Первой смертью и второй.

* * *

Если ветер с юга,
Открывай ворота...
Будто след от плуга,
Шлейф от самолёта.
Письмецо – как выдох:
На одну страничку.
Захочу и выйду
К речке-невеличке.
Где весна ярится,
Где синё до боли,
Где письмо-синицу
Выпущу на волю.
Не хочу итожить
Серебро и славу.
Как пушок на коже,
Молодые травы.
Отпуржило лихо,
Соловьи речисты...
В доме тихо-тихо,
В поле чисто-чисто.

* * *

От спящей станции вдали,
По травяной осенней рани,
Ушами прядая, брели
Две серых лошади в тумане.
К студёной заводи, одни,
Брели – два тёмных силуэта,
И был туман, а в нём – они,
Виденьем сказочной планеты.
Но, тишину убрав с пути,
Разбойным свистом утро жаля,
Состав промчался и утих,
И кони жалобно заржали.
Исчез таинственный напев,
В реальность обратилась сказка.
Так детство наше, повзрослев,
Глядит на старые салазки.
Тянуло горькой далью нив.
Две красоты, себе внимая,
Стояли, гривы опустив,
Все в этом мире понимая.

Роща

Роща, позволь осиянно войти
В тени твои, на мгновенье забыться,
Хрустнуть валежником, сбиться с пути,
И помоги невзначай заблудиться.
Роща, я нынче пришел налегке,
Без вековой перочинной корысти.
Роща, взгляни, у меня на руке
Жилки – такими пронизаны листья.
Как тебе больно от наших засек,
Как вероломна порой непогода!
Роща, ты – древо, а я – человек,
Роща, мы вместе с тобою – Природа.

* * *

С погремушкой мартовской капли.
С лейкою июньского дождя,
Со свистком берёзовым метели,
Я не царь природы, а дитя.
Пасмурна ли, солнечна погода –
Есть в природе, чувствую не зря,
Что-то от характера народа...
А народ не жалует царя.

* * *

Дождь летит, как было до меня,
Снег идет, как в пращуровы годы
Отчего, извечное храня,
Самовозвращается природа?

Отчего над поймою былой
Гомонит былым-былая птаха,
И деревья, ставшие землей,
Наплывают парусно из мрака,

И гранитом ставшая трава
Верует неслышно и глубоко,
Что она заведомо жива –
Чабрецово, правнучно, далёко?

Угляжу пещерное зверьё,
Надышусь античными цветами
И пойму взошедшее своё:
Самовозвращение – как память.

У природы будущее есть,
Прошлым нареченное однажды.
Не хочу к ней в жалостники лезть
И над нею царствовать не жажду.

У неё, хозяйки бытия,
Перенял, как будто занедужил,
Что не нужен будущему я,
Если я прошедшему не нужен.

**Из книги
«Четвёртое время»
2005 – 2012**

Снег

Снег придёт из ниоткуда,
Снег появится из чуда,
Снег придёт, как строчки эти,
И тебя во мне осветит.

Песня

И...

Снежный затеяв пляс,
Ночь за окном кружится.
В комнате свет погас,
Высветив наши лица.
Рядом глаза твои
Цвета умытой вишни,
Даже свеча любви
Будет сегодня лишней.

Припев: Это свеченье лиц
Ты не спугни, как птиц.
Это свеченье душ
Ты сохрани от стуж.

Хочешь, скажу «люблю»
И повторю некстати,
Хочешь, вину пролью,
Будто вино на скатерть.
Гляну позёмке вслед –
Края зимы не видно.
Небо включает свет,
Господи, как обидно.

Припев

Букет

Как хорошо услышать лето
В морозном шёпоте снегов
И у подножия рассвета
Собрать, не ведая запрета,
Букет твоих душистых снов.

Ручьи

На босу ногу – хоть кричи –
Бегут весенние ручьи.
Точнее, шумные от роду,
Быть может, в помощь ледоходу,
А может, нам с тобой в угоду,
Бегут ручьи на босу воду.

Следы

На акации белые яблоки,
Их чудно сотворила зима.
За отбеленной рощей – следы
Убегают, как наши кораблики,
К снеговому окружью холма,
Где слепящая даль – от ума,
А от сердца – чуток ерунды:
Неземное дыханье воды.

Скучаю

Мой сон – не дар моей судьбе...
Когда надёжно засыпаю,
Я по себе впотьмах скучаю.
Когда ж, летя навстречу маю,
Глаза и сердце открываю, –
Светло скучаю по тебе.

Влюблённые

Видимся каждый день – мало,
Видимся каждый час – мало...
Давай улетим туда,
Где есть параллельное время.

Неоконченные стихи

Два Божьих творенья
Влюблёнными слыли,
Два Божьих творенья
Вселенными были.
И в каждом дышало
По утренней бездне,
Горело по тысяче лет
Световых, –
Немножко надзвёздных,
Немножко земных...

Два Божьих творенья
Не вышли из круга,
Два Божьих творенья
Касались друг друга,
Хотя и ютились
По разным пределам.
На разных орбитах
В кольце западни,–
Немножко под солнцем,
Немножко в тени...

Окрылость

Не надо винить друг друга
В остроугольности круга,
Когда ты по кругу ходишь
И только углы находишь.
А в круге такая сирость,
А в небе такая сырость,
Но входит моя окрылость –
Остроугольная милость.

Грех

Спросила – как сердце задела...
Ответил – хоть святцы пиши:
«Помилуй, всего-то и дела –
Измена мгновенного тела
При верности вечной души...»

Везение

В окне узор осенний,
А я такой везенный:
Мне редко повезло –
Не брошено крыло,
Не сломано весло,
И Зло себе назло
По-доброму ушло.

Но только

Ходил на свидание с почтой,
Отправил письмо... заказное,
Причём не кому-то – себе...
Письмо, что написано было
Не солнцем, не ветром – тобою,
Но только моею рукой.

Перо

Перо лежало на полу,
Перо приладили к столу.
А если верить чудакам,
Перо приладили к стихам.
Перо любовью дышит
И пишет, пишет, пишет –
Как птица на море жила,
Как птица вольною была,
Как птица птицу позвала,
Как пуля сердце обожгла...
И я читаю до утра
Стихи лебяжьего пера.

Предстишье

Всё та же в небесах стояла вечность...
Всё та же в небесах сияла млечность...
А на Земле, под сводами пещеры,
В дыму костра палеозойской эры
Витали искры будущих стихов,
Когда дикарь, пьянея от цветов,
Ещё не осознав, что он поэт,
В бреду любви, отчаянно и сдуру,
Принёс любимой, надо же, – не шкуру,
А – под ухмыл сородичей, – букет.

Поэзия

Поэзия – это форточка,
Открытая в звёздное небо,
А может быть, юная Геба,
Что рифмою служит для неба,
А может быть, просто кофточка,
В которой приходишь ты
Сжигать за собой мосты.

Гипербола

Иду в мучительность разлуки,
Не оглянувшийся назад...
Твои протянутые руки,
Как гуси-лебеди кричат.

Весна

Я рифмовал «земле – во мгле»,
А за окном, где не светало,
Весна, припавшая к земле,
Во мгле травинку согревала
И ничего не рифмовала,
Хотя была поэтом звёзд,
Любви, травинки и меня.

Вдохновение

Птица мелькнула в окне...
Что ещё нужно с утра,
Если явилась ко мне,
Вея дыханьем порога
Да завершённостью слога,
Птица, как росчерк пера
Животворящего Бога.

Есенин

Голова-головушка,
Соловей-соловушка...
Что оставил? Трын-траву
Да поэзию-вдову.

На месте дома поэта

И дом, и сад, и эру –
Отпущенную меру –
Бульдозером снесли...
Здесь жил Борис Примеров,
Один из Боговеров –
Поэт вся земля.
Теперь его столица –
Негромкая станица,
Где он, дитя войны,
Пошёл на голос птицы,
Чтоб строчкою явиться
Из пламени весны.
Рождённый в месяц летний,
Не очень знаменит,
Он рвал стихами клетки...
И оползень столетий
Поэта сохранит.

Художник

Слава мирская,
Слава людская,
Ты – погремушка
В руках удачи,
Но я равнодушен к тебе,
Поскольку меня знает Бог.

* * *

Как белый сон, как наважденье,
В окно ломился снеговал...
Я по утрам стихи писал
О том, что снег лежал вповал,
Что есть маяк на берегу
(Так ненавидящий пургу),
О том, что скоро предвесенье,
Что жизнь моя – стихотворенье
На вечерующем снегу.

Простота

Простота не хочет быть простушкой,
Как сонет не хочет быть частушкой,
Как весна не хочет быть веснушкой,
Как любовь не хочет быть подружкой...
Всё, пожалуй, ибо есть черта
За которой гибнет простота.

Есть

Есть Божий день. Есть кров и пища.
Есть грех людской. Есть пепелище.
Есть мир под неводом границ,
Где выхожу я из жилища
С разменной мелочью – для нищих,
И хлебной россыпью – для птиц.

Не торопи

Не торопи мгновений, чтобы
Приблизить спешно час желанный,
Пусть даже он переособый
И даже – передолгожданный.
Не торопи. Поскольку нас
Ждёт впереди Господень Час.

Слово

Если вначале – Слово,
Значит, оно – Основа,
Значит, оно – Земля,
Значит, оно – Поля,
Значит, оно – Станица,
Значит, оно – Страница,
Где первородным стихом,
Как первородным грехом,
Мне довелось родиться.

Свет

Улыбнулся ребёнок в Соборе
Не кому-то, а мне... Малыша
Мать несла на крещенье... В притворе
Я стоял, уходить не спеша...
Значит, Небо со мной не в раздоре,
Значит, Птица моя на просторе,
Значит, думает думу Душа.

Прощание

Диптих

Мама и я в квартире.
Маме навеки светло.
Мне – шестьдесят четыре:
Надо ж – куда занесло.

Волком дорога выла,
Гулко стучало комьё...
В сердце – плакун-могила, –
Кончилось детство моё.

... И понял я, слезам вдогонку,
Перекрестясь на купол храма,
Что я, по сути, был ребёнком,
Пока жила на свете мама.

Рождество

Рождество Христово –
Запредельный свет.
Рождество Христово –
Мама больше нет.
Рождество Христово –
Утреннее слово.
Рождество Христово –
Снова, снова, снова...

Крещение

Крещение Господне –
Всё юно и старо.
Крещение Господне –
Живое серебро.
Несу домой ведро,
В нём плещется Добро.

Сорокоуст

Сорокоуст – печальный куст –
У врат бессмертия цветёт,
А за оградой маму ждёт
Отец с мольбой зовущих уст,
Чтобы расцвёл и в мамин срок
Последний, вещей лепесток.

Преображение

Рассвет и яблоня... Сегодня
Преображение Господне...
Зашли в Собор, где отмолчали
Свои надежды и печали,
Где, перейдя церковный двор,
Вели – и это замечали –
Преображённый разговор.

Атавизм

Плесну в лицо из кухонного крана
Водю мирового океана...
Но, кипятком заваривая чай,
Я вспомню, как однажды, невзначай,
На свет доисторической звезды,
Сбежав от рыб, я вышел из воды,
Из люльки мирового океана,
Который, вот, поди ж, течёт из крана.

Не беда

Не беда, что август за плечами
И надземно слышится простор...
Громяхая тайными ключами,
Прихожу я к закрому ночами, –
Мот беспечный, звёздный крохобор.

Аллея

Льётся дней моих розовый купол...

С. Есенин

Зелёная аллея – не встретишь зеленей –
Сомкнулась надо мною в зелёный купол дней.
Зелёная аллея, у неба под пятой
Ты бросишь на дорогу листяник золотой.
И там, где ветродуем зима утюжит след,
Сомкнёшься надо мною в неброский холмик лет.

Под вечер

... И хмарь, и улыбку приму,
Под вечер дорогу уйму...
А небо спокойно взирает,
Как жизнь монотонно, во тьму,
На стрелках часов убывает.

Уйти

Уйти на выдохе Зимы,
А там, за рощей, – Вёсень,
А там – и летние холмы,
А там – и горькие дымы
Относит к долу Осень.
Жизнь, говорят, затейный сон:
Горчит, а всё же сладок он.
И хочется остаться,
И надо просыпаться.

В никуда

Жизнь, увы, короткая обедня:
Отстоял – и канул навсегда...
Из ночного порванного бредня
Уплывают звёзды в Никуда...

Ум за разум

Осина – óсинь...
Берёза – бёрезь...
Отхлынет осень,
Отступит ересь.
Но тех, кто знает,
Как жить при этом,
Снег уравниет
Нездешним светом.

Знание

Был юным –
Ничего не знал...
Стал зрелым –
Ничего не знаю...
Не знаю меньше,
На чуть-чуть,
На каплю,
Что медленно скользила
Между лун,
Когда ты выходила из прибоя
Навстречу мне...
И вслед шумело море,
Которое, быть может,
Знает всё.

Межа

Окна бюро похоронного
Смотрят в окна больницы,
Смотрят из-под ладоней
Приспущенных козырьков.
А за окном – дорога,
Длиной в суету городскую,
Стала межой, не зная
О том, что она межа,
Где от ворот больницы
До врат похоронного рая
Ходу, считай, немного...
Ну, скажем, душой подать.

В больнице

Н.В.Манченко

Просека больничного коридора
Светится лунным светом
Кафеля и неона,
Словно её перенесли
Из берёзовой рощи...
Но если заглянуть
В тёмные заросли
Слева и справа,
Наткнёшься на боль,
Которая отливает и кричит
Багряным цветом,
Как осенний лист
(Или крыло птицы),
Под каблуком
Вечно неумирающей
Надежды.

Счастье

Что такое счастье? У ответа
Глас невнятный, смута за плечом...
Но стучат в окошко гроздь лета,
Да пришло не вдруг из тьмы и света:
Счастье – это думать ни о чём.

На выбор

Жизнь поёт, как апрель в саду,
Жизнь идёт, как заря по льду,
Жизнь чудит, как луна в пруду,
Жизнь гудит, как земля в бреду,
Жизнь парит, как душа в меду,
Жизнь кипит, как смола в аду.

На миру

От проезжей улицы
Тупиком разит,
А в конце сутулится
Память-монолит.
И такая вольница...
И такие мхи...
На миру не водятся
Чистые грехи.

Правда

То сурова, то нежна –
Людям правда не нужна,
Потому что к ней в придачу,
День в окне переиначив,
Выдаётся ни за грош
Обязательная ложь.

Обман

Женщина из ларька
Меня обманула на тыщу –
Копеек, а не рублей...
И я не предал обмана,
Поскольку она была
Одета в ларёк торговый,
А я – в поднебесье мая,
И эта несправедливость
Упала в ладонь обчёта,
Как яблоко примиренья
Её, меня и весов,
Которые не светились
От новолунья сыров,
Которые не годились
Для перевеса миров.

Вот

Замкнулся неведомый круг,
Я спал. Я очнулся на стук:
Ноябрь – словно нищий старик,
Ладонками листьев приник –
Не к звёздному небу – окну:
«Подайте, подайте весну...»
Ну что ж, заходи, старина –
Вот хлеб да хозяйка-жена,
Вот соль да моя седина,
Вот ковш... Но допита весна.

Взрослая считалочка

Я доживаю четвёртое время...
Первое было – как лёгкое семя,
Время второе – летящее стремя,
Третье – на сердце упавшее бремя.
Время четвёртое – лунное время,
Пятое – горечь дыхания в темя.

Всё позади

Всё позади... Отхлынут воды...
И неуместной будет смерть,
Как неуместен рык свободы
Зверья, посаженного в клеть.
И не опомнится вода,
И небесам навеют годы,
Что жизнь уместна, как всегда,
По главной прихоти природы.

Приходит

Не синева – в глаза, а – просинь,
Не годы – к сердцу, – времена...
Да вот беда: узор набросив,
Приходит солнечная осень,
Как повзрослевшая весна.

Можно

Я ничего не придумал... Но вот
Белая осень чудит у ворот...
Можно, конечно, сбежать от ума,
И притвориться, что это зима,
Можно летящие годы вчерне
Взять и приладить цепями к стене,
Можно ходить-не ходить по стерне,
Можно гулять-не гулять по струне,
Но заглянёт – седина к седине –
Белая осень на белом коне.

Порог

Лист коснулся головы,
Приглашая к осени.
Я, конечно, с ней на «Вы»,
Я пришёл к ней из халвы
Золотого августа,
Не бедовый, не медовый,
Расчудовый нагусто,
И стою у просини
В ореоле проседи.

Чудо

Осень... а зеленью выстелен двор –
Сбросило дерево летний убор...
Это зелёное чудо не в срок, –
Будто на вечности лёгкий мазок,
Будто озябшего поля росток,
Будто любви и надежды глоток...

Вышла под вечер хозяйка-метла,
Лето осеннее в кучу смела.

Ну

Диптих

Ну дерево, ну жёлтое, ну осень,
С утра туман и лёгкая моросень.
Ну выйду я к берёзовой опушке,
А там ручей и листья, как веснушки.

Ну дерево, ну жёлтое, ну осень,
Ну зарифмую «осень» и «моросень»,
Ну выйду я к берёзовой опушке,
А там ручей, как флейта на пирушке.

Деревья

Деревья тоже воевали,
Тем, что земли не отдавали,
Тем, что себя не берегли
У края родины-земли.

Рейхстаг 45-го

Победного знамени шелест...
Войне положили конец
Егоров, Кантария, Берест...
Да с фронта вернувшийся через
Эпоху страданий отец.

Дом

Продали дом в станице,
Как выпустили птицу,
Как вырубили корни
Не дерева – земли...
Здесь все мои зарницы,
Здесь все мои криницы,
Здесь все мои столицы,
Здесь все мои кремли...

Вечернее

Мир неухожено расцвечен,
Мир сдвинет солнце набекрень,
Где стрекозу догонит тень,
Где станут медленнее речи
Людей, идущих мне навстречу,
Где на крыльцо присядет вечер,
А может быть, – уставший день.

ДВУСТРОЧНИК

«Детектив»

Обняла, не сняв перчатки...
А на сердце – отпечатки.

Женщинам

Я на вас гляжу небесно
И немножечко... телесно.

Любит – не любит

Я ромашку не пытаю –
Я на кактусе гадаю.

Свидание

Две любви сошлись в одну
И затеяли весну.

Пляжный роман

Были ночь, прибор, плейбой,
Шлейф дороги за тобой.

Шестиструнка

Это ж надо, – у гитары
Целых три влюблённых пары.

Проблема

У любви одна проблема:
Был Эдем, и нет Эдема.

Показалось

На гитаре лопнула струна,
Показалось – ойкнула весна.

Наоборот

Прихожу к любимой спозаранку:
Утро – это вечер наизнанку.

Любовный треугольник

На лице начертана моём
Наша геометрия втроём.

Антиэго

Я в Любви люблю тебя
И нисколечко – себя.

Теперь

Я победил тебя, сказав «Люблю»...
Теперь победу надвое делю.

Последние цветы

Я купил их в спешке у вокзала...
Да любовь от поезда отстала.

Тебе

Если можешь, не искри –
Станешь лучиком зари.

Смотрю

На любовь смотрю, как на подарок,
А подарок может быть с огарок.

Ошибка

Тропинку выбирала навсегда.
Зашла ко мне. Очнулась: не туда.

Первый поцелуй

Повзрослев на детскую мечту,
Перешёл недетскую черту.

На рынке

Я пришёл к тебе, точнее, с тобой на рынок –
Испытать любовь среди цветов и крынок.

Всё одно

Поцелуем губы присолю...
Поцелуем жажду утолю...

Супружеский долг

Это, друг, придёт с годами –
Отдавать его деньгами.

В конце лета

Ветер вырвал письмо из рук...
И унёс на осенний звук.

По сути

Не позволяют навеки пропасть
Долгая нежность, короткая страсть.

Когда за шестьдесят

Дорожка из песка по гололёду
Зовёт меня к любимой в непогоду.

Мимолётное

Здравствуйте, женщина в белом плаще.
Я без претензий. Я просто. «Вобщем».

Сюжет

Сюжет любви довольно прост:
Венчальный тост – домашний пост.

Паденье

Лечу от «Вы» к земному «Ты»...
Любовь – паденье с высоты.

Любовь

Гореть вдвоём
Одним огнём.

Всё

Хоть полмира обнови, –
Всё от скуки и Любви.

Мечты

Мечты увяли, как цветы,
Что на скамье забыла ты.

Давнее

От склонных лет за тыщу вёрст
Носил тебе охапки звёзд.

Люблю

Словно птицы во хмелю –
«Я люблю, люблю, люблю...»

Женщина о мужчинах

Они тупы, развратны...
И всё же... неотвратны.

Было

Было всё... И даже то,
Что не сбросишь, как пальто.

Бабник

За плечами сто дорог,
Потому что он «ходок».

Ещё

Ещё, Господь, прости меня
За грех сердечного огня.

Ты придёшь

Значит, будет не темно,
Значит, будет не земно.

Яблоко

Зоревое, как молодка,
Молодильное, как водка.

То – раздора, то – любви...
Что посеешь, то и рви.

Бабье счастье

Дети, муж, гуляющий в меру,
И тоска по кавалеру.

Скучная рифма

Вот счастливая любовь:
«Кровь» сменили на «Морковь».

Песочные часы

Я принёс для них песок пустыни,
А не пляжный – с примесью бикини.

Прялка

Шёлковый день занавесил окно...
К вечеру будет готово сукно.

Прошлое

Покинув берег (лучше «брег»),
Из крана бьёт вчерашний снег.

Говорят

Говорят, что воробей –
В переводе – «вора бей».

Милостыня

Через дверь десятку сунул –
Как с души пылинку сдунул.

Гитара-семиструнка

Жизнь такая, старина, –
Стала лишнею струна.

Народ

И не хотел бы, да явился...
Народ – от слова «народился».

Камень

Камень в горлинку попал,
Вместе с горлинкой упал.

Старость

Сказала старость: «Боже мой,
Как хорошо стареть весной...»

Вселенная

На Земле среди светил
Я фонариком светил.

Шторм

В небо просится волна –
Не пускает глубина.

Межсезонье

На косе песчаной двое –
Я и небо штормовое.

Каннибализм

Чем хорош коллектив? У вождя за обедом
По ошибке съедят не тебя, а соседа.

Парадокс

Поймёт меня Земля, а не округа –
Вражда врага полезней дружбы друга.

Наследство

Участок. Дом. Сарай в придачу –
Вот получу... и не заплачу.

Букварь

Поселили в книжку маму,
Чтобы вечно мыла раму.

Детство

Во дворе колодец жил –
Дождь и солнышко ловил.

Почти примитив

Послушай, ты уже большой, –
Нехорошо сорить душой.

Бессмертие

Диван кряхтел и кашлял...
Кашей томился в башне...

Сердце

«Было» – пролетело, «Будет» – впереди,
Между ними сердце, что в моей груди.

Встреча

Просто шёл и сердце не сжимал в кулак –
Пёс лизнул мне руку. Не за хлеб, а так...

Пофигизм

Кот не знает, что живёт
День, неделю, месяц, год...

Ловушка

Зашёл случайно в райский сад...
Когда очнулся, вижу – ад.

Жизнь

Заменяла каблучки
На вязальные крючки...

Воля

Слава Богу, что ко мне
Едет ветер на коне.

Солнце

Отразилось в луже
И не стало хуже.

Антисчиталочка

Раз, два, три, четыре, пять –
Вышел зайчик пострелять.

Жаль

Предают своих. И точка.
Жаль, что я не одиночка.

Страус-неудачник

Бежал и думал по дороге –
У птицы главное не ноги.

Возраст

И ясно до слёз, и туманно до слёз,
Да ветер унёс, что однажды принёс.

Надёжный метод

Давно предписано врачами
Лечиться добрыми делами.

Домашний кот

С детских лет который год
Кот на пенсии живёт.

О демографии

Выпуклая женщина идёт...
И при чём здесь, Господи, народ.

Значит

Разбудил мобильник в шесть –
Значит, я и вправду есть.

До «новой эры»

Жизнь примерял «на глазок»,
Дверь открывал на звонок.

Объявление

Объявление на миру:
«Нужен тренер по Добру».

Равноправие

Перья, когти, два крыла –
У несущки и орла.

Старая рифма

Поднял сито человек –
Захотел просеять век.

Многоточие

На один кусочек мыла
Грязи было, было, было...

Научный факт

Вспоминайте иногда:
Мы – вода, вода, вода...

Коньяк на троих

Глотки к небу задирали –
Три звезды не досчитали.

Совет

Не мучайся с похмелья, старина,
Не от вины похмельная вина.

Мысль на ходу

С точки зрения дворняги
Все на свете бедолаги.

Шли

На охоту шли в охотку
Два ружья и ящик водки.

Метаморфоз

Чёрный ворон поседел –
Белым соколом взлетел.

Вопрос-ответ

Что такое, братцы, живность? –
Неубитая наивность.

Покойник

Распрямить бы, Господи, крыло –
Да от монумента тяжело.

Орех

Раскусил... а он гнилой...
Хорошо, что зуб стальной.

По-свойски

Ели – пили... Уходили –
Дверью сердце прищемили.

Равенство

Проживу сто лет, не маясь, –
С черепахой поравняюсь.

Вопрос

А что они могут, дороги,
Когда б не колёса да ноги?

Мы и время

Если честно, без прикрас –
Время соткано из нас.

Багаж

Мой багаж – из мёда с перцем –
На виду лежит – на сердце.

Пузырь

Я, признаться, мыльный,
Но зато – стерильный.

Ночной пляж

Свод небес над южным градом
Подпираю нежным взглядом.

Живу

Задуман как поэт,
Живу как белый свет.

Миры

Я не «отсюда», ты «отсюда»...
И не причём, увы, посуда.

СССР

Клянут страну – мол, горе ей...
Но кто же так с историей?

Путь

От оргазма –
До маразма.

Ходики

Ходит стрелка – круг за кругом,
Не прикидываясь плугом.

Минутная стрелка

Ходит важно по округе,
Не завидуя подруге.

Бытие

Жизнь, по сути, – тропы верхолазные:
Лестница одна – ступеньки разные.

Мыло

Раз помыло, два помыло...
И, увы, не стало мыла.

Русская душа

Нипочём, так нипочём...
Кирпичом, так кирпичом...

Планета Земля

От пояса до полюса – в траншеях и крови...
И всё ж её история – история любви.

Телевизор

То – во фраке, то – босой...
И сорит, сорит попсой...

Патриарх

Говорил душой... Запало это:
«Внешний блеск без внутреннего света».

Такое дело

Дорога мечтала... При этом
Ходила в обнимку с кюветом.

В зоопарке

Люди смотрят на зверей,
Звери смотрят на людей.

Мнение

Змея по-своему права,
И у неё свои права.

Характер

Снег летит и тут же тает –
Быть позёмкой не желает.

Юбилей

Юбилей рифмую с «Лей»,
«Пей» и «Годы разумей».

«Орёл» – «решка»

К небу взмыло серебро
И упало на ребро.

Теория относительности

«Хрю» – летело из овина,
Я же слышал пеньё свина.

Духовное

В кармане денег – тыща и пятак,
А я хожу по рынку просто так.

Спичка

Прозябает в коробке,
Да горит в моей руке.

Ремесло

Ремесло у дерева простое:
Принимать удары жизни стоя.

Коммерция

Мается собака на цепи,
Охраняя облако в степи.

Постулат

Цените в жизни каждый миг...
«Но жизнь есть миг» – сказал старик.

Подруги

Кости мне перемывали,
Словно чётками играли.

О душе

Любая мать, поверьте, знает –
Души на вырост не бывает.

У памятника

Так случилось: мы... Будённый...
Ну и спирт неразведённый.

Зелёный змей

По-житейски умудрённый,
Был зелёный, стал палёный.

Фантазия слуха

Пришёл к врачу. Он лечит зубы...
И наверху запели трубы.

Вера

Тишина... Могила... Прах...
Да отец на небесах.

Винная привилегия

Привилегия одна:
У стакана нету дна.

Иначе

Бахилы для Ахилла куплю за два рубля...
И, может быть, иначе завертится Земля.

Долго

Нынче слову угодил –
Тем, что долго находил.

Белый стих

Нарисую, окрылю,
После – рифму забелю.

Абсурд

Какое счастье быть поэтом
И не печататься при этом.

Художник-модернист

Писал по белому белилом –
Стал «модернистом-белофилом».

Несовместимость

Хоть разбейся, – слово «пушки»
Не поставишь рядом с «Пушкин».

У подъезда

Он – парадный. Я – не классов...
Ты прости меня, Некрасов.

Просто так

Вот пишу. Зачем – не знаю...
Может, – ветру почитаю.

Не желает

Светает – значит рассветает,
Да рифмоваться не желает.

Пропажа

Вышло так, что день пропал –
Ничего не накропал.

Ни за грош

Ни за грош стихи пишу,
То есть – даром, как дышу.

Песня-37

Сочинил зимою шлягер –
Получил весной лагерь.

Версия

Откровение строки –
Как течение реки.

27 Января 1837 года

За спиной лицей, пирушки...
Выпьем с горя, где же кружки.

Член сп

Член СП не только дышит,
Он, ещё, представьте, пишет.

Высоцкий

От выдоха до вдоха
В нём не было подвоха.

ИЗ ЖИЗНИ ШАХМАТ

Король

Извините, но король –
Одношаговая роль.

Как поставить мат

Из родного слова «мать»
Нужно мягкий знак убрать.

Пешка

Уходить в тылы, друзья,
Можно всем, а ей нельзя.

Слон

Слон без хобота – не слон,
И к тому же прыток он.

Ладья

Никакая не ладья –
Так, высокая бадья.

Конь

Ни в атаку, ни в огонь
Буквой «гэ» не ходит конь.

История

История длинна по книгам...
А жизнь, увы, проходит мигом.

Перестройка

Было чувство темени,
А не чувство времени.

22 Июня

Проснулся. Надо же: четыре...
Эпоха тикала в квартире.

Шестьдесят

Год цепляется за год,
Значит, будет и шестьсот.

Снег в марте

Он слепит, из туманной приды глубины,
И не видит присевшей на кочку Весны.

Большая медведица

Льётся полночь не спеша
Из небесного ковша.

Отзвук

До чего же голос тощий
У пустой осенней рощи.

Роза

На шипах блестит роса,
Отражая небеса.

Остановил

Бежало время под рукой, –
Остановил его строкой.

Из книги
«Выйду к облаку из дома»
2013 – 2014

14 февраля

День всех влюблённых
Сложился из фиалки утра,
Ромашки полдня,
Дурмана вечера и...
Лунный светофор
Открыл ему дорогу в ночь,
Где букет всех влюблённых
Рассыпался на светлячки
Предутренних звёзд,
Захватив территорию
Чужого дня...
Один светлячок
Я приладил к своей памяти,
Точнее, к её левой,
Присердечной стороне...

Навстречу

То ли песня далека,
То ли шёпот близко, –
У прибрежного леса
Из тумана и песка
Соткана записка.
Ничего летучей нет
Этого посланья...
Мне навстречу – горний свет,
Мне навстречу – горний цвет,
Мне навстречу – горний след
Робкого свиданья...

Из памяти

Мне шестнадцать... Я иду за ними –
Полуночью осени храним...
Впереди – огни... Но Серафимы –
Не со мной, не с нею и не с ним...
Грех – мешать любви уединённых,
Грех – моей любви не замечать...

Господи, пошли на разлучённых,
Господи, пошли на отречённых,
Господи, пошли на унижённых,
Как пушинку рая, – Благодать...

У причала

Выйду к маю...Цветут абрикосы,
Отливая ночным серебром...
И завидует море любви,
Расточая искринками свет,
У которого нет берегов,
И которым потом написал –
Неумело, как первые строчки
Унесённого морем письма:
«Полночь, лицо запрокинув,
Взглядом ищет зарю,
Звучит в тишине твоё имя
Рядом со словом «Люблю...»

Рай

В лицо дышало море...
А дальше, на просторе
Сквозило голубое...
И облако живое,
У неба на опушке,
Кудрявое, как Пушкин,
Но только поседевший, –
Пленяло берег здешний,
Где мы седин касались
И в море умещались,
Как два птенца влюблённых–
В ладонях раскрылённых.

Конец света

Конец света придёт,
Если ты уйдёшь
Из дома нашей любви...
Он повторится,
Если ты вернёшься –
Моё сердце не выдержит
Двух светопадений...

Календарь любви

Весна, Лето, Осень, Зима –
Когда летоисчисление
Земное...
«Нету времени года
У нашей любви» –
Когда летоисчисление
Звёздное...
К чему эта горотьба?
Просто пытаюсь жить
На Земле
По звёздному
Времени...

Где

Мы ведали, мы видели,
Как белые цветы
За окнами обители
Столпились у мечты.
Дышала ветка осени
Последнею зарёй
И чёрные откосины
Сходились за горой.
Где слово непокорное
Разменивало Час,
Где Белое и Чёрное
Пронизывали нас...

После бури

Гром ушёл – не оглянулся...
Ночь уснула – я уснул...
Тишиною задохнулся
По дороге шедший гул.
Позади такие створы,
Позади такая жаль...
Заметают наши споры,
Заметают наши ссоры,
Как нахохленные горы,
Разумеющая даль...

Три

Опали три календаря
От сентября до сентября...
Земля, вращаясь, как юла,
Три раза солнце обошла...
Омыли водкой дембеля
Три двадцать третьих февраля...
И в чемоданном сентябре,
Под ветром сплетен, во дворе,
Мне, словно триптих, поднесли
Три главных новости Земли:
Моё не выпито вино,
Моё не вышито рядно,
Моя Любовь который год
В другой Галактике живёт...

Пред весной

По талому снегу – тёмные ручьи,
Они бегут в сторону весны,
Притаившейся за углом
Брошенного дома,
Что однажды приютил нас
В непогоду любви.

Не к поре

Ах весна среди зимы –
Легкоцветье.
Наши чувства – это мы
На рассвете.
А пока что во дворе
То ли щебеть,
То ли кружит на заре
Снеголебедь.
Мы с тобою дети сна,
Гости чуда.
Мы – из утра, а весна –
Ниоткуда...

Чаша

Мне нравилось нравиться всем...
Был мир неземно шоколадным,
Похожим на вечный Эдем,
Где я целовался в парадном,
Потом уходил...а затем
Мне нравилось нравиться всем.
Но наполнились годы мои,
Но наполнились годы твои
Невсемностью зова,
Невсемностью крова,
Невсемностью ноши любви.

Помоги

В окна любви стучали
С яростью на лице –
Ранняя сласть вначале,
Поздняя страсть в конце.
Тихо навею сердцу:
Друг мой, благослави,
И помоги усердству
Нежности во крови
Да помоги соседству
Разума и любви.

Своя

Пришёл остаться на пирог.
Ушёл... вернуться на порог.
Скрипели звёзды, как песок
Под сапогами...
И было сердцу невдомёк,
Что дверь – насмотренный глазок,
Что жизнь – предутренний глоток
Мечты над нами...
А у мечты своя мечта –
Любовь и Божья высота...

Пока...

Между нами трасса, как река...
Пароходик с именем автобус
Зачерпнёт меня и стихоопус,
А затем упрячет в облака...
Мне вдогон махнёт издалека
Жестом осенённая рука...

С высоты Земля – не цветоглобус,
А прожилка белого песка,
А нашлёпка рыжего листка,
А твоё – из августа – «пока...»,
А моя упавшая строка...

Когда-то

Сказала – когда-то было...
Ответил – когда-то будет...
И к ночи судьбу размыло
Дождями летящих буден.
Коварная жизнь – Угодня
Твоих и моих «когда-то» –
Оставила нам сегодня
Весеннюю даль заката.
Но, как золотые дроги,
Столкнутся наши дороги...
И станет у переката
Надежда любви – «когда-то»...

Сюжет

Были крылья невесомые,
Стали крылья тяжелы...
Эти чувства незнакомые –
Словно поздние углы...
Выйду к облаку из дома я,
Память выдохнет сюжет,
Где мечта реки изломана
Под мосточком наших лет.

«ЗА...»

Не осень, а залетье
Приляжет у дверей,
Пока томятся в клетки
Серебряные плети
Отчаянных дождей.
Услышу недословье
Багряной тишины,
Что наше залюбовье –
Не память изголовья,
А долгое зимовье
С окошками весны.

Жалость

Жалея птицу, гляну вверх
И отыщу в полёте драму...
Старею, что ли?.. Жалко всех,
Как будто плачущую маму...
Но стыдно, право же, молчком
Жалеть о ком-то сквозняком
И знать, что море молоком
Не...не...не...не переиначишь,
Что жизнь – как дом, а за окном
Ты о любви по-детски плачешь.

Смысл жизни

Говорить о нём –
Всё равно, что бросать
Камни в омут...
Но мне повезло –
Сердце, сбежав от разума,
Споткнулось
О песчинку ответа:
Умереть любимым,
Умереть влюблённым...
А что остаётся
Грешнику
У врат Господних...

Пасха

Мы с тобой колокольные слуги...
Звуки меди, как вольные струги,
Уплывают, теряясь вдали, –
Над садами заречной округи,
Над грехами беспечной Земли...
А в Соборе – пасхальные свечи
Полыхают, как звёздное вече.

Испытание

От плоти и разгула
В заветном далеке –
Душа к душе прильнула
На лёгком ветерке.
И свет протяжно – долог...
Но выкатился грех,
Как – спрятанный за полог –
Непрошенный орех...

Вера

Дети Воскресной школы
Пели воскресным утром
В храме, одушевлённом
Душами прихожан.
Песня летела к небу,
Детство светилось Верой,
Вера светилась детством,
Значит, листая жизнь,
Вера уходит в детство,
После уходит в юность,
После уходит в зрелость,
Дальше – страницы нет,
Дальше Господне утро,
Дальше – за далью – Вечность, –
Мудрая бесконечность,
Песенный детский свет.

Зелёный круг

Взявшись за́ руки, деревья,
Выплывая из ворот,
Как зелёное кочевье,
Начинают хоровод –
От румяного посевья,
От упавшего листа –
До зелёного, живого,
До молёного, седого,
До смолёного, родного
Деревянного Креста...

Уход

В.С. Моложавенко

Три поэта, седых,
Многовёсных,
Сидели в комнате печали
И говорили о нём –
Словотворце,
Тело которого
Навсегда упокоил гроб...
В ожидании катафалка
Разговор,
Как тихий ручей,
Из многовёсья
Неспешно переходил
В многолетье,
Многозимье,
Серебряно уходя
В поднебесье,
Где душа покойного
Готовилась
К Вечности...

Мечта

Я вышел из тёмного круга на свет,
А проще – родился... Мне тысячу лет.
Я эту дорогу с мечтою роднил,
Я силы в копилке столетий копил,
Чтоб Ангелы Божьи – престолы мои,
Позвали меня на Крещенье Любви.

Похороны

Г.М.Балаеву

Дыхание покоя...
Дыхание цветка...
Душа, вобрав земное,
Ушла за облака.
И где-то в поднебесье
Витает, будто сон,
Её живая песня
Над бездной похорон.

Поминание

Триптих

Печален, радужен и сладок,
Как из печи, курился день...
И над погостом – у оградок –
Витала чайкою сирень...

Во сне, а может наяву
Я память гостем назову...
Припомню сад в объятьях мая,
На древе яблоко из рая,
Ещё – гнездо в ладонях веток,
На горке тополь-однолеток
И это кладбище вдали –
Как Божье таинство Земли...

А нынче шёпотом сирени
Земля наполнила весну,
Где Память выхвачу из тени
И светлой жизнью помяну...

Передовая

Речь – не о буднях фронта,
Речь – о другом:
Вышел я к поднебесью
Вслед за отцом...
Годы, минуя пашни
И молотьбу,
Тянут мои обжитки,
Словно арбу...
Чуть постою на взгорье
Перед судьбой,
Всё понимая сердцем
И головой...
А колокольцы – птахи
Утренних снов...
А колокольцы – дети
Колоколов...
А колокольня – ростом
До облаков...
А колокольня – просто
Песенный зов...

У крыльца

Я пережил земные дни отца...
Теперь стою у звёздного крыльца...
Ступени вверх летят навстречу мгле,
За мною пыль кружится – не пыльца,
И нет ступеням – Господи – конца,
И поручни, как вербы на столе,
Оставлены отеческой Земле.

Твердь

Основа любви – прощенье,
Основа Земли – вращенье,
Как нашей реки течение,
Как нашей зимы весенье,
Как наше родное житьё,
Лоскутное, будто шитьё,
Как наше родное «вчера» –
Над белораздымьем костра...

Основа основы – Слово
Под небом Господня Крова...

Раскаянье

Мои веснины,
Мои летины,
И сентябрины,
И декабрины –
Всё уместилось
В одной соринке,
Всё уместилось
В одной слезинке.

Арифметика

Мне – 69,
Если читать от сердца –
Слева направо...
Если читать от ума,
Наоборот– 96...
Не правда ли, смешно...
Но 6 плюс 9 –
С любой стороны
Получается Судьба...
Мне – 15,
Я – в пригородной
«зелёновагонке»,
Что несёт меня
В бездну,
Имя которой – Жизнь...
Если читать
От сердца...

Гости

С ветрами непогоды,
С тоскою по весне,
Рабы столетий – годы
Заявятся ко мне.
И ветками оцветий
Нашепчут в никуда:
Пусть мы – рабы столетий,
Но – ваши господа...

Смута

Бросил годы на причал,
Поглядел на проводины,
Словно книгу пролистал
До туманной середины.
Золотинкою – оса...
Отгорчили медовины...
У разлуки чудеса,
Как нездешние лепнины.
Осторожная вода
Говорит-искрится «Да»...
Предосенний легкосвет
Говорит-лучится «Нет»...

Осенило

Девушка
Из моей юности
Работает вахтёром...
Пришёл...
Узнал...
Чуть погодя осенило –
Жизнь проходит
Быстрее,
Чем я думал...

Река

Лето заходит в Лету,
Лето для Леты – мета,
Так, на холсте мазок...
Ты за горой, ты где-то...
Я у черты завета
Переберу до света
Вечный, как мир, песок.

Календарь

Начало января –
Весна календаря...
И холодно весне
На кухонной стене...
Начало декабря –
Зима календаря...
И холодно зиме
На тоненькой тесьме...
Но вечные листки
Горят, как лепестки,
Сжигая на лету
Родную суету...
Ах, вещей календарь,
Мой кухонный звонарь...

Другу

Среди нечаянных порук,
Среди лихих отметин
Перезимуем летний круг
И зиму перелетим.
Я ночи вымою глаза,
Чтоб на заре бестенья
Роса – остывшая гроза –
Светилась до забвенья...
Ах эта утренняя зовь
И таинство наружу...
Примите, зимы, нашу кровь,
Как огненную стужу...

23 декабря

Я стою в начале снега
На откосе декабря...
Ходит в поисках ночлега
Непутёвая заря.
Настучалась по окошkam,
Настучалась по дверям,
Где судьбу мою по крошкам,
Раздавала декабрям...

Между

Я живу на третьем этаже...
Как птенец в надёжном коробке,
Я застыл на этом вираже,
Я застыл на каменном витке –
Между настоящей высотой,
Между настоящей глубиной,
Что пропахли паводью речной,
Будто сны, пришедшие за мной.

Там

Если наречье воды
Станет гудком парохода,
Значит упало в сады
Слово нездешнего рода.
Я подниму седину
Там, где явился однажды,
И укачаю волну
Берегом песенной жажды...
Выплывет юный Пегас, –
То ли родня, то ли рódня...
То ли крылатая сводня
Музы, полёта и нас...

У неприметного сходня
Сушит одежду баркас...

Всего-то

Чёрные коты –
Капельки несчастья –
Брызнули
В разные стороны
При моём
Появлении...
А мне так хотелось
Покормить их
С ладони сердца
И стать ребёнком
На все четыре
Стороны света.

Шла

Девочка-подросток
Легко и веселее
Шла впереди меня...
Увидев чёрного,
Бездомного котёнка,
Она зачерпнула его ковшиком
Ладоней
И унесла к жилищу сердца...
Зачем?...
Наверное для того,
Что бы я –
Человек с горою на плечах –
Не перешёл ему дорогу...

И всё же...

И совесть по-детски не плачет,
И сны не приходят во сне,
И катер бумажный не скачет
С волны на волну по весне.
Да в поле – как поздняя малость –
От поля осталось жнивье,
Да в сердце – как поздняя шалость –
От чувства осталось чутьё,
Да небо затмила усталость,
Сменив паруса на тряпье...
И всё же грядущая старость –
Надёжное детство моё.

Парадокс

Бабушка и внучка
Закрылись от солнца
Зонтиком пляжного навеса...
Для одной солнце было
Вечерним,
Для другой –
Утренним,
Хотя часы показывали
Полдень.

Иногда

Пускай торопится вода
Туда, где юная страда –
Не напоказ...
Забросить – что ли – невода
Туда, где старость молода,
Где наши мысли иногда
Умнее нас...

В автобусе

Две женщины сидят рядом.
Одна – пожилая – из прошлого,
Другая – юная – из будущего.
Обе вышли на остановке
И разошлись в разные стороны,
Поделив между собой
Настоящее...

Жест

Прикоснулась женщина ко мне –
Прикоснулась жестом к седине,
Как душой залётной – к чужине,
Где зима гуляет по стерне.
А спросить о женщине капель,
Всё одно, что вынежить метель...
А спросить об этом у ночей,
Всё одно, что вынежить ручей...
А спросить об этом у огня,
Всё одно, что вынежить меня...

* * *

*«...от избытка сердца
говорят уста...»*

Евангелие от Луки

Прибегали пустые дали,
Приглашали в осенний дом,
Где оркестры мои устали,
Как за речку упавший гром.
До утра золотели окна,
Будто соты разменных лет...
И летели мои толокна,
Осыпая медовый след...
Рядом с тенью цвела забудка –
Неприметный седой цветок...
И дудела чужая дудка,
Расточая избывный сок...
У плескучей души сюжетца,
У повинной души листа –
От избытка чужого сердца
Говорили мои уста...

Почти проза

По дороге в Храм вспомнил –
Забыл деньги....
Пришлось попросить свечи
В долг. Поверили...
По дороге домой, проходя
Мимо торговой палатки,
Попросил в кредит местных
Яблок. Поверили...
Может, и в самом деле
Жизнь удалась,
Как дорога к Храму,
Дорога к дому,
Дорога к...
Правда – в масштабах
Округи.
Но округа – от слова «круг»,
Который пока ещё
Не замкнулся...

Делю

Друга-недруга люблю
Нелюбимо,
Друга-недруга терплю
Нетерпимо.
Друга-недруга во мне –
До излёта,
Где у сердца в глубине –
Я и Кто-то.
И пускай над глубиной –
Сто горчинок,
Друг и недруг – это мой
Поединок.
И пускай у бытия –
Сто поведок,
Друг и недруг – это я
Напоследок...
А пока тебя люблю –
Умираю,
Друга-недруга делю –
Разлучаю...

Намёк

Всегда найдётся змей летучий,
Не семиглавый и шипучий,
А в облачении даров
От иноземных берегов.
Он, улетев, подарит мёд
Тебя за сердце ущипнёт,
Оставит крохотных змеят,
Неугомонных бесенят,
Шипучих, будто лимонад...
Гремучих, будто автомат...

Война

Приходят гости в гости...
Уходят люди в люди...
И лайковые трости
Давно остались в чуди.
Идут не в гости гости,
Идут не в люди люди:
Простреленные кости
Покоятся на блюде...
И морщится Земля
От скрипа костыля...

Вести с фронта

Киев пал...
Севастополь держится...
Время,
Как сложенный веер,
Распахнулось
Полукружьем лет,
Чтобы овеять
Лицо Памяти
Дыханьем железа
И крови...
Если веер станет
Окружьем
И я отвернусь от него, –
Добрые вести сгорят,
Не долетев
К моему порогу...

Прости

Бомж лежал на мосту...
Мост величали переходным...
Внизу пульсировала
Сухопутная артерия
Города...
Людское участие
Проходило мимо бомжа:
Его охраняли
Три бездомных собаки...
Я вызвал «скорую» и...
Растворился
В океане утра...
Прости меня,
Милосердие
В белом халате,
За оскал
Неуместной
Собачьей любви...

Завыл

Ни в полуночном лесу,
Ни спяна, ни ради шулки
Уступил дорогу псу
В межгаражном промежутке.
Ох уж это «Се-ля-ви»...
Я стоял – простак-рубаха, –
То ли добрый от любви,
То ли добренький от страха.
Бросив под ноги кинжал,
Пёс – невольник нашей встречи –
Улыбнулся наповал
И завыл по-человечьи.

День птиц

Прогнав кота за угол ночи,
Я голубицу подобрал...
Она поверила спасенью
И поутру снесла яйцо,
Напоминающее Землю
В её домашнем исполнении
(Как говорил учёный лектор –
Земля кругла, а всё же эллипс)...
Что думать сердцу?...Будто ветер,
Живёт бессмертие в кювете,
А за горами, во дворце –
Песчинка жизни на лице...
Хотя душе полезно Бремя –
Крыло, Земля и Божье время...

Решили

Земляки по Юности,
Они же – единокурсники,
Собрались через
Полстолетия...
За белопамятным,
Пёстрым от закусок
Столom
Решили:
Юность, породнившая их, –
Ни берег, ни остров,
Ни континент,
А наземная дорога
Будущих встреч...
Я согласился
И не заплакал,
Хотя в груди скулило,
Как бездомный щенок,
Простое, щемящее
Чувство любви
И ухода...

Вслед

Единовешники мои,
Единогрешники мои, –
Вы стали тенью на земле,
Вы стали рифмой на столе...
Когда могучий перезвон
Приподнимает небосклон,
Я спотыкаюсь тяжело
О ваше лёгкое крыло –
Единовешники мои,
Единоветчинники мои,
Единолетинки мои,
Единосветинки мои...

Ветер

Вольный ветер – узник поля –
Говорил – такая доля:
Волю вольную любить,
Цепи стольные носить.
А потом, взъерошив тучи,
Занемог у дальней кручи
И вернулся к тишине
Белой замятью в окне,
И вернулся к седине
Белой памятью во мне.

Верили

Деревья стояли враскачку...
И пляска зелёных верхушек
Была неподвластна корням.
Деревья покинули спячку,
Как тихую заводь лягушек,
И верили только ветрам,
Которые выдули гнёзда,
Что стали похожи на звёзды,
Летающие в синие вёрсты,
А проще – к твоим небесам.

Зной

Ещё июль... Ещё томится
Степное жаркое плечо.
И неприкаянная птица
Измаясь, дышит горячо
На утомлённую криницу,
На утомлённое зерно,
Что белым пламенем жарницы –
От сентября за полстраницы –
В тетрадь любви занесено.

Зависть

Издалека, извысока
На землю рухнула река,
И очистительная дрожь
Протяжно выдохнула – «Дождь...»
А после, в зависти горда,
Качая лёгкие суда,
Струилась в нужное «Туда»
Перемещённая вода.

Спроси

У сентября повадки ноября:
Почти зима, и дождь – посланник снега,
И листья – золотые якоря –
Цепляются за ветви октября,
Как за порог домашнего ночлега.
И ветер – до безумства налегке,
И чёрный зонтик – птицею в руке,
А ворон или утренний скворец –
Спроси у наших песенных сердец...

Первый

Жара сползёт в лощину
Поближе к роднику
И нитку-паутину
Приладит на суку.
И охнет под сурдинку
У рощи за углом
Сердитый вполовинку
Осенний первый гром.

Тетрадь

Страница музыки – на столе,
Страница вьюги – на земле,
И неземно освещена
Страница белого окна.
Навеет сердцу благодать –
Пора – пожалуй – собирать,
Пора – пожалуй – начинать
Исповедальную Тетрадь.

Огляд

Пытаясь быть соавтором эпохи,
Я воспевал просеянные крохи,
Ломая не себя, – карандаши...
И уходили крохи в скоморохи...

Уж лучше быть соавтором души...

С утра

Встаю... О чём писать – не знаю...
Ношу под сердцем волчью стаю
Нешадных критиков моих...
И оттого молочный стих,
Пугаясь жадного судейства,
Как неусыпного злодейства,
Боишься сам себя... Но вот
Из ножен лучик достаёт...

Декабрь

А.А.Кондакову

Ветка зимы, удержишь,
Там, за окном лиховесть...
Дело житейское – жизнь,
Дело житейское – смерть.
Мне хорошо на земле,
Мне хорошо в небесах...
Ветка зимы на столе –
Будто стихи при свечах...

У памятника Пушкину

Моя юность –
Как белое пёрышко
На фоне
Пушкинского
Неба...

Моя седина –
Как белый след
Времени
На фоне
Пушкинского
Подножья...

Не пишется

В мои-то, друг, лета
Такая смехота:
На сердце – лепета,
Под сердцем – нищета...

С утра зажгу свечу –
Как день озолочу...

Подарок

Стихи появились на выдохе,
Сразу...
Прочитал и ужаснулся от чуда –
Не убавить-не прибавить...
Такое выпадает безумно редко...
Мечта,
Подарок,
Цветочный дождь
Зимой...
Потом нашёлся:
Эка невидаль –
Просто стихи полюбили
Меня
С первого слова...

Стихи

Их можно свернуть
В трубочку,
Похожую на флейту,
Запечатать
В бутылъ
И отдать морю...
Их можно сложить
В квадрат,
Похожий на форточку,
Запечатать
В мягкий пластик
И отдать канализации...

Возможно, их прочитает
Мировой океан,
Куда они попадут,
Закончив нелёгкий путь.
Но зачем океану
Стихи, если он –
Великая поэзия
Книги Земли.

Телефонный разговор

Чем будешь, милый, заниматься?...
Писать «бессмертные» стихи...
И все?... И всё...Какая скука...
Не скука, милая, – наука:
С грехами вечности общаться
В плену у звёздной шелухи...
Потом отмаливать грехи...
Потом отмаливать стихи...

Новогодняя ночь или причуды стиха

Не пытайся ночка
Уложить в размерце,
Не пытайся ночка
Уместить в неверце,
Не пытайся ночка
Уяснить в примерце –
Как нисходит строчка,
Как восходит сердце...

Разгулялась ночка
В золотом фужерце...
И нисходит строчка...
И восходит сердце...

Почти военное

Я уставал от лени,
Я отдыхал в работе
И обходил мишени
В рифмованном полёте.
Мои сады горчили
Настоянной корою...
Мои поля грачили
Осенней бороздою...
Но шли, роняя тени,
С угрюмостью пехоты
Полки мятежной лени
Под знаменем работы.

21 февраля

Михаил Шолохов
Оставил Землю
На последнем
Выдохе зимы...
В протяжно-гулком коридоре
Общежития Литинститута,
Где я оказался по воле
Его Величества Слова,
Сквозняк выдувал всё,
Кроме памяти
О великом поэте.
Я не плакал...
Я знал, что есть
«Мелеховский двор –
На самом краю хутора»
И Жизнь «...со всем
Этим огромным,
Сияющим под холодным
Солнцем миром».
Что «на самом краю»
Зеленеет островок
Начала,
А «под холодным солнцем»
Тепло и уютно,
Как в жарко натопленной
Мазанке
Или первой,
Густо надышанной
Избе-читальне...

Лучше

Утром, на закате весны,
В окно постучался
Робкий лучик озарения:
Завидовать чужой строке –
Пещерная глупость.
Куда надёжней –
Писать стихи
Не лучше кого-то,
А лучше... себя

Скажу

Горело солнышко в печи,
Румяня чудо-калачи –
На удивленье...
Даря от солнышка лучи,
Задула внучка три свечи
На день рожденья...
Ах внучка – искорка ночей
И наших праздничных речей,
И повесенья,
Дай Бог тебе за вьюгой дней
Собрать в дороге юбилей,
Собрать вселенную гостей
На юбиленье,
Где я скажу погорячей:
«Задула внучка сто свечей,
Затмила внучка сто речей
На день рожденья...»

О верлибре

Диптих

Мне нравится стих без оков –
Ни рифмы тебе, ни размера,
А проще – стечение слов,
Где ставка – безмерная мера.

И блоковская проза –
«Она пришла с мороза...» –
Как песенный ручей
Верлибровых степей...

Травма

Моя рука в плену ортеза,
Мои стихи в плену артроза:
«Я собственную руку
Ношу наперевес,
Не как автомат, –
Как ребёнка...»

Цена

Сегодня дети – завтра народ...

С.Михалков

Нянечка детского сада
Получает шесть тысяч рублей
В месяц...
Неужели это цена
Будущего
России?

Услышал

Спросил у рифмы
«Кровь-Любовь» –
Отчего она бессмертна...
Услышал –
Как открыл берег:
В мире пролито
Столько же крови,
Сколько и любви...
Задумался...
Но рифмовать кровь
С любовью
Не поднялась
Душа...

Справедливость

Сердце хочет справедливости
И под солнцем, и во мгле.
Сердце хочет этой милости,
Как горбушки на столе.
Я же к памяти иду,
Я – у детства на виду,
Там нарядно и пригожисто,
Там парадно и гармошисто,
Там станица не замаяна,
Там душа опервомаяна,
Там несёт меня торжественно
Легкоутреннее шествие,
И в руке моей сопливости –
Красный шарик справедливости.

Мечтаю

Дошёл до точки,
Дошёл до ручки –
Хочу напиться
На свадьбе внучки.
А ей всего-то...
А я – старота,
И мне до свадьбы –
Ого-го-го-то.
И чтоб надёжней
Прожить стовёсье,
Употребляю
Одно овёсье.
Не пью шипучки,
Не пью с получки
И не целую
Мадамше ручки.
Свою надежду,
Как ВИП-одежду,
Храню до срока,
До Ого-го-ка,
Где попаду я
Без нахлобучки,
Как в молодильник,
На свадьбу внучки.
И ей весенне,
И мне пригоже:
Чем старше внучка,
Тем я моложе.

СЛОВО ИЗ ПЕСНИ

* * *

Я иду с Малежиком по рынку.
Рынок – словно море под сурдинку,
Или, скажем, утренняя чаша,
Где созвучья рынка – были наши.
Ни зелёный фрукт, и ни орешек,
Я – его соавтор, со-Малежик.
Может, я чуть-чуть из любославцев,
Но и он, так вышло, со-Кудрявцев.
И не зря со-утро стало наше,
И не зря со-утро стало краше,
И совсем не зря у тёти Маши
Мы «сообразили» простокваши...

Я вишни рву

До утра не усну
В камышовой хате.
Потихоньку скользя
Из твоих объятий.
Не беда лебеда,
Не беда осока.
Не беда, что вода
Холодна протока.

Привет: Омыт июль росой,
А я во двор – босой.
Плевать, каким слыву, –
Я вишни рву.

Справа чайка кричит,
Ты хохочешь слева.
Лебедино слепит
Одеянье Евы.
Не укрыться любви
От молвы крылатой.
Пахнут зори мои
Камышовой хатой.

Привет

Вечер-май

Далеко-недалеко,
Высоко-невысоко,
На виду у птичьих стай
Поселился вечер-май.
И хотя кругом светло,
Будто пуха намело,
Сердцу сердца не найти –
Я забыл тебя в пути.

Припев: Вечер-май,
Вечер-май,
Вечер-май,
Ничего,
Ничего
Не меняй.

Хорошо бы налегке
Искупаться в май-реке
И дорожные грехи
Переделать на стихи.
А стихи сложить в букет
И оставить ранний след,
Где с тобою невзначай
Проглядел я вечер-май.

Припев

С карниза голубь улетел

И день сиял, и голос пел...
Но за балконными дверями
С карниза голубь улетел,
Когда мы ссорились глазами.
Слова нам были не к чему,
Они, как вёсны, отшумели,
И потому, и потому
Забыты ранние капли.

Припев: С карниза голубь улетел
И далеко-далёко сел,
А на далёкой стороне
Гуляет ветер по стерне.

Качался в далях сентября
Гамак из лёгкой паутинки,
И неуместная заря
Делилась на две половинки.
Соринку вымоет слезой,
Но на глаза идти глазами,
Как на судьбу идти судьбой,
Как на ветра идти ветрами.

Припев

Письмо

От холма, ты учти, до холма –
Вековая дорога.
От письма, ты прости, до письма –
Холода у порога.
Но стоит, не желая идти,
Непутёвый почтовый.
Светофор, как пожар на пути, –
Видишь, мечется слово.

Привет: Если наша разлука – зима,
За которой не видно холма,
То любви золотая тесьма
Продолжается нитью письма.

Упакован в конверт непокой,
Где люблю и горюю,
Где тебя поцелую строкой,
А потом зацелую.
Где простится не может рука
И обуглена точка...
На заре пролетят облака
Голубиною почтой.

Привет

Я люблю тебя тысячу лет

Молодой и вьюжный
Снегодуй-февраль
Заморозит в окнах
Кружевную даль.
Я окошко сердцем
Продышу в судьбе,
А потом стихами
Вспомню о тебе.

Припев: Там сюжет переходит в сонет,
Там записку найдёшь в изголовье:
Я люблю тебя тысячу лет
Восемнадцатилетней любовью.

Молодой и жгучий
Ветроудуй-июль
Нарядит окошко
В старомодный тюль.
Я развею тучи
На изломе дня
И тебя окликну
Строчками дождя.

Припев

Ты и Вы

Снег летит из тёмной синевы,
Заметает окна и не тает.
Мы же перешли с тобой на «Вы»,
И такое, Господи, бывает.
Я по Вашей милости поэт,
Я сложил, не веря многословью,
О тебе застенчивый сюжет,
Где люблю Вас первую любовью.

Привет: Ты живёшь отчаянно-влюблённо,
Вы – как пограничная страна.
Ты меня целуешь исступлённо,
Вы стоите молча у окна.

Я устать от верности боюсь,
А ещё боюсь твоей печали.
Я к тебе, конечно же, вернусь,
Если Вы, конечно, не устали.
Снег летит из тёмной синевы,
Заметает окна и не тает.
Мы же перешли с тобой на «Вы»,
И такое, Господи, бывает.

Привет

Берег ночи

Где-то море, где-то море
Докучает кораблю,
А у речки на заборе
Чья-то надпись «Я люблю».
И совсем не между прочим
Я дурманом устелю
Берег ночи, берег ночи –
Наше ложе во хмелю.

Припев: Никого, ничего на реке,
Ты лежишь у меня на руке.
Утром будет роса, а пока
Онемела от счастья рука.

Это море, это море
Я у речки поселю,
Чью-то надпись на заборе
Под гитару окрылю.
Не уеду, скажем, в Сочи
И не выдам кораблю
Берег ночи, берег ночи –
Наше ложе во хмелю.

Припев

О любви

Как дышится, так и живи,
Не думая впрок о расплате.
Хочу написать о любви,
Да боязно – песни не хватит.
Обман, как повязку, сорви,
Слова отведя от проклятий.
Хочу написать о любви,
Да боязно – сердца не хватит.

Привет: О любви тишина поёт,
О любви седина кричит.
Потому и весенний лёд
На закате кровит.

Умолкнут в ночи соловьи,
Когда отзвучит твоё платье.
Хочу написать о любви,
Да боязно – жизни не хватит.

Привет

Танец вдвоём

Медленный танец вдвоём –
Танец любви утомлённой,
Будто пахнуло жнивьём
В комнате, чуть затемнённой.
Трону ладонью ладонь,
Это впервые со мною –
Взять и продолжить огонь
В медленном танце покоя.

Припев: Танец вдвоём, танец вдвоём,
Август любви за окном.

Всё отложу на потом,
Чтобы кружил до рассвета
Медленный танец вдвоём
Наше осеннее лето.
Я унесу за порог
Медленных плеч наважденье,
Медленной страсти ожог,
Медленной песни круженье.

Припев

Совет да Любовь

Не ешьте жаркое в соку
На перце, на перце, на перце.
Не спите на левом боку –
Там сердце, там сердце, там сердце.
Не бойтесь идти на врага
От страха, от страха, от страха.
Не пробуйте взять берега
С размаха, размаха, размаха.

Припев: Бывает «Люблю» – как «Молю»,
Бывает «Люблю» – как «Терплю»,
Бывает «Люблю» – исцелю,
Бывает «Люблю» – окрылю.
И вот я сижу – выбираю,
На прожитых вёснах гадаю –
Каким поворотом ко мне повернулось,
Каким поцелуем ко мне прикоснулось
Твоё молодое «Люблю».

К чему это я о любви
В припеве, припеве, припеве?
К тому, что поют воробьи
На древе, на древе, на древе,
К тому, что советы мои
При этом, при этом, при этом,
К тому, что не нужно любви
Советов, советов, советов.

Припев

Весна

Уходи в проёмы окон,
Тишина...
У меня война под боком –
Не жена.
И граница – не синица
В рукаве, –
За межою боль дымится
На траве.
Не в насмешку, не в отместку,
А в нахлёт,
Получи, малец, повестку
На погост...
Я за мати, за упавшу –
Помолюсь...
Зачерпни ладонью пашню,
КиевРусь...
Приходи в объятья окон
Тишина...
У меня весна под боком –
Не война...

Из книги «Мои дневники Толстого» 2017 – 2018

В настоящую книгу вошли стихи-отклики на цитаты из Дневника Льва Николаевича Толстого. Закономерен вопрос – почему Л.Н.Толстой и его «отчёт каждого дня»?

Если коротко, я не мог пройти мимо откровения писателя, которое, на мой взгляд, соразмерно исповеди перед таинством Причастия.

Автор

* * *

Мне будет 27 лет. Ох, много!

Л.Н.Толстой

Перевернув игрушку лет,
Я двадцать семь, роняя цвет,
Сменю на семьдесят и два –
Пора подходит такова...
А много ль это?.. Чепуха
Да к ней – внелетие стиха...

* * *

*Смеются над тем, что с милым рай и
в шалаше, и говорят, что это неправ-
да... правда, правда, сто раз правда.*

Л.Н.Толстой

Я «милым» был, с которым вешне,
Совсем земно, совсем нездешне
Навеки «рай и в шалаше»...
Как далеко моё безбашье,
Как высоко моё шалашье,
Где плещет истина в ковше,
Где мирозданье – как шалаш...
И это правда, правда, правда,
И это, право, не мираж...

* * *

*Любить это переноситься в душу
другого, жить его желаниями. Я не
могу этого.*

Л.Н.Толстой

Я бы мог в тебя перенестись,
Как по шумной улице пройтись,
Но тогда останется во мне
Тишина да память на стерне...
Ты в меня пока не заходи –
Будто выжди лучик впереди...
У ворот прощаний погоди...
У ворот прощений подожди...

* * *

Любовь настоящая только та, предмет которой непривлекателен.

Л.Н.Толстой

У меня простой мотив:
Я люблю – и я красив...

* * *

Мы находим воздух приятным потому, что нам нужно дышать. И так же находим красоту потому, что нам нужно любить...

Л.Н.Толстой

Красота жила в посёлке отчем,
Называясь тайной, между прочим...
Красота была в мечте-поковке –
Как дыханье уличной терновки,
Как дыханье утренней гнездовки,
Как заря в небесной упаковке...
Красота была великим зодчим
Между мной, тобой и «между прочим»...

* * *

...хочется плакать и любить.

Л.Н.Толстой

Сентиментальность – как хрустальность,
Когда сердечная опальность
Любить и плакать призовет,
Как будто счастье у ворот...

Давнее

На слова твои о нелюбви
Плакал я, хоть ангела зови,
Плакал первый, плакал вечный раз,
Будто сердце капало из глаз...

* * *

*Можно любить всякого человека.
Только, чтобы любить так человека,
надо любить его не за что-нибудь, а
ни за что. Только начни любить так
– и найдёшь, за что.*

Л.Н.Толстой

Будто сходу опрокидывая стол,
Говорили: мол, чего ты в ней нашёл...
Будто сходу выбив крепи у стола,
Говорили: мол, чего ты в нём нашла..
А всего-то, а всего-то на столе
Было всё, что любодадено Земле...

* * *

*Людей нельзя не любить: они все, мы
все, так жалки. Ужасно жалки.*

Л.Н.Толстой

Как небосинь, как небоалость,
Сошлись во мне любовь и жалость...
И остаётся жить да жить,
И остаётся петь да петь:

От века жалостью любить...
Любовью от роду жалеть...
А там – глядишь – прибьётся Малость:
Ручная птица – Любожалость...

* * *

*Бог помог мне; помог тем, что хотя
слабо, но проявился во мне любовью,
любовью к тем, которые делают нам
зло. То есть единственной истинной
любовью.*

Л.Н.Толстой

Я приносил порой тепло-теплинку...
Я приносил порой любовь-любинку...
Я говорил с тобою вполвинку,
Как обнищальный август под сурдинку...
Но если зло подступит к изголовью,
Я дом и дол озвучу май-любовью...

* * *

*Решил, что надо любить и трудиться,
и всё.*

Л.Н.Толстой

Сказал когда-то где-то кто-то:
Любовь – серьёзная работа...
Но вот завод, вот я и смена,
Где стружка белая, как пена,
В лицо, увы, не морем дышит
И в сердце музыки не слышит...
А там – любовь, хоть оземь бейся,
Хоть соловьём рассоловейся...

* * *

*Разум дан не на то, чтобы познать,
что надо любить этого он не покажет,
– а только на то, чтобы указать,
чего не надо любить.*

Л.Н.Толстой

Что мне любить – поведать грустно:
Всё будет чудно – станет пусто...
Всё будет ладно – станет хрустно...
Да в белой роще станет кустно...
Что не любить вовеки? – Талость:
Душелюбивую усталость...

* * *

*...смело скажу – больше люблю людей,
естественнее становится любить и
больше всякая нелюбовь.*

Л.Н.Толстой

Любовь проснётся нелюбовью...
И станет чуждой изголовью...
(такая, друг, случилась рифма)...
И я припомню участь рифа:
Быть невезеньем кораблей,
Плывущих к людям от людей...
Нести крушеньё кораблю,
Как сокрушённое «люблю»...

* * *

*Надежда есть зло для счастливого и
добро для несчастного.*

Л.Н.Толстой

Надежда-зло ненастье прочит
И счастью голову морочит...
Добро-надежда у ненастья
Отнимет лезвие несчастья...
Цитату классика примерю
И зло добром перепроверю...

* * *

*Верить в то, что человеку, а потому
и человечеству, как собранию людей,
стоит только захотеть, чтобы с
корнем вырвать из себя зло.*

Л.Н.Толстой

Если представить, что мы – это детство,
Если на детство похоже наследство,
Выберет кто-то тихоню–игрушку,
Кто-то – как пушку – игру-погремушку...

* * *

Обоготворение злодея, ужасно.

Л.Н.Толстой

Граф судил-рядил Наполеона...
У войны законы – вне закона...
Я к тому, что страны подминая,
Шла по миру бойня строевая...

Шла по миру лава роковая...
Шла по миру слава лиховая...

Всевелика память на крови...
Всебезлика притча – «се-ля-ви»...

* * *

*Замени злобу любовью, и страдание
кончится.*

Л.Н.Толстой

Если я озлобился на что-то,
Как закрыл гостиные ворота,
Я держу в запасе не обидку,
А мою садовую калитку,
Где подамся к вешнему сугробу
И озлюсь на собственную злобу...

* * *

*Борюсь и не могу побороть недобрые
чувства к людям. Не отдаюсь им, но и
не одолеваю.*

Л.Н.Толстой

Что такое недоброе чувство? –
Раздражённое чувство добра,
Будто тихое веянье хруста
Было музыкой лёгкой вчера...
Приходи же запевка-сестра
На распевку души у костра...

* * *

Да, добро только тогда, когда не знаешь, что его делаешь. Как только оглянулся, как в сказке о добывании живой воды, поющего дерева, так и пропало то, что добыл.

Л.Н.Толстой

Как в осенний двор кусочек мая,
Приносил добро, о том не зная...
А теперь, гуляючи по краю,
Хоть убей, но знаю... знаю... знаю...

* * *

Один из самых трудных переходов – это переход от жизни хорошенькой к жизни хорошей.

Л.Н.Толстой

Хорошенькая жизнь – как ветреница в шляпке...
Хорошая – в любви, покое и достатке...
А я хотел прожить всеядным лицеистом:
И двоечником быть, и милым хорошистом...

* * *

Событий особенных – никаких. На душе – зла мало, любви к людям больше.

Л.Н.Толстой

Если я люблю человечество,
То любовь моя – как планечество...
А когда я озлюсь непрошено,

Будет злость моя – как горошина,
Что закатится, покатимая,
У порожек твоих, любимая...

* * *

*Жизнь как шаги ребёнка, которого
мать выпустила из объятий и опять
примет.*

Л.Н.Толстой

Думая о жизни, думаю о небе
Да пришедшей с неба ласковой потребе –
Жизнь мою отныне мерить небесами,
Будто половицы – робкими шагами,
Где мои просторы, одолев туманы,
Распахнули створы, как объятья мамы...

* * *

*Осталось жить немного, а работы
ещё, кажется, пропасть... Только бы
делать самое, самое нужное.*

Л.Н.Толстой

Подумалось горько в смятенье остужном,
Что самое нужное стало ненужным...
Но чувство-напутство ушло втихомолку
Туда, где не сложены годы на полку...
А там припылённые веком страницы –
Мои убелённые, верные птицы...

* * *

*Казалось, мало делал за это время:
немного писал, рубил дрова и хворал,
но много пережил.*

Л.Н.Толстой

Я мало жил да много потерял,
Как будто век с минутой уравниал...

* * *

*Жизнь – серьёзное дело! Ах, кабы всегда,
особенно в минуты решений, помнить это.*

Л.Н.Толстой

Жизнь – любимое, первое,
Правое дело,
Да учиться ему
Сгоряча не хотела...
Жизнь ожизнится,
Будто мечта перед явью,
И предъявит учебник
Иному заглавью...

* * *

*Все люди более или менее приближаются
к тому или другому пределу:
один – жизнь только для себя, другой
– жизнь только для других.*

Л.Н.Толстой

Я иду тропой единой –
Многоликой серединой...

* * *

*Жду чего-то. А ждать нечего, кроме
труда, хорошего, божеского труда, и
смерти.*

Л.Н.Толстой

У гнезда и на краю
Я нарёк бы жизнь мою,
Будто знаком поворота –
Жду чего-то, жду чего-то...

* * *

*...для серьезного отношения к жизни
нужно понимать и помнить, что я умру,
как и то, что меня не было прежде.*

Л.Н.Толстой

В этом мире было всё до меня:
Полной мерой было ночи и дня,
В общем, всё, что дал Господь, осеня,
Кроме малости великой – меня...

* * *

*Мы можем знать о нашей жизни, на-
значении и смысле её ровно, сколько
это нам нужно для нашего блага.*

Л.Н.Толстой

Благом живу... И считаю за благо –
Благо ценить от холма до оврага,
Приняв как тихое утро спасенья
Горькую исповедь благопадения...

* * *

Дело жизни не в том, чтобы быть великим, богатым, славным, а в том, чтобы соблюсти душу.

Л.Н.Толстой

Помоги мне душу блюсти
(а «блюсти» у «спасти» в чести),
Судьбовое моё,
Столбовое моё,
Вековое моё
Прости...

* * *

Я жив, но не живу.

Л.Н.Толстой

Скажу вам, чуточку кривя:
Жить не живя – судьба червя...
Но если честно, не кривя,
Я к небу вышел из червя...

* * *

Душевное состояние хорошее. Готов к смерти.

Л.Н.Толстой

Готов ли к смерти я – не знаю,
Хотя себя готовлю к раю,
Забыв, что ад – за ближней дверью:
Толкни... И бесы – к подреберью...

* * *

Чем больше живёшь, тем становится короче и время и пространство: что время короче, это все знают, но что пространство меньше, это я теперь только понял... на свете становится тесно.

Л.Н.Толстой

Жил я раньше в квартире у тира,
А сейчас – на квартире у мира,
Что казался надмерным... Но улей
Сузил мир, будто жизнь перед пулей...

* * *

Только теперь настоящая работа, только теперь, в 80 лет, начинается жизнь. И это не шутка, если понимать, что жизнь меряется не временем.

Л.Н.Толстой

По случаю написал:

За спиною – тени лунности
И тропинки неумелости...
Привечаю старость юности,
Извините, – детство зрелости.

Написано двадцать вёсен назад, а кажется – на тыщу зим вперёд, если мерять жизнь чувствами. А причём здесь Лев Николаевич? Просто к нему пришла юность Вечности...

* * *

А я не хочу смерти, я хочу и люблю бессмертие.

Л.Н.Толстой

Я бессмертием вёсны не мучил –
Детству некогда думать о нём...
Я бессмертием зори не тучил,
Напевая стихи под окном...
О бессмертии как переверте
Нужно думать в раздумьях о смерти...

* * *

Мы живём, значит мы умираем.

Л.Н.Толстой

Я умираю семьдесят лет...
Если точнее – с пичужной прибавкой...
И умиранье похоже на след
Да на истёртую обувь под лавкой...
След заметёт полотном... И от прошвы,
Может, повеет узором подошвы...

* * *

Смерть – это захлопнутое окно, через которое смотрел на мир... или переход от одного окна к другому.

Л.Н.Толстой

Одно окно глядит в другое,
Как будто в зеркало живое...

* * *

Хочется смерти настоящей. Отчаяния нет. Но хотелось бы жить, а не караулить свою жизнь.

Л.Н.Толстой

Я ходил в караул, я стоял на часах,
Будто зимы тянул от порога на шлях,
А с капелью пришло, разметав серебро,
Что моё ремесло – караулить перо,
Что пером, как добром, позовёт круговерть
Настоящую жизнь, настоящую смерть...

* * *

Желаю умереть, и когда физически плохо, и ещё больше, когда в душе сумбур.

Л.Н.Толстой

Духовная сумятица –
Как на дороге вмятица...
Духовная сумятица –
Как на дороге вмятина...
Где жизнь повинно кается
И самоубивается...
Где я порой убийствую –
Отлажено витийствую...

* * *

В последнее время очень близко чувствую смерть... Всё больше и больше привыкаю к этому и начинаю чувствовать – не удовольствие, а интерес ожидания...

Л.Н.Толстой

Выходил я под солнце из ночи пещеры,
Будто в новую эру из каменной эры...
И стоял я на грани – двумерном свиданье,
И тогда, и сейчас в молодом ожиданье...

* * *

...всегда ново и значительно смерть. Подумал: на театре изображают смерть. Производит ли она 1/10 000 того впечатления, которое производит близость настоящей смерти.

Л.Н.Толстой

Я – не оценщик-театрал...
И всё же
От жарких сцен январь гулял
По коже...
Я честно жизнь мою играл,
Поверьте,
И потому «народным» стал...
До смерти...

* * *

*Думал: все равно от чего-нибудь уми-
рать надо. Не велит бог умирать
ради его дела, надо так глупо, слабо
умирать от себя, из-за себя.*

Л.Н.Толстой

Не носил я шитьё рогожье,
Не ценил житиё подстожье,
Я иную искал благодать:
Просто жить да лета пожинать,
А коль время подступит Божье –
От себя за любовь умирать...

* * *

*Похоронить меня там, где я умру, на
самом дешевом кладбище, если это в
городе, и в самом дешевом гробу – как
хоронят нищих. Цветков, венков не
класть, речей не говорить.*

Л.Н.Толстой

У Земли – родни справедливости –
Неподкупны земные милости:
Для червя, для раба, для знáтья
Одноравны её объятья...

* * *

*Были друзья, когда я служил мамону, и
нет, когда служу правде.*

Л.Н.Толстой

Правда, что я родился...
Правда, что я умру...
Правдою заразился
Голос мой поутру...
Помня про сто рублей,
Помня про сто друзей,
Голос, итожа хворь,
Вышел к печали зорь,
Где на пустом подворье
Мается слово зорье:
Во́ поле, как музей,
Кладбище ста друзей...

* * *

*Сколько правды говорится со всех сто-
рон, и как она не слышится людьми.
Нужно что-то ещё, что-то другое.*

Л.Н.Толстой

Правда шла на правду... И столетья
Привечали эти правдометья,
А когда в конце явилась третья,
Не успел к побоищу успеть я...
Ты прости меня за игрословье,
Правда, незамаянная кровью,
Правда, населённая любовью,
Будто нескончаемую новью...

* * *

*Истина приобретается, как золото,
не тем, что она приращается, а тем,
что отмывается от него все то, что
не золото.*

Л.Н.Толстой

Приращается золото золотом,
Как хмельное брожение солодом...
Приращается истина истиной,
Будто роща живинкою листиной...
Не приученный к золоту смолоду,
Но приученный к зёрнышку молоту,
Я отмою рукой, что смываемо,
Я намою рекой, что сбываемо...

* * *

*Ложь перед другими далеко не так
важна и вредна, как ложь перед собой.*

Л.Н.Толстой

Когда себя я в чём-то убеждал,
Как будто правду звал на пьедестал,
Я лжи дорогу к сердцу открывал
Тем, что сомнением правду убивал...
И ложь катилась в омут угожденья
С вершины зыбкой самоубежденья...

* * *

Выразить словом то, что понимаешь, так, чтобы другой понял тебя, как ты сам – дело самое трудное;

Л.Н.Толстой

Говорил не то, не то, не то,
Будто нанимал не то авто,
И дорога – ложный поводырь –
Походя таранила пустырь...
Если в «то» мятежно попадал –
Сам себя таранил наповал,
Но держал к сезону, как пальто,
Золотоподобное ничто...

* * *

Утром хотел писать, но не очень и потому шил сапоги.

Л.Н.Толстой

Когда стихи не шли, а очень надо,
И в этом «надо» маялась награда,
Я надевал на рифму сапоги,
Поскольку за душой – увы – не зги...
Но ближе к песне, утрене и ало,
За окнами души моей светало...
Такие вот – представьте – пироги...
Такие вот – представьте – сапоги...

* * *

Я спокоен: нет охоты писать.

Л.Н.Толстой

Я не охотник... И двустволку –
До срока спящую безмолвку –
Мне за плечами не носить...
Мне лучше, выйдя на межовку,
Хотя бы скромную двусловку
В подсумок песни положить...

* * *

Лень писать, а хочется.

Л.Н.Толстой

Ленивый день с утра ленив,
Как будто медленный прилив...
И мысли тянутся к строке,
И отступают належке...
И в море хочется войти,
Да лень, как стража, на пути...

* * *

*Надо попробовать писать утром на-
тощак.*

Л.Н.Толстой

«И кому же в ум пойдёт...» – для меня:
Память-искорка ушедшего дня...
Голод сердца утолю натощак,
Будто выведу стихи в березняк...

* * *

Лень писать с подробностями, хотелось бы всё писать огненными чертами.

Л.Н.Толстой

Я писал о вечном... Остальное,
Даже оглушительно-родное,
Проходило как бы не во мне,
Пряча мой подённый в стороне...
А потом, присевши у огня
Вечность перевечнила меня...
Что ещё не ведано? Простое:
Долгий век – мгновенье золотое...

* * *

Думал много, написал мало.

Л.Н.Толстой

Думал не душою, а умом,
Оттого и каялся пером,
Потому и верил седине,
Будто жил от сердца в стороне...

* * *

Ничего не писал, и не хочется.

Л.Н.Толстой

Не писать – куда надёжней,
Чем строкой найти сюжет,
Будто щёткою одежной
Прихорошить белый свет,
Белый-белый, как верста
Неподкупного листа...

* * *

*Писал плохо. Обходишь сущность, и
выходит болтовня.*

Л.Н.Толстой

Всё сказано-рассказано давно...
Всё наше рождено до нашей эры...
И правит нашей песенкой зерно,
Что нами перемолото без меры...
Да плещется на кухне у меня
Заболтанная мною болтовня...

* * *

*Устал я, и не хочется писать. И не
надо.*

Л.Н.Толстой

Я в небеса за рифмой лез...
Да нашептал дорогой бес:
А нужно ль это вообще,
Коль суть духовности – в борще...

* * *

Неужели я вышел весь – не пишется.

Л.Н.Толстой

Писателю не пишется –
Как будто плохо дышится,
Как будто плохо слышится,
Как будто плохо тишится...
Моё же неписание –
Как зыбкое гуляние...
А вышел весь иль нет –
Вернусь и дам ответ...

* * *

*Всё так же плохо работается, и от
этого тяжело.*

Л.Н.Толстой

Делать дело – тавтология,
А без деланья в тревоге я...
Всё ищу для строчки слоги я:
Три созвучья – как трилогия...
Вот сижу под гнётом важести:
Пустоты – великой тяжести...

* * *

*Надо непременно каждый день писать
не столько для успеха работы, сколько
для того, чтобы не выходить из
колеи.*

Л.Н.Толстой

У меня девиз – ни дня без строчки...
Но живут – и точка – бытокочки...
А напишешь рифмочепухи,
А напишешь рифмотребухи,
А напишешь море шелухи
И заплачешь с горя у сохи...

* * *

*Как я чувствую себя счастливым, ког-
да тружусь.*

Л.Н.Толстой

Счастье пахнет трудом,
Будто сад за окном,
Будто цех по утрам,
Где раздолье рукам...
Я у всех на виду,
Как пичуга в саду...
Я ещё молодой
Над судьбой и водой
Да теченьем реки
От меня до строки...

* * *

Вообще нахожусь в состоянии вдохновения второй день. Что выйдет – не знаю.

Л.Н.Толстой

Вдохновение – обновление
Или попросту – новый вдох...
А на выдохе – откровение,
Как нечаянный возглас «ох»...
Вдохновение – быть вне тления...
Мне б стеной его окружить
И служить ему до затмения,
И с ладони любви кормить...

* * *

Я слишком самолюбив, чтобы написать дурно.

Л.Н.Толстой

Моё самолюбие жило в других –
Оно расплескалось в пределах чужих,
Оно проходило, как дождик слепой,
Моей, незаметной, вселенской тропой...
Моё самолюбие – тысячелюдно...
Моё самолюбие – тысячелюбно...
А дурно писал? Так и пишется трудно,
Как, впрочем, и классика – медленно, рудно...

* * *

Зачем деньги, дурацкая литературная известность. Лучше с убеждением и увлечением писать хорошую и полезную вещь.

Л.Н.Толстой

Я сердцем ведал, знание окрыля,
Что без рубля вращается Земля...
С годами орублев по мере сил,
Я строчки всераспахнуто копил...
И оставались – Бог мой – не рубли,
А вехострочки – зёрнышки земли,
Которые – взойдут ли не взойдут –
Живут себе, представьте, и живут...

* * *

Никакие гениальные прибавления не могут улучшить сочинения так много, как могут улучшить его вымарки.

Л.Н.Толстой

Жалко было строчку убирать,
Как дитя из дома выгонять,
А литературные хлысты
Не гнушались добромаяты...
Отчего же строфы не сметал
Самый знаменитый в мире вал?...

* * *

*...прочёл «Роман русского помещика»,
решительно плохо, но напечатаю.
Надо вымарывать.*

Л.Н.Толстой

Меня вымарывал редактор,
Как пни корчует умный трактор...
Я был из тех – чего скрывать –
Которых нужно корчевать...
И оставался, грех тая,
В печатном счастье «полуЯ»...
Теперь я сам себе редактор,
Как в звёздном небе лунный трактор...

* * *

*Шиллер совершенно справедливо на-
ходил, что никакой гений не может
развиться в одиночестве...*

Л.Н.Толстой

Я не ладил с одиночеством –
К людям настезь выходил
И туманным словозодчеством
Зори ясные удил...
Мне бы в яму одиночества –
Без отечества и отчества,
Где в тоске, багряно-крашенной,
Я бы выл по зорьке нашенной...

* * *

... в театре «Горе от ума» – отлично.

Л.Н.Толстой

Я думал, что такое море,
Не зная, что такое горе,
Поскольку утренний залив
Пленял бегами пенных грив.
И далеко была зима,
И рядом – счастье без ума
В туманной полунагоде,
Как вызов горю и мечте...
А море ведало о том,
Что горе, в общем-то, с умом...

* * *

*Утром читал Белинского, и он начи-
нает мне нравиться.*

Л.Н.Толстой

Мне говорила женщина одна –
Люблю поэтов, а стихи – не очень...
Такая вот, представьте, чудина,
Такая вот, представьте, заморочень...
Я критиков любил как страж-людей,
Да не любил их крученных затей,
Точней – статей, где тема, чем лютей,
Тем веселей на сонмище костей...

* * *

*...читал Кольцова. Прелесть и сила
необъятная.*

Л.Н.Толстой

Не косил я во́ поле траву...
Не клонил пред старостой главу...
А стихи рифмованно писал,
Будто копны лета скирдовал...
Не писал я вольные стихи,
Белые, как платье у ольхи...
Но приходит светище – зима,
У порога белая сума:
Не моя, не чья-то, а всяя...
И причём здесь рифменное «я»...

* * *

...пришёл Чернышевский, умён и горяч.

Л.Н.Толстой

Что делать? – шахматный вопрос –
Тоской и тюрьмами оброс...
И может нам, рассеяв тьму,
Поставить памятник ему,
Куда нести горюн-цветы,
Как слёзы нашей маяты...

* * *

*Я читал «Капитанскую дочку», и увы!
должен сознаться, что теперь уже
проза Пушкина стара – не слогом, – но
манерой изложения.*

Л.Н.Толстой

Вначале – стихи... А потом – «Капитанская дочка»...
Они приходили в мою тишину чередой,
И «Дочка» была не попутная лента-обочка,
А та же дорога, но только за рифмостопой...
И дочь капитана сегодня, как дочь генерала –
Среди старомодно-манерного вечного бала...
А были смотрины и кроткие слёзы Марии
Да тронная слава, как повесть о дочке России...

* * *

Читал «Мёртвое озеро», дрянь.

Л.Н.Толстой

Роман писали маево
Некрасов и Панаева...
А доля их участия –
Как ломтики двусчастия...
А кто из них «романистей» –
Чем дальше, тем туманистей...
Но было это всладчину –
Как дар поющий вскладчину...

* * *

Обедал у Некрасова. Фет – душака и славный талант.

Л.Н.Толстой

Некрасов у подъезда размышлял,
И этим чернь к свободе призывал...
А душака Фет – поэт и крепостник,
Не одолев отеческих вериг,
Был в жизни черни – стихотыловик,
И оттого посредственно велик...
Но угодили оба в Дневники –
Мои – от слова к слову – родники...

* * *

Аполлон Григорьев – распущенность...

Л.Н.Толстой

«...Пушкин – наше всё...»

Так сказал о Пушкине Григорьев...
И от слова горы стал нагорьев...
Жил он неприкаянною птицей
И стихи печатал за границей,
А ещё, как лермонтовский парус,
Побелев от страсти, шёл на ярус...
Я бы за распущенность такую,
Отчеканил веху золотую,
А пока хотел бы синь-разливы
Удивлять распущенностью ивы...

* * *

Фету противны стихи со смыслом.

Л.Н.Толстой

Запишу, любя искусство:
Смысл – окованное чувство...

* * *

*Читал «Записки охотника» Тургенева,
и как-то трудно писать после него.*

Л.Н.Толстой

Я не читал ещё Тургенева,
«Войны и мира» – чуда генева,
Но, беспокоя тишину,
Мою наведывал струну...
Я никому не подражал,
Я рифмострочки зажигал,
И мне в мои пятнадцать лет
Легко давался трудный свет...
А ныне властно, как редут,
Страницы классиков зовут...
А ныне трудно, как Завет,
Ко мне приходит лёгкий свет...

Читал я книги с упоением,
А воскресал над «Воскресением»...

* * *

*Тургенев ни во что не верит, вот его
беда, не любит, а любит любить.*

Л.Н.Толстой

Я не был нигилистом,
А также – нелюбистом,
Но, продолжая быть,
Весь мир любил любить, –
Такой необозримый,
Такой легколюбимый,
Что в нём песчинкой дня
Легко убить меня...

* * *

*Читаю Лескова. Жалко, что неправ-
див. Как сказать это.*

Л.Н.Толстой

В детстве ложь моя была
Путаной и длинной,
Будто истину вела
Тропкой заовинной...
Нынче истина во мне –
Как ребёнок на войне...
Буду истину спасать –
Правду к совести взывать...

* * *

*Читал Чехова. Нехорошо – ничтожно.
(рассказ «Агафья» – комментарий к
Дневнику). Я читаю хорошенькие ве-
щицы Чехова. Он любит детей и жен-
щин, но этого мало*

Л.Н.Толстой

По учебникам – тихий Чехов
Жил безгрешно, как цвет орехов...
Но учебники отлистались
И в стерильне – увы – остались...
А сторонник гуманных истин
Был и грешен, и атеистен...
Для меня же – навеки вехов,
Для меня же – навеки эхов,
Для меня же и мой и «всехов»
Чехонте – урождённый Чехов...

* * *

*Был Горький. Очень хорошо говорили.
И он мне понравился. Настоящий че-
ловек из народа.*

Л.Н.Толстой

Алексей Максимович Пешков-Горький
пришёл в Ясную Поляну Пешковым, а
покинул её Горьким. Хотел эту мысль
разбавить оправданием да не получилось.
Пусть живёт подозреваемой... хотя бы
в пределах многоточия...

* * *

Цивилизация исключает поэзию.

Л.Н.Толстой

Поэзия стихов не пишет,
Она в себе живёт, как дышит,
Стихи же – рифмобытие –
Земная выдумка её...
Когда влюбился я до слёз,
Придумал я печаль берёз,
Добавил нежности к печали...
А мир летел в объятия стали...
Добавил песенные грозы...
А мир писал законы прозы...

* * *

Книг слишком много, и теперь какие бы книги ни написали, мир пойдёт всё так же. Если бы Христос пришёл и отдал в печать Евангелия, дамы постарались бы получить его автографы, и больше ничего.

Л.Н.Толстой

Мир перемирить, истину лелея, –
Как отыскать вселенца-Добросея...
А написать о том живую книгу –
Как в недородный Час найти ковригу...
Я жить старался любно и нетрутно...
Я книги издавал мятуще-трудно...
Теперь они – плоды сердечнойковки,
Томятся, как подшитые листовки...

* * *

Поэты, стихотворцы выламывают себе язык так, чтобы быть в состоянии сказать всякую мысль всевозможными различными словами и чтобы из всяких слов уметь составлять подобие мысли.

Л.Н.Толстой

Ухожу я в степь ли, покоряю высь ли,
Мне дорога степлит кочевые мысли...
В глубине этюдца возникает строчка,
Как заря на блюде или в ступе ночка...

* * *

Художественное произведение есть то, которое заражает людей, приводит их всех к одному настроению.

...мы лелеем отражение жизни, а самой жизнью пренебрегаем.

Л.Н.Толстой

Когда я выходил из кинозала,
Где жизнь своё подобье отражала,
Я понимал, с народом заодно,
Что ждёт меня житейское «оно»,
Простое, как на солнышке пятно,
Родное, как домашнее вино,
Моё неугомонное,
Моё неоценённое,
Моё несняточестное
Кино...

* * *

*В художественном произведении
главное – душа автора.*

Л.Н.Толстой

Вот – бумага... К ней – душа,
К ней – душа карандаша...

* * *

*Если бог велит мне писать художе-
ственные вещи – они будут совсем
другие. И писать их будет и легче и
труднее.*

Л.Н.Толстой

Бывает, – в поиске хожу,
То к муляжу, то к миражу...
То к рубежу, то к дележу...
А точку в Храме нахожу...

* * *

*«Власть тьмы» – успех. Слава богу, не
радует.*

Л.Н.Толстой

Меня успехи не сломили,
Поскольку крохотными были,
И под ковром осевшей пыли
Они меня, увы, забыли...
Но горечь пыли, будто сладость,
Приносит жатвенную радость...

* * *

...вышел «Хозяин и работник», и слышу со всех сторон похвалы, а мне не нравится, и несмотря на то, чувство мелкого тщеславного удовлетворения.

Л.Н.Толстой

Моё тщеславие не тщетно,
Оно житейски незаметно,
Мерцая точкою наземной
Средь многоточия вселенной...

* * *

Все просят прислать запрещённые сочинения.

Л.Н.Толстой

Книги мои, – стихи
Как дубликат стихий
Не запрещались, увы,
На сквозняках молвы...
Просто моя трава
Съела мои дрова,
Те, что – прости Господь –
Взять бы да наколоть...

* * *

...надо установить обычай, чтобы позорно было печататься при жизни – только после смерти. Сколько бы осадку село и какая бы пошла чистая вода.

Л.Н.Толстой

Сколько мути с пером заодно...
Не помыть ли под вечер окно?...

* * *

Страдаю оттого, что окружён такими людьми с искривлёнными мозгами, такими самоуверенными, с такими готовыми теориями, что для них писать что-либо тщетно: их ничем не проберёшь.

Л.Н.Толстой

Капля с камнем не дружила,
Но капельно ворожила
И пробила суть породы,
Будто каменные годы,
Где приходит вместо оды:
Слово – капелька природы...
Потому и росниково
Человеческое слово...
Потому и трудно слову –
Напечатанному зову...

* * *

*Не хочется писать и думать. Хочется
работать руками...*

Л.Н.Толстой

Я писал о рабочих руках, но возвышенно,
Как писал о любви – незакатно и вишенно...
Получалось – простите – надцехово-ярусно,
Будто жил мой завод не чугунно, а парусно...
Были эти стихи проходно-нечитаемы,
Но зато выходили к народу не стаями...

* * *

*Надо покориться мысли, что моя пи-
сательская карьера кончена: и быть
радостным и без неё.*

Л.Н.Толстой

О карьере

Диптих

Я не жил в карьерах, я не жил в трущобах,
Не ходил особо в именах-особах,
А ходил мостками над весёлой речкой,
Там, где купол ночи отражался млечкой...

Есть ли у поэта личная карьера,
Если у поэта – собственная мера...
Если у поэта – собственная вера...
Если у поэта – собственная эра...

* * *

*Наше искусство с постановкой потех
для богатых классов не только похоже
на проституцию, но есть не что
иное, как проституция.*

Л.Н.Толстой

Армейская элита – генералы,
Как будто поседевшие авралы,
Меня – увы – не знали-не читали,
Беря на мушку лет иные дали...
А я служил, не скаткою увитый,
Я призван был солдатскою элитой,
И штурмовал надёжной песней залы,
Где иногда сияли генералы...

* * *

*Мы совершенно ложно приписываем
ум и доброту таланту, так же, как и
красоте. В этом большой самообман.*

Л.Н.Толстой

Талант – наваждение природы...
Природа же – кухня погоды,
Где ветер – к примеру – галантлив,
И этим не очень талантлив...
Но я – ветерок... И отсюда –
Всего лишь приятное блюдо...
А ум с добротой бессмертны,
Когда глубоко не десертны...

* * *

Искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям.

Л.Н.Толстой

Добавлю я – патетик на мгновенье –
Искусство – это храм душетворенья...

* * *

Нельзя говорить про произведение искусства: вы не понимаете ещё. Если не понимают, значит, произведение искусства нехорошо, потому что задача его в том, чтобы сделать понятным то, что непонятно.

Л.Н.Толстой

Если мне непонятно ОНО,
Что легко пониматься должно,
Я в туман приоткрою окно
И подумаю – может, ОНО,
Как рожок безымянного дня,
На чуток непонятней меня...

* * *

Думал о том, что пишу я в дневнике не для себя, а для людей, – преимущественно для тех, которые будут жить, когда меня, телесно, не будет и что в этом нет ничего дурного.

Л.Н.Толстой

Он писал дневник и для меня,
Будто мы от века литродня,
Будто я построчно в гору лез,
Чтоб отведасть эха литнебес...
Но открылись эхорудники,
Как мои... как наши дневники...

* * *

...цель жизни человека есть всевозможное способствование к всестороннему развитию всего существующего.

Л.Н.Толстой

«Всё существующее – Ты» –
До хрипоты кричало детство...
И это было как наследство
От всевеликой простоты...
«Всё существующее – Я» –
Мне потихоньку пела юность...
И это было как всеструнность
Всемолодого бытия...
Сегодня выйду за дымы...
Сегодня выпрошу у тьмы,
Как будто искорку взаймы,
Единоцелое ВсеМы...

* * *

...искусство есть выдумка.

Л.Н.Толстой

Привечаю, как дыханье,
Наше словообитанье,
Где мечта – слуга искусства
От печи до златоуства...

* * *

*Самая обидная форма эгоизма – это
самопожертвование.*

Л.Н.Толстой

Обидное Эго –
Завидное эхо,
Где личная жертва
По сути бессмертна...
Где шёл за Пегасом
Не полем, – отсеком,
И жертвовал часом,
А надо бы веком –
Родным, стихоречьем,
Сквозным до обиды,
Таким человечьим
У края планиды...

* * *

В мечте есть сторона, которая лучше действительности; в действительности есть сторона, которая лучше мечты. Полное счастье было бы соединением того и другого.

Л.Н.Толстой

Мечтал я в детстве о... А впрочем,
Мечтал я в юности о том...
А ныне, судьбоукорочен,
Мечтаю вовсе о другом....
Мои походные мечты –
Мои погодные цветы...
Они во мне сойдутся... Впрочем, –
Как наши тени в Небе Отчем...

* * *

*Верь рассудку только тогда, когда
убедишься, что никакая страсть не
говорит в тебе.*

Л.Н.Толстой

Рассудок жил во мне рассудно,
Как в море крохотное судно...
Волна рассудка не любила,
И в порт мятежно заходила...
И страсть – рассудок во хмелю –
Шептала берегу – Люблю...
Где я пришёл к рассудоверцу,
Благодаря живому сердцу...

* * *

Есть два желания, исполнение которых может составить истинное счастье человека, – быть полезным и иметь спокойную совесть.

Л.Н.Толстой

Моя полезность, по сути, – я:
От бытониза – до бытия...
Судьба учила – твори себя,
Для пользы дела других любя...
Но совесть утра, но совесть дня
К покою ночи вели меня
Туда, где штора в чужом окне
Как польза тайны, жила во мне...

* * *

Целью каждого поступка должно быть счастье ближнего.

Л.Н.Толстой

Уходит Ближний далеко...
И остаётся озерко,
Где золотые камыши –
Как будто остинки души...
И мне приходится опять
Весь мир по-ближески обнять...

* * *

*К каждому делу, необходимому, но к
которому чувствуешь отвращение,
приступать как можно быстрее.*

Л.Н.Толстой

Есть отвращение к себе –
Не к упорядочной судьбе,
А к запредельному поступку,
Что переходит в саморубку...
И я себя не отвращаю –
Я к самоделу приступаю...

* * *

Никогда ни про кого не говорить дурно...

Л.Н.Толстой

Говорили дурно о любви
Петухи, вороны, соловьи...
Я внимал непесенным речам,
Будто затуманенным ручьям,
Веря петушью и воронью
Да не веря птице-соловью.
И сказал я шёпотом ночей –
Ты же, братец, вечный соловей,
Отчего проклятия твои?..
Уронил я песню о любви...

* * *

*Чувствую потребность учиться,
учиться и учиться.*

Л.Н.Толстой

Я в плагиате не замечен,
Я был мятежно саморечен...
Но если вождь переворота
У Льва Толстого занял что-то,
И в этом, нас толкая ввысь,
Два разногения сошлись,
Хочу я сердцем поклониться
И плагиату научиться...

* * *

*Пробежал нынче свой дневник. Как я
заметно падаю.*

Л.Н.Толстой

Мгновенье паденья – ещё не паденье,
А так – учащённое сердцебиенье...
Паденье – когда вознесённая плеть
Не хочет, к примеру, пометно добреть...
Паденье – когда полувзвучная медь
Не хочет, к примеру, победно взлететь...
Паденье – когда, обрушая камень,
Приходит к тебе невозвратопаденье...

* * *

*Мысли о приближающейся старости
мучают меня. Смотрюсь в зеркало по
целым дням.*

Л.Н.Толстой

Причуды возраста не мучали меня,
Поскольку приходили зелена –
Предтеченки задуманных плодов
Из утренних ровесников-садов...
И небо, словно зеркало моё,
Глядело на криницу и жнивьё,
Внимая откровению речин –
От лепета годочков до годин...

* * *

*Не пишу, не читаю, не думаю. весь в
хозяйстве.*

Л.Н.Толстой

Моё хозяйство – рай в пятиэтажке,
Точнее, быт в смирительной рубашке,
Точнее, дом по имени квартира, –
Живёт в миру и чуточку – вне мира...
А я, порой забыв об этом райстве,
Весь – на миру и чуточку – в хозяйстве...

* * *

*Даже обстоятельства не руководят
чувствами, а чувство руководит об-
стоятельствами, то есть даёт вы-
бор из тысячи фактов...*

Л.Н.Толстой

Моя дорога распадалась
На тысячу тропинок...
Моя тропинка выбиралась
Из тысячи судьбинок...
А чувство неба собиралось
Из тысячи зоринок...
А чувство жизни выпекалось
Из тысячи живинок...

* * *

Я истощаю силы охотой.

Л.Н.Толстой

В детстве моём из рогатки –
Птичьей беды-супостатки –
Взял и убил синицу –
Маленькую жар-птицу...
Птица, а – надо же – снится...
Птаха, а – надо же – плаха...
Может – преувеличил:
Мир и себя оптичил...

* * *

*Надо найти жену в ней же. И должно, и
можно, и я найду. Господи, помоги мне.*

Л.Н.Толстой

Я двоеженец не по сути,
Скорей – от плоти и от плути...
Я не искал, доверяясь кругу,
В супруге мужнюю супругу...
И не ищу, доверяясь Богу,
Как будто кланяясь порогу,
Где я не просто обновленец,
А вечный грехоокруженец...

* * *

*Многого я очень требую от моих
близких. В них шевелится совесть, в
лучших, и то хорошо.*

Л.Н.Толстой

И родные мои, и близкие,
За мои поделушки «низкие»
Мне по-свойски легко грозили,
Словно пух мешковой грузили...
Значит нужен я вне прощения,
Значит нужен я вне значения,
Значит нужен я вне сомненья,
Как столетью – одно мгновенье...

* * *

Часто мне приходят ясно выраженные мысли, радостные и полезные для меня, но, не найдя им места, я забываю их. Буду записывать.

Л.Н.Толстой

Блокнот и ручка – не для меня...
Но дар наземный копилки дня
Я, словно почту, переберу
И станет ночью, как поутру,
Не оттого что найду зарю,
А просто песню наговорю...

* * *

Немного помогает мне правило: желать, сходясь с людьми, чтобы они тебя унизили, оскорбили, поставили в неловкое положение, а ты бы был добр к ним. Только один раз вышло.

Л.Н.Толстой

Сердце моё – столица
Холода и огня...
Сердце моё не злится –
Кается за меня...
Я же могу в сердцах
Плавиться на устах...

* * *

*После обеда ходил к сапожнику. Как
светло и нравственно изящно в его
грязном, тёмном угле.*

Л.Н.Толстой

Граф, омолясь, не бражничал...
Граф, оцарясь, не важничал...
Нищим давал – не крошничал...
Обувь тачал – сапожничал...
И своего приятеля,
Или сапоготачателя,
И своего учителя –
Или сапоготочителя,
Граф по-людски наведывал
Да «лепоты» изведовал,
Грязным пленяясь углом,
Будто своим помещным,
Будто своим небесным,
До грохоты известным
Чернорабочим столом...

* * *

*И пусть не говорят столь любимую
пошлость, что растить свою жизнь
– эгоизм.*

Л.Н.Толстой

Я рос – поверьте – не в глуши,
А у излучины души...

* * *

Наколот дров, топлю печку. Все дни живу бесцветно, но прозрачно, всех люблю естественно, без усилия.

Л.Н.Толстой

Помню печку, дрова у печки,
За окошком – ледовье речки,
Я пока ещё не люблю
И годочки не тороплю,
Чтобы вырасти и любить,
Будто лёд по весне дробить
На речище – когда-то речки,
У кострища – когда-то печки...

* * *

Одни люди себя строго судят и других прощают, другие себя прощают и других судят.

Л.Н.Толстой

Самосуд и всепрощенье –
Как сгоревшее поленье,
От которого зола
По-лебяжьему светла...
Не скудей, метаморфоз –
Будто нажитый обоз:
Жить не хочется у края,
На краю себя теряя...

* * *

*Страшно легко и охотно говорит-
ся, когда собеседник не принимает к
сердцу.*

Л.Н.Толстой

Кому-то, в чём-то преуспевшем,
Я говорил о наболевшем...
Он головой кивал... А сердцем
Был недо... недо... недомерцем...
Был в полосе недоучастья,
Как за оградой самоучастья,
Как за оградой самосластья,
Куда вовек не мог попасть я...

* * *

*Встал в шесть и пошёл пахать. Очень
приятно.*

Л.Н.Толстой

Мы называли пахотой работу...
И день пятничный – малую субботу –
Я ждал, как ждут у медленной реки
Серебряной удачи рыбаки...
Я бегал в перерыв стезёй короткой –
Как юный сын труда – за общей водкой...
И было мне приятно жить да жить,
И докопейно сдачу приносить...

* * *

*Получил письма и выписку из газет:
Мир имеет от Толстого столько,
сколько он может переварить. (англ.)
Лестно. То-то и скверно, что прислу-
шиваешься к этому.*

Л.Н.Толстой

Если и читал стихи в застолье –
Помнил о застольном пересолье...
Если же дурманили салютно –
Было помедово-неуютно...
Иногда прислушивался,
Будто в точку суживался...

* * *

*Обед у К..., обжорство грустное и
гнусное. Как жалки. Я не могу им по-
мочь.*

Л.Н.Толстой

Я был доволен коркой хлебной
Да тихой верностью воды,
Да неизбежностью целебной
Моей хранилицы-звезды...
Её надёжное потворство
Который век – моё обжорство...

* * *

Да я сам не знаю себя, Понятия не имею. Во всю длинную жизнь свою только изредка, изредка кое-что из меня виднелось мне.

Л.Н.Толстой

Моё лицо – поверьте мне –
Не то, что в зеркале,
А то, что корчится в огне,
Как грех на вертеле...
А может быть, переобличенный,
Я сам в себе преувеличенный...

* * *

Я рад, что в самые дурные минуты я не падаю до озлобления на людей и до сомнения в истинной жизни. Только поползновение к этому.

Л.Н.Толстой

Когда я плакал в детстве или после
На острие обиды или возле,
Как поражённый пламенем двурушным,
Казался мир пустым и равнодушным...
Но светлый час обидоотступленья
Был равен чувству мироутешенья...

* * *

...самое ужасное страдание: знать, что я страдаю и лишаюсь не от завала горы, не от бактерии, а от людей, от братьев, которые должны бы любить и которые, вот, ненавидят меня, если заставляют страдать.

Л.Н.Толстой

От меня любимые страдали,
Как осколки сердца подбирали,
Я же, самоненависть храня,
Вынимал останки из огня...

* * *

Любовь и страданье в обнимку ходили,
Но их разделили и этим убили,
И этим дополнили грустные были,
Похожие, кстати, на горы из пыли...
Мы тоже любили, мы тоже страдали,
Как будто себя от нелюбья спасали...

* * *

Я очень нравственно и умственно опустился. Вчера ужасная тоска.

Л.Н.Толстой

Если я опустился, ну, скажем, до уровня кочки,
Что ж, для холмика в поле и кочка – подобие дочки...

* * *

Думал в ответ на письмо Кудрявцева...

Л.Н.Толстой

Я, конечно, графу не писал,
Но в дневник фамилией попал...
Фамильярность?.. Боже, упаси,
Просто жили письма на Руси:
Граф меня – по буквам – выводил,
Будто на дорогу выводил...
Где ходил мой предок-письмодей –
Как родня фамильности моей...

* * *

...живу, пришитый к юбкам жены, подчиняясь ей и ведя сам и со всеми детьми грязную подлую жизнь, которую лживо оправдываю тем, что я не могу нарушить любви.

Л.Н.Толстой

Я любовь оправдывал,
Словно беса радовал,
Тем, что в мире совести
Тяга к невесомости,
Тем, что в море нелюби
Много рыбы-нелюди,
Тем, что выйти нелюди,
Как пройти по наледи...
Тем, что слово истины –
Как щепка у пристани...
Но любовь оправдывать –
Что себя обкрадывать,

* * *

Нельзя быть добрым человеку, неправильно живущему.

Л.Н.Толстой

Если я неправильно живу,
Как топчу газонную траву,
Мне вину придётся искупить,
Как травы-отавы накосить...
Но подскажет луносеребро:
Искупление – высшее добро,
А душа прибавит к серебру,
Что добро под плетью – не к добру...

* * *

*Я часто говорил себе: если бы не жена,
дети, я бы жил святой жизнью, я упре-
кал их в том, что они мешают мне...
А помеха-то я сам.*

Л.Н.Толстой

Как негульба отчаянной гульбе,
Как неборьба омысленной борьбе,
Как несудьба завещанной судьбе,
Я до сих пор мешаю сам себе...
Не оттого ль мешает, как во сне,
Моя страна – увы – моей стране...
Не оттого ль мешает, как во зле,
Моя Земля – увы – моей Земле...
А с ними – хоть причетника зови –
Моя любовь – увы – моей любви...

* * *

Грустно, и грустно, что грустно. Если бы помнил: смирение, покорность и любовь, не было бы грустно.

Л.Н.Толстой

Я грустил и было всё понятно:
Грусть моя – как розовые пятна
Отрешённых листьев на земле,
Что поныне корчатся в золе...
Я найду смирение и покорность,
Я найду утраченную горность
И спасу от вьюги снегиря –
Самой главной грусти января...

* * *

...мерзкая жалость к себе и злоба к ней. Удивительное состояние.

Л.Н.Толстой

Жалость

Говорила мне, любя, –
Пожалей чуток себя...
Пожалев разок, – жалею,
Будто вырубил аллею...

* * *

*...позорно оскорбился, рассердился.
Гордость! Гадость.*

Л.Н.Толстой

Довелось мне осердиться –
Как шипами оградиться...
Довелось мне оскорбиться –
Как цепями ограниться...
И носил я эту гордость,
Словно рабскую покорность...

* * *

*Тяжела дурная барская жизнь, в кото-
рой я участвую.*

Л.Н.Толстой

Барская лень почивает на жизни,
Как пуховик на шипах укоризны...
И оттого напомаженный барин
Мне в малолетстве гранитно подарен...
Жил да не знал, что писатель и частник,
Барского быта великий участник,
Лёгким пером отнимаючи царства,
Сделает мир соучастником барства...

* * *

*...всё, что может случиться извне,
ничто в сравнении с тем, что может
сделаться внутри.*

Л.Н.Толстой

Хоть умри, хоть не умри,
Хоть от счастья угори,
Неразлучны, как пари,
Рай вокруг и ад внутри...

* * *

*Думал о себе, что для того, чтобы
выйти из своего тяжёлого положения
участия в скверной жизни, самое луч-
шее и естественное написать то,
что я пишу и хочу...*

Л.Н.Толстой

Я писал порой на суетел,
Будто мимо совести глядел...
А потом найдено привык,
Будто занял чей-то материк...
А сейчас оставил на «сейчас»
Мой последний совестный запас...

* * *

Нынче что-то хорошее думал и забыл.

Л.Н.Толстой

Я подумал о тебе и... забыл,
Не тебя и дуновение крыл,
А какой у нашей горницы век...
Но останется дрожание век,
Под которыми не спится глазам,
Как не спится на Земле небесам...

* * *

Да, огрубевает от этого проклятого начальства и денег.

Л.Н.Толстой

Я с начальством дружил не очень...
Я с деньгами дружил не очень...
Я с любовью дружил не очень...
И не съели меня, как сочень,
Оттого, что я был проточен –
Полудружкой не озабочен.

* * *

Всё то же: то же упорство труда, то же медленное движение и то же недовольство собой.

Л.Н.Толстой

Чтобы стать недовольным собой,
Нужно стать недовольным судьбой...
Мне же, песню держа под рукой,
Нужно стать недовольным строкой...

* * *

Думал за это время... о значении своей жизни, но высказать не могу и 1/100 того, что чувствовал!

Л.Н.Толстой

Добывал из чувства как обнову
Слово – раскалённую подкову...
Оттого хочу непустяково,
Оттого хочу еретиково,
Оттого надеюсь рудниково
Ухватить очувственное слово...

* * *

Сейчас получил телеграмму о смерти Ге... Мне ужасно жалко его. Это был прелестный, гениальный старый ребёнок.

Л.Н.Толстой

Как ребёнок в старость забегу
И останусь жить на берегу...

* * *

Время летит с ускоряющейся быстротой, особенно заметной при той праздности, в которой я живу.

Л.Н.Толстой

Время негасимо, время неделимо,
Как полёт бесшумный чудо-серафима...
Я старею тихо под житейский грохот,
Будто наши вёсны перешли на шёпот...
А когда нисходит личное знаменье,
Время – как на праздник – вечное мгновенье...

* * *

Вчера видел свой портрет, и он поразил меня своей старостью.

Л.Н.Толстой

Портреты классиков смотрели на меня,
Точнее, – обездвиженные лица...
И возраст их классически не длится,
Как на обложке речка или птица...
Как на экране вишня у плетня...
И всё же лица их не каменели:
Я постарел – они помолодели...

* * *

*Давно не помню в себе такого упадка
духа. Сжался и сижу, жду. Так же мало
эгоистического, как и божеского.*

Л.Н.Толстой

На дне колодца жил родник
И с миром эгово дружил,
Поскольку мир к нему привык,
Поскольку мир к нему проник,
Поскольку мир к нему приник,
Как утомлённый старожил...
Но был он – истый эгоист –
Общеколодезен и чист...
И я, с любовью ко всему,
Нагорно кланяюсь ему...

* * *

*Здоровье все то же – слабость. Надо
приспосабливаться к слабости.*

Л.Н. Толстой

Приспособиться к старости хочется,
Да строка, будто жизнь, многоточится:
Погоди моя старость на чуточку,
На одну, на Господню минуточку...

* * *

*За это время думал многое, многое и
забыл.*

Л.Н.Толстой

Если вынуть начисто забытое,
Будто мною досками забитое,
Станет жизнь моя слегка печалистей,
Станет даль моя немножко далистей....

* * *

*Делай, а там видно будет, коли не го-
дишься уж на работу, сменят, пош-
лют нового, а тебя пошлют на другую.
Только бы всё повышаться в работе.*

Л.Н.Толстой

Моя карьера – не ступени,
А ледяной приступок лени:
То понизины, то высоты,
То приходящий лом работы...

* * *

*Надо терпеть унижение и быть до-
брым. Могу.*

Л.Н.Толстой

Совмещать униженность и добро –
Всё одно, что выходить серебро,
Серебро не звёздное, а – глубин,
Где копаю бездну я до седин...
Где моё смирение – от руин...
Где моё терпение – от низин...

* * *

Сначала поражаешься, почему людям глупым свойственны такие уверенные, убедительные интонации. Но так и должно быть. Иначе бы их никто не слушал.

Л.Н.Толстой

Глупость бывает шумной,
Глупость бывает трюмной,
Глупость бывает умной
С выдумкою изюмной...
Глупость моя – наивней
Золотоносных бивней...
Глупость моя – глупее
Птицы на тонкой рее...

* * *

Одно из самых сильных средств гипнотизации – внешнего воздействия на душевное состояние человека – это наряд. Это хорошо знают люди: от этого монашеская одежда в монастырях и мундир в войске.

Л.Н.Толстой

Блистало, темнело, ветшало, старело
Одежда души моей – грешное тело...

* * *

*Человек, не признающий своих грехов, это
сосуд, герметически закрытый крышкой
и ничего в себя не пропускающий.*

Л.Н.Толстой

Я в себе не замыкался от порук,
Я грехи пытался выдать за недуг...
Да в миру не хватит пустошей и пут,
Чтобы с ним не сообщаться как сосуд...

* * *

*Был мужик с отбитой деревом рукой и
отрезанной. Пашет, приделав петлю.*

Л.Н.Толстой

Моя стезя порой
Была, увы, петлистой,
Но – как походный строй –
Пылила степью чистой...

* * *

*...главное, знать, что если есть во мне
нелюбовь к кому-нибудь, то, пока есть
во мне эта нелюбовь, – я виноват. А
как знаешь, что виноват, так – легко.*

Л.Н.Толстой

Когда я в чём-то виноват,
Я по стократ виниться рад...
Не зря поведал классик мне
О том, что «...истина в вине».

* * *

*Приставленный ко мне бес все при
мне и мучает меня...*

Л.Н.Толстой

Ловушка

Зашёл случайно в райский лес,
Когда очнулся, вижу – бес...
Да на огне стотравный чай,
Как сто дорог в бесовский рай...

* * *

*Пришло в голову с удивительной яс-
ностью, что для того, чтобы всегда
было хорошо: всегда думать о других,
в особенности, когда говоришь с кем.*

Л.Н.Толстой

Хочу не соло на трубе,
Не доли в стихогородьбе,
Но чтобы, вызолотив стих,
Я говорил бы о себе –
Как личнонажитой судьбе,
А получалось – о других...

* * *

Никакого толстовства и моего учения не было и нет, есть одно вечное, всеобщее, всемирное учение истины, для меня, для нас особенно ясно выраженное в евангелиях.

Л.Н.Толстой

Ко мне пришло моё толстовство –
Литературное отцовство:
От многотемья до страницы,
Как от Жар-птицы до синицы...

* * *

Стал думать о себе, о своих обидах и своей будущей жизни и опомнился. И так мне естественно было сказать себе. Тебе-то что за дело до Льва Николаевича? И хорошо стало. Стало быть, есть тот, кому мешает подлый, глупый, тщеславный, чувственный Лев Николаевич.

Л.Н.Толстой

Я сам себе мешал впадать и невпадать...
Я сам себя мешал с водой мыльных дат...
От этих мешанин, от этих смешанин
Возник-недовозник поэт и гражданин...

* * *

Всё можно простить, но не извращение тех высших истин, до которых с таким трудом дошло человечество.

Л.Н.Толстой

В лоб

Человечество моё – Человек
Протяжённостью на тыщу парсек...
А пока уйду от сонма затей,
А пока зайду в жилище идей,
Из которых мне от века родней:
Не убий, а по-мирски – не убей...

* * *

Всякие внешние обязанности мешают, заслоняют важнейшие обязанности к самому себе.

Л.Н.Толстой

Пришла моя обязанность –
Ушла моя привязанность...
И это размежевание –
Как самоудаление,
Как самоодоление,
Как самоутоление...

* * *

*Удивительно устроен человек. Или
здесь работай, или готовься для ра-
боты там. Самая же лучшая работа
здесь тогда, когда готовишься для
работы там.*

Л.Н.Толстой

Я здесь – не весь, поскольку там
Не спится тамошним горам,
А здесь я местный напоказ,
Как у подножья верхолаз...

* * *

*Удивительное дело: я знаю про себя,
как я плох и глуп, А между тем меня
считают гениальным человеком. Ка-
ковы же остальные люди?*

Л.Н.Толстой

Самый глупый человек на земле –
С гениальным завитком на челе...
Я же – умный, и его завиток –
Для меня – как золотой поводок...

* * *

Живу довольно внимательно к себе.

Л.Н.Толстой

Увидев озарённую тебя,
Я обратил вниманье на себя...

* * *

*Ошибаюсь или нет, но мне кажется,
что только теперь – хороши ли, дур-
ны ли? – но созрели плоды на моём де-
реве.*

Л.Н.Толстой

В моём саду плоды – как «да» и «нет»,
Хоть затевай осенний первоцвет...

* * *

*Как хорошо быть виноватым, уни-
женным и уметь не огорчаться. Это
можно. И как это нужно.*

Л.Н.Толстой

Мне нравится быть обиженным,
Как жить в негритянской хижине...
Да отчего не дома?
Вспомнил про дядю Тома.

Вина

Я признался, что вышел за край,
Что виновен – хоть сор выметай,
Но повинно открыл невзначай:
Ад признания – истинный рай...

* * *

*Чем больше себялюбие, тем труднее
понять другого, перенестись в друго-
го, а в этом всё. И наоборот.*

Л.Н.Толстой

Чем больше во мне себялюбия,
Тем меньше – увы – многолюдия...
Но горько подумал о днище я,
Где я – как подобие нищего...

* * *

*И только то настоящее, которое бе-
рёт себе девизом: нет в мире виноватых.
Кто счастлив, тот прав!*

Л.Н.Толстой

Я виновных рядом не искал,
Вдалеке – поди их разбери,
Даже если гибельный оскал
Начинался выходом зари
Или тихим выпływом окна
Из неошерённого темна...
Расплескалась по миру война...
Расплескалась по миру вина...
Буду верить счастьем до конца,
Будто скрипу отчего крыльца...

* * *

Чем мудрее люди, тем они слабее. Чем глупее, тем твёрже.

Л.Н.Толстой

Я от мудрости не слабел,
Ибо с мудростью не водился,
Ну а если мудреть хотел,
Перевёртышем становился...
Лучше в глупости отвердеть,
Лучше в твёрдости оглупеть,
Но остаться в родной теснине,
Как рябиновый сок в рябине...

* * *

Делать то, что не нужно, – грех.

Л.Н.Толстой

Я работал до пота в поле...
А мечтал о другой неволе:
До гужей огружаться пером
За простым – до горбушки – столом...
И не знал, что притворно тихи,
Возле сердца роились грехи,
Что стоит у порога безделье –
До противы безгрешное зелье...

* * *

Я знаю, что мысль, если она настоящая, не пропадёт...

Л.Н.Толстой

Мне от роду не замышлялось
Искать настоящую мысль...
Но что-то весенне шаталось,
Лилось, наполнялось, качалось,
Как возле мечты коромысль,
Где было свеченье-добро,
Ещё – белоцвет-серебро
Да ропот неясного пенья
Утробного стихобиенья...

* * *

И я себе уяснил, что в числе ряда дел, наполняющих жизнь, есть дела настоящие и пустые. Знать настоящие и пустые – в этом всё знание жизни.

Л.Н.Толстой

Я жил, не думая о знанье бытия,
Точнее, жизни – матери дыханья,
Всё было просто: поле, небо, я –
Как вечные страницы мирознания...
А рядом жили горы и пустыни –
Две мироподелённые гордыни...
Но посохом дыханья заручась,
Я начинал осудьбенную вязь...

* * *

Цель жизни вне наслаждений и страданий. Она достигается, проходя через них.

Л.Н.Толстой

Пришло ко мне однажды из ночей:
Цель жизни в том – хоть людны карусели –
Чтоб иногда задуматься о ней –
Об этой сладко-вымученной цели...

* * *

*Вся пахота нужна, чтобы посеял
взошёл, а коли топчешь посея, неза-
чем было и пахать.*

Л.Н.Толстой

Приходило время Начинал...
А потом – безвременье Топтал...
Мне же остаётся начинать –
Будто жизнь любовью начинать...

* * *

*Нельзя очиститься одному или од-
ним; чистится, так вместе; отде-
лить себя, что бы не грязниться,
есть величайшая нечистота...*

Л.Н.Толстой

Я шёл к тебе,
Светясь, как юный князь,
Хотя к моим подошвам
Липла грязь...

* * *

*Да, невозможно ничего доказывать
людям, то есть невозможно соб-
ственно опровергать заблуждения
людей: у каждого из заблуждающихся
есть своё особенное заблуждение.*

Л.Н.Толстой

Доказывал... Доказывал... Доказывал...
Как будто грани жизненные смазывал...
А жизнь куда-то шла недоказуемо,
То шатко объяснимо, то сказуемо...
А жизнь была домашне осердечена,
Ну, скажем, словно роща – оскворечена...
И жили там в скворечнике-обители
Земли и Неба истинные жители...

* * *

*Думал: отчего мы так рады обвинять
и так злобно несправедливо обвиня-
ем? Оттого, что обвинение других
снимает с нас ответственность.*

Л.Н.Толстой

Меня обвиняли – не скрою – любя:
Порою вселюдно, подчас «про себя»...
И тех, кто шумел, я тихонько прощал,
Как тайно спускался в метёный подвал...
А тех, кто молчал, сторонился незло,
Поскольку молчание – их ремесло...
Меня обвиняли – не скрою – щадя,
Как будто вгоняли осьмушку гвоздя...

* * *

*...И без меня истина сделает своё
дело.*

Л.Н.Толстой

Чем отличается правда от истины?..
Я бы ответил у сходенок пристани:
Правда бывает, как сад, многолиственна,
Правда, едина для отчины, – истина.

* * *

*...поддался поддразниванию Софьи
Андреевны, утверждавшей, что люди,
пытающиеся жить нравственно,
утеряли простоту.*

Л.Н.Толстой

Моя простота потихоньку вернулась,
Как будто на детство моё оглянулась,
И годы мои, обращаясь «на ты»,
Сойдутся в кружок у огня простоты...

* * *

*...только с сильными, идеальными
стремлениями люди могут низко па-
дать нравственно.*

Л.Н.Толстой

Я когда-то падал... и теснины
Толковались мною как вершины..
Поднимусь ли ныне до полыни,
Что горчит на холмике светлыни...

* * *

Один из главных соблазнов, едва ли не основной, это представление о том, что мир стоит, тогда как и мы и он, не переставая, движемся, течём.

Л.Н.Толстой

Я участок мира застолбил,
Словно мету к радуге прибил...
Помню шум копытного дождя
И дрожанье капельки-гвоздя...
Только мир – заложник у мечты,
А столбы уходят на плоты...

* * *

Нельзя жить без – хоть самого низшего, честлюбивого, хоть корыстлюбивого идеала.

Л.Н.Толстой

Я не считал кого-то идеалом,
Как не считаю выдумку причалом...
Причал – по сути – может быть началом,
А может быть – храни нас Бог – мочалом,
Когда причал качнёт однажды справа,
А ты на нём – как лёгкая забава...
Когда его качнёт однажды слева,
А ты на нём – как зёрнышко посева...
И напослед качнёт однажды снизу,
А ты всю жизнь отдал мечте и бризу...

* * *

*Вера в авторитеты делает то, что
ошибки авторитетов берутся за об-
разцы.*

Л.Н.Толстой

Говорю в любую пору:
Есть порог, а есть порожек...
У горы ошибка – с гору,
У горошины – с горошек...
У меня же в блеске дня,
Вторя логике, – с меня...

* * *

*Служить надо другим, а не себе уже
только и потому, что в служении дру-
гим есть предел... а в служении себе
нет предела – чем больше служишь,
тем хуже.*

Л.Н.Толстой

Начало

Говорил наставник, выкруты любя:
Послужи другому – сделай для себя...
Я подумал смутно, как на ворожбе:
Послужу другому – помогу себе...

* * *

Хуже глухих – кричащие.

Л.Н.Толстой

Древо судьбы

Я пытался докричаться до ветвей...
Мне бы лучше домолчаться до корней...

* * *

*Нам всегда кажется, что нас любят
за то, что мы хороши. А не догады-
ваемся, что любят нас оттого, что
хороши те, кто нас любит.*

Л.Н.Толстой

Когда я любил безответно,
Мне всё-таки было рассветно...
И счастье цвело на просторе,
Просторе по имени Горе,
Что горькую цветень дарило,
Но сладко-хорошее было...

* * *

Как бы хорошо написать художественное произведение, в котором бы ясно высказать текучесть человека, то, что он, один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо.

Л.Н.Толстой

Моя судьба-текучесть – я,
Плывущий речкой бытия...
Моя текучесть – грех... Но я же
Плыву среди мечты и сажу,
То примечая соловья,
То обмирая от поклажи...

* * *

Во сне нынче думал, что самое короткое выражение смысла жизни такое: мир движется, совершенствуется; задача человека участвовать в этом движении и подчиняться и содействовать ему.

Л.Н.Толстой

На чуток посодействовал миру –
Полюбил не секиру, а лиру...

* * *

Живо вспомнил, какой огромной важности дело – полная, до мелочей, во всём правдивость, избегание всяких внешних лживых форм. И решил держаться этого.

Л.Н.Толстой

Метаморфоз

Райская ложь в саду –
Правда огня в аду...

* * *

Человек добрый, если только он не признаёт своих ошибок и старается оправдывать себя, может сделаться извергом.

Л.Н.Толстой

Я считал добро обычным делом,
Как писать ответ задачки мелом
На доске, где знание обнажалось,
Даже если верно ошибалось...
Мир, конечно, радужен и зыбок,
Но к нему, родному от улыбок,
Но к нему, чужому от ушибок,
Вышел я – по сути – из ошибок...

* * *

Дороже всего на свете добрые отношения между людьми, а устанавливаются эти отношения не вследствие разговоров – напротив, от разговоров портятся.

Л.Н.Толстой

Мои разговоры – песчаные горы,
Где наши песчинки – угодники ссоры...

* * *

Люди различаются ещё тем, что одни прежде думают, потом говорят и делают, а другие прежде говорят и делают, а потом уже думают.

Л.Н.Толстой

Я говорил некошено... Затем
Переходил к накосам общих тем...
И слушали меня в целинной части,
А в общей части никли от напасти...
И понял я, что слово – предоснова
Любого дела, вплоть до перекова...
Оно берёт начало из начал,
Когда мой предок вспахано молчал...

* * *

*Видел во сне: один стоит на столбе
и люди любуются им и хвалят, дру-
гой, чтобы победить, превзойти его,
пляшет на гвоздях. Третий просто
добрый.*

Л.Н.Толстой

Постою-ка на столбе, а потом
Попляшу-ка на гвоздях, а затем
Подобрею несказанным добром,
Будто вымолю у стражи Эдем...
А к земле прибито небо дождём,
А к столбу прибита ноша гвоздём...

* * *

*Гусеница видит своё засыхание, но не
видит бабочки, которая из неё выле-
тит.*

Л.Н.Толстой

На углу моей семиэтажки,
Что в семи углах от небовспашки,
Не играя с музыкой в пятнашки,
Вылетает песня из ромашки...

* * *

Прежде, чем говорить о благе удовлетворения потребностей, надо решить, какие потребности составляют благо.

Л.Н.Толстой

Благодарю – дарю вам благо,
Пусть даже благо – от оврага,
Что был дающею рекою,
Как благодушною рукою...
И я запомнил благодатье –
Его руки рекопожатые...

* * *

У женщин только два чувства: любовь к мужчине и к детям, и выводные из этих чувств, как любовь к нарядам для мужчин и к деньгам для детей.

Л.Н.Толстой

Два чувства... А мне-то всего
Хватит сполна одного,
Что нашей любовью дано,
Как выводное окно,
Где млечные реки вдали –
Будто притоки Земли...

* * *

*Для того чтобы быть услышанным
людьми, надо говорить с голгофы, за-
печатлеть истину страданием, ещё
лучше – смертью.*

Л.Н.Толстой

Я вселюбник... Отсюда – не воин...
И услышанным быть недостоин –
Даже с холмика пашни-Земли,
Где страдания мои не взошли...

* * *

*Ах, как благодетельна болезнь. Она,
хоть временами, указывает нам, что
мы такое и в чём наше дело жизни.*

Л.Н.Толстой

Я отрезан болезнью от мира...
Оттого и всемирна квартира,
Где цена моего дохворобья –
Как уценка до эхо...
Как уценка до смехо...
Как уценка до грехо –
Подобья.

* * *

Одна из самых обычных и важных ошибок, которые делают люди в своих суждениях, та, что люди считают хорошим то, что любят.

Л.Н.Толстой

Я ценю, как старьёвщик, недёшево
Совпадение Любви и хорошего...

* * *

Кто-то спрашивает меня: судьба ли от человека, или человек от судьбы? – Чем больше живёшь духовной жизнью, тем независимее от судьбы; и наоборот.

Л.Н.Толстой

Хоть слыви провидцем, хоть юнцом живи,
Но судьба зависит от судьбы Любви...

* * *

Какая удивительная тайна пришествие нового человека в мир.

Л.Н.Толстой

Я пришёл в этот мир... И уйду
В мир иной, не накликав беду,
Не причём здесь – поверьте – беда:
Мир иной – это Я НАВСЕГДА...

* * *

*Избавиться совсем от желания славы
людской невозможно. Слава людская,
любовь людей не может не радовать.
Надо только не искать её, не делать
ничего для неё.*

Л.Н.Толстой

Мёд ли, отравы, но слава –
Дама особого нрава...
Легче умерить мустанга,
Чем удостоится танго,
Скажем, под звуки фагота,
С дамой судьбы и полёта...

* * *

Я её не искал и она не искала меня...
Я её называл панибратски-небрежно – славня ...
А ещё говорил, что – славишка и прочая славь,
Словно тайно гранил до поры неуступную явь...

* * *

*Как человек растёт, так и человече-
ство.*

Л.Н.Толстой

Человечество моё – это я
От лощинки до горы бытия...
Но далече до вершины-горы,
Как – признаться – и до лисьей норы...

* * *

Как нужно, нужно отвыкнуть от мысли о награде, похвале, одобрении.

За всё хорошее, что мы можем сделать, нам не может быть никакой оплаты. Плата вперёд получена нами такая, что с самым большим усердием не отработаешь её.

Л.Н.Толстой

Выпьется жизнь – по старинке – из блюдца, –
Капли награды в ограду прольются...

* * *

Верный признак того, что вся моя деятельность пустая, то, что на меня не только нет гонений, но меня восхваляют.

Л.Н.Толстой

Предположим, что гонение
Мы устроили на гения,
Не Толстого, а сюжетного –
Трудостойка планетного...
И хотя оно оскалисто, –
Да укорно пьедесталисто...
Настоящее гонение –
Это милое забвение...

* * *

*На свете нет ничего великого, есть
правильное и неправильное только.
А все одинаково бесконечно велико
или бесконечно мало.*

Л.Н.Толстой

Мне эта речь – как цвет садов опалых,
Поскольку я – из бесконечно малых...

* * *

*В таинственной связи души и тела
заключается разгадка противореча-
щих стремлений.*

Л.Н.Толстой

На лицах – чёрно-белый свет...
В устах любви – и да, и нет...
Слова разны, а суть одна:
Мы двуделёная страна,
Где жесты сердца и руки
Несовпадимы и близки...

* * *

Я ужасно плох. Две крайности – порывы духа и власть плоти.

Л.Н.Толстой

Я об этом писал... Напишу повторюсь:
Между плотью и духом – двумерная связь...
На пригорке утех, под навесом застрех
Это грех и негрех в бесконечности вех...
Я конечно боюсь, я конечно молюсь,
Будто во́ поле сорном за дело берусь...

* * *

...у нравственного человека семейные отношения сложны, у безнравственного всё гладко.

Л.Н.Толстой

Нравственность была моей подругой,
Как лихому всаднику – подругой...
Но когда я ветрено грешил,
Я себя онравственить спешил,
Если же туманился под ношей,
И стонало чудище во мне,
Был – увы – занудою хорошей,
Беспокая залежи на дне...
И моё людское окруженье
Ощущало это погруженье.

* * *

Думал: какое удивительное дело – неуважение детей к родителям и старшим во всех сословиях, повальное! Это важный признак времени;

Л.Н.Толстой

У кромочки у самой,
С наветренным лицом,
Зову я маму мамой,
Зову отца отцом...
Я память пролистаю
И стану детски рад,
Что тихо опадаю
В отцовомамин Сад...

* * *

Блудник есть не ругательство, но состояние... Можно воздерживаться, но... блудник, при первом послаблении внимания – падёт. Я блудник.

Л.Н.Толстой

Блудник – от слова блудить,
Скажем, по старому лесу...
Можно ещё и повесу
Словом таким огрешить...
Лев Николаевич мой,
К нам заблуди на постой...
Дальше по миру иди –
Словно дорогу буди...

* * *

*Только с женщиной можно потерять
целомудрие, только с нею и можно со-
блюсти его.*

Л.Н.Толстой

Целомудрие ходит по миру,
Стороной огибая квартиру,
Где живёт поселенец-прохожий,
На меня вполовинку похожий...
А другая моя половинка
Целомудренна, будто снежинка...

* * *

*Эгоизм и распущенность жизни на-
шей... ужасают. Мне кажется, всё
идёт, усиливаясь. Должен быть скоро
конец.*

Л.Н.Толстой

Времена... Времена... Времена...
Дни меняются – сущность одна,
Будто ниточка веретена
Для простого, как жизнь, полотна,
Где мечта не предвидит конца,
Вышивая дорогу Отца...

* * *

*...мало матерьяльно всё переменить,
увеличить, надо душу людей пере-
делать, сделать их добрыми, нрав-
ственными.*

Л.Н.Толстой

Всю округу по кругу любя,
Я бы рад переделать себя...
Я бы рад переделать войну
На ушедшую в бой тишину...
Я бы рад переделать вину,
Будто к чуду приладить струну...
Я бы рад...Но округа моя –
Крепостница на круги своя...

* * *

*Идти в жизни всегда приходится сре-
ди соблазнов, по соблазнам, как по
болоту, утопая в них и постоянно
выдираясь.*

Л.Н.Толстой

Соблазны от века разные:
Как шабаши – безобразные,
Как танго любви – прекрасные,
В конце – единоопасные...
Дорога моя болотиста
И тем соблазноохотиста...
Но я утешусь тропинкою,
Похожей на утро с дымкою...

* * *

Вспомнил свою изломанность, испорченность. Я испорчен и ранней развращённостью, и роскошью, обжорством и праздностью... Но разве эта испорченность пропала даром. Все мои нравственные требования выросли из этой испорченности.

Л.Н.Толстой

Мои грехи – как «удобренье»:
Во плоть, во душу, во спасенье...

* * *

Мне радостно было сознать свою вину.

Л.Н.Толстой

Был я виноватым –
Чутьочку примятым...
Мне бы повиниться,
Будто распрямиться...
Да мирская шумность
Оглушала юность...
И старели вины –
Как мои седины...

* * *

Наследственность царей доказывает то, что нам не нужны их достоинства...

Безумие наследственности властителей подобно тому, чтобы вручить управление кораблём сыну или внучатому племяннику хорошего капитана.

Л.Н.Толстой

Моя наследственность подобна кораблю,
Где капитаном служит верное Люблю...

* * *

Совесть и есть не что иное, как совпадение своего разума с высшим.

Л.Н.Толстой

Приходит совесть и совестит:
Почто на сердце копьё и щит...
И зажигает в тумане лет,
Как совесть неба, нагорный свет...

* * *

Мы знаем, что без физических усилий мы ничего не достигнем. Почему же думать, что в области духовной можно достигнуть чего-либо без усилия.

Л.Н.Толстой

У души – конечно – есть душа,
Будто шёпот-звон у камыша,
Будто лепет-сон у малыша,
Будто влага донная ковша...
Сколько нужно маяться в тиши,
Чтобы стать душою у души...

* * *

Каждый исторический факт необходимо объяснять человечески и избегать рутинных исторических выражений.

Л.Н.Толстой

История страны жила в отце...
История страны живёт во мне...
Она была ступенькой на крыльце,
Она была морщинкой на лице
Да саженцем пришкольным по весне,
Да голосом протеза в тишине...
А даты и события страны –
Как песни незатейливой струны...
Как память недопамятной войны...
Как шёпот нераскаянной вины...

* * *

Сидим на дворе, обедаем десять кушаний, мороженое, лакеи, серебро, и приходят нищие, и люди добрые продолжают есть мороженое спокойно. Удивительно!!!!

Л.Н.Толстой

Не уместны крыла
Там, где сажа бела...

* * *

*На всех станциях и в народе волнение
– царек едет. Ура кричат.*

Л.Н.Толстой

Я кричал «ура», когда носил
На хребте солдатские погоны,
И они, как маленькие троны,
Были знаком выучки и сил.
Но была генсекова пора,
А к поре – наличие Двора,
Где ковалось общее «Ура» –
Я же был урашным до нутра...
А нутро – великая страна,
Где под снегом – ранняя весна...
А нутро – великая держава,
Где под мёдом – ранняя отрава...

* * *

*Жалкий фабричный народ заморыши.
Научи меня, боже, как служить им. Я не
вижу другого, как нести свет без вся-
ких соображений.*

Л.Н.Толстой

Я выступал перед людьми
В цехах, полях, тюрьме-невольне,
Не став похожим, чёрт возьми,
На светолуч в угрюмой штольне...
Но был похожим иногда
На лучик робкого стыда...

* * *

*Я сомневался, нужно ли помогать по-
литическим заключённым. Мне не хо-
телось, но теперь я понял, что я не
имею права отказывать.*

Л.Н.Толстой

Я жил – казалось – вне политики...
Я сторонился тихоньтики,
Порой шутя под гомон питий,
Мол, это просто пыль событий...
Пока вселенная сжималась,
Пыль умудрённо пластовалась...
И стал я поддано-неподданным,
И стал я продано-непроданным,
И стал я куплено-некупленным,
А если проще – чуть накукленным...

* * *

*Пропать просителей. Обделённые
землёю вдовы, нищие.*

Л.Н.Толстой

Все мы – простые жители
Дома у берега счастья
И оттого – просители
Денежки сердцеучастья...
Если же, если же, если
Здесь ли – к примеру – ни здесь ли,
Громоподобно ли, молча
Всё перемережить по-волчьи,
Легче пойти за мщением
И отомстить прощением...

* * *

*Работать больше, чем потреблять,
не может быть вредно. Это высший
закон.*

Л.Н.Толстой

Я на работу шёл, как на аврал...
Я до полочки деньги занимал...
И у пивного – к празднику – ларька
Моя рука, натрудна и легка,
Была – представьте – долгая река,
А кружевная пена – облака...
Где юность и поэзия-строка
Шли к Проходной судьбы издалика...
Но уходил аврал за перевал
И капли пота миру оставлял...

* * *

*Сходил к Федоту. Страшная нищета.
Как мы выработали в себе приёмы
жестокости. Ведь, собственно, надо
было остаться там и не уйти, пока
не сравнял его с собою.*

Л.Н.Толстой

Я не богатый и не бедный,
Так, серединка бытия.
Не позолоченный, а медный
Мой век домашнего литья.
Я не равнял себя укорно
С голимо-дворной нищетой,
А был собою, непритворно
Бросая в кепку Золотой...
Ещё – увы – подобьем горна:
Трубы, ушедшей на покой...

* * *

*Как у нас впереди идеалы высокие, а
жизнь подлая, и у народа жизнь высо-
кая, а идеалы подлые.*

Л.Н.Толстой

Я не видел си́лищи в народе,
Как не видел поля в огороде,
И людей, шагающих в толпе,
Принимал за ровню по судьбе...

Но запомнил выдох стадиона
На краю футбольного прогона,
Где народ, величие храня,
Выносил на улицы меня...

* * *

*Теперь только малая часть, часть
людей, имеющая власть, пользуется
благами цивилизации, а большая ли-
шена этих благ.*

...для роскоши нет пределов.

Л.Н.Толстой

Роскошь богатства – плакатство...
Роскошь богатства – пиратство...
Я бы пометил – небратство...
Я бы сказал – душеядство...
Роскошь мелеет, как море,
Роскошь беднеет не споря,
Роскошь милеет, но... вскоре
После всеобщего горя...
Сменит румяны на бледность
Кара – всеобщая бедность...

* * *

*...заткнуть дыру мирских желаний.
Только это одно даст равномерное
тепло.*

Л.Н.Толстой

Дышат бедой неизменной
Чёрные дыры вселенной...
Жизнь по земле расселя,
Мается наша Земля,
Где на примете у дланий
Чёрные дыры желаний...

* * *

*...ругал царя за то, что возобновилась
смертная казнь.*

Л.Н.Толстой

«Смерть за смерть» – рождает смерть
Или грехоколоверь...
Эта истина стара,
Будто солнышко с утра,
Будто наши вечера –
Незакатная пора...
Да в окошке детвора
На порожке,
На подножке
Уходящего двора...

* * *

*Писал сначала о непротивлении злу.
Кажется, что теперь форма найдена.*

Л.Н.Толстой

Знаменитая в народе
Левая щека
Для меня была... ну, вроде
Блажи старика...
Знаменитое ученье
Стало на миру,
Как твоё непротивленьё
Божьему добру...

* * *

*...гимназист 18 лет, Громан, идёт
в лаптях изучать народ, чтоб слу-
жить ему.*

Л.Н.Толстой

Я в народ не ходил, я с друзьями дружил,
Словно баржу тянул без уныния жил...
А мои невраги, а мои недрузья
Были вовсе не чернь и совсем не князья...
А «парадный подъезд», а худая изба
Были где-то и здесь, как моя несудьба...

* * *

Неужели люди, теперь живущие на шее других, не поймут сами, что этого не должно, и не слезут добровольно, а дождутся того, что их скинут и раздавят.

Л.Н.Толстой

Я не жил на шее у кого-то,
Ибо жизнь нашейная – болото,
А носил завещанное дарство –
Вековой ошейник государства...

* * *

Мучительно тяжёлое впечатление произвёл поезд администрации и войск, ехавших для усмирения (речь идёт об усмирении крестьян, «противодействовавших рубке их леса помещиком...») – комментарий к Дневнику).

Л.Н.Толстой

Усмирение бунта войском –
Быть в злочестии негеройском...
Потому и зову спасенье,
Как восставшее примиренье...

* * *

Насилием бороться с насилием, значит, ставить новое насилие на место старого.

Л.Н.Толстой

К чему революции, милый?..
Ну сгинет диктатор постылый
И тут же появится новый,
Оковы сменив на оковы,
Но только с дурманом половы
Да сшитой из пепла обновы...

* * *

Хотят удержать и спасти тонущее самодержавие и посылают на выручку ему православие, но самодержавие утопит православие и само потонет ещё скорее.

Л.Н.Толстой

Я родился в стране атеизма,
Нетерпизма и прочего «изма»..
И распалась держава на слитки,
Будто жизнь на грехи-пережитки,
Что остались от греходержавы,
Как осколки великой забавы..
Я в распад не подался, – остался,
Сдунул горечь и в школу собрался –
Научиться стоянью за хлебом
Под угрюмым – как очередь – небом...
Навучиться хождению по краю,
Приютив голубиную стаю...

* * *

В Москве тяжело от множества людей.

Л.Н.Толстой

В метро

Бежит мой раб-эвакуатор –
Неугомонный эскалатор –
То вверх, то вниз... И лица...лица... –
Подземновышняя столица...

* * *

*Сдача Порт-Артура огорчила меня,
мне больно. Это патриотизм. Я воспитан
в нём и несвободен от него так же,
как несвободен от эгоизма личного,
от эгоизма семейного, даже аристократического,
и от патриотизма.*

Л.Н.Толстой

Как знамя отличается от флага,
Так поступь отличается от шага...
И это незаметное отличие –
По сути – незаметное величие,
Которое зову патриотизмом,
Ещё – простите – общеэгоизмом...

* * *

Нельзя выдумать для жестоких поступков более выгодных условий, как то сцепление чиновников, которое существует в государстве.

Л.Н.Толстой

Если в рифму, то чиновник –
Государственный оковник...

* * *

Если русский народ – нецивилизованные варвары, то у нас есть будущность. Западные же народы – цивилизованные варвары, и им уже нечего ждать.

Л.Н.Толстой

Ах моё золотое «вчера» –
Неподменное дело с утра...
Но сменили «вчера» вечера,
Как зарю – головешни костра...
Если честно, хотел – о стране,
А случилось – увы – обо мне...
Я конечно же варвар, но тот,
Что служил у неотчих ворот,
Охраняя на стыке широт
Междуземлю и междуоплот...

* * *

Чувствую большую тяжесть от глупой благотворительности внешней в соединении с безумной роскошью жизни своей.

Л.Н.Толстой

Хожу по рынку бытия,
Где, совмещая «быть» и «я»,
Благотворительность куплю
За благочинное «Люблю»...
Хотя в сторонке от меня
Мир неуступен, как броня, –
С безумной роскошью идей,
С безумной роскошью людей...

* * *

...И как будто готов на дело божие, но не делаю ещё его. Помогите, отец.

Л.Н.Толстой

Моё весеннелетье было кратким,
Как на плоту беспечные палатки...
Моё предназначенье было шатким,
Как налегке испытанные жатки...
Но истинное, Божеское дело
Уже не по-мальчишески глядело...

* * *

Христос не приказал, а открыл нравственный закон, который навсегда останется мерилом хорошего и дурного.

Л.Н.Толстой

Христос пришёл ко мне не из библейства,
Не из манящих далей чародейства,
А от поклонно-Божьих праотцов,
Вполне возможно – предков-чернецов...
И оттого был дед мой звонарём,
И оттого поныне я при нём,
И оттого душа – родня веков –
Идёт на зов моих колоколов...
Где истинная Вера – как мерило,
Похожее на горное светило...

* * *

Никто не может помочь мне, кроме бога. Прошу Его.

Л.Н.Толстой

Мне Господь помогал незримо
Тем, что жил я легкоранимо...
А когда иногда в никуда
Уходила моя борозда,
А когда иногда в никогда
Уплывали мои невода,
Я у Бога не чуда просил –
Просто лемех и парус чинил...
Но, по-детски внимая тревожью,
Видел на́ небе дланницу Божью...

* * *

Отче! помоги мне творить волю твою.

Л.Н.Толстой

Помоги мне, Боже,
Помогать пригоже,
Если надо – горю,
Я его озóрю...
Если надо – счастью,
Моему участию,
Будто я не грешник
От любви и жали,
Будто я не спешник,
Уходящий в дали...

* * *

Мне пришла в голову мысль об издании «Нагорной проповеди».

Л.Н.Толстой

Может быть, посреди цветения
Эта мысль – как порог спасения...
Было два наброска введения –
Два предвестника Откровения...
Но в мечтах осталось издание –
Неоконченное страдание...
А Нагорную Оду исстари
Я бы сделал фасадом Истины...

* * *

Я говорю: где мы в боге, то есть в истине, там все вместе, где в дьяволе, то есть лжи, там все врозь.

Л.Н.Толстой

Я – подобие Божье... И всё, что от Бога,
Я впитал с тишиной у земного порога...
Захожу я в Приход, оттого – прихожанин,
С миром крестно молюсь, оттого и мирянин...
Я уйду – как взойду на ступеньку прощанья...
Миром ждите меня у Престола свиданья...

* * *

Смерть не есть зло, ибо это есть несомненный закон бога.

Л.Н.Толстой

У Бога все живые –
Ко мне пришло впервые
За несколько шагов
До тронных облаков...
И смерть – поход за тайной –
Не кажется случайной...
И мой последний шаг –
Как выход на Большак...

* * *

*...одно реальное, несомненное, закон,
по которому всё совершается, и ма-
лое и большое – воля божия.*

Л.Н.Толстой

Я подчас бунтарь... Но воля Божья
Для меня – врождённое подкожье...

* * *

*Я должен сказать то, что знаю, то,
что жжёт моё сердце. А то я стар и
нынче и завтра умру, не сказав того,
что вложено в меня богом. Я знаю,
что богом вложено.*

Л.Н.Толстой

Я у порога старости,
Как пред очами старосты
Великого посёлка
По имени Светёлка,
Где ночи нет, а есть
Озóренная Весть...
И Слово там ожогово,
Посколку Слово – Богово...
Там доля прожитая,
Заметины листая,
Подбросит на крыльцо
Угодное словцо...

* * *

*Свобода сравнительна: в отношении
матери человек свободен, в отно-
шении бога – нет.*

Л.Н.Толстой

Как о желанной погоде,
Я не мечтал о свободе,
Ибо в раскидистой нови,
Будто свободу, хранил
Нежные цепи любви,
Тесные ходы перил...
Понял: дорога убога,
Если душа – не от Бога,
Если она без огня
Веры, пленившей меня...

* * *

*В первый раз после долгого времени
искренне опять благодарил бога за
то, что живу.*

Л.Н.Толстой

Я за жизнь благодарю
И отца, и маму...
Я вечернюю зарю
Не окрашу в драму...
Но вечерняя заря –
Высоко и мудро –
Божьей милостью не зря
Переходит в утро...

* * *

Как радостно, когда отбросишь заботу о славе людской, как сразу попадёшь в руки богу, и как легко и твёрдо.

Л.Н.Толстой

Слава земная поместной бывает...
Ты меня ведаешь, Бог меня знает,
Ты меня... Впрочем, как вещь муку,
Бог нам пошлёт на дорогу разлуку,
Ту, за которой манит издалеча
Первонебесная робкая встреча...

* * *

Не переставая молюсь, осуждаю себя и молюсь.

Л.Н.Толстой

Посвящается отцу Николаю

Молитва – дыхание веры...
Когда же знаменье греха
Меня искушает без меры,
Я слышу напев петуха...
Ломаются ветви грозою...
Темнеет вода из ковша...
И борется тело с душою,
Как борется с телом душа...
Приди же в земное житьё
Второе дыханье моё...

* * *

Молюсь много раз в день. И хорошо.

Л.Н.Толстой

Я помолюсь тебе, Молитва,
Ты для меня отныне – битва
С тем, что навеки не люблю
И всё ж убийственно терплю.
И эта вечная борьба,
Прости мя, Господи, – судьба...

* * *

...полезно заниматься особым родом молитвы. В мыслях перебирать людей нелюбимых, вникая в их душу и думая о них с любовью. У меня длинный список такого поминания.

Л.Н.Толстой

Подступило – узнать у людей,
Не поможет – спрошу у веков:
Сколько было на свете друзей,
Сколько было на свете врагов.
А узнаю – до жути влюблюсь,
Невзначай на царевне женюсь,
А коль стану царём, повелю
Говорить – ненавидя – «люблю»...

* * *

*Сейчас молюсь. И молитва, как всегда,
помогает.*

Л.Н.Толстой

Тишиной осеняя крыла,
Ты ему, как всегда, помогла...
Веком позже, в другой тишине,
Помоги же, Молитва, и мне...

* * *

*Сейчас молился и ужаснулся на то, как
низко я упал.*

Л.Н.Толстой

С высоты молитвы упаду,
Как покину в поле борозду...

* * *

*Запел соловей под окном, до слёз ра-
достно. Сейчас только вспомнил, что
я нынче, гуляя перед чаем, забыл мо-
литься.*

Л.Н.Толстой

Я вечный муравей...
Я вечный соловей...
А взять срединно, – я
Как песня муравья,
Где худшая из битв –
От немощи молитв...

* * *

*...до такой степени засорил душу сла-
вой людской, что не могу добраться
до бога.*

Л.Н.Толстой

Сколько о славе речено,
Сколько на славу гружено,
Будто дорог иссечено,
Будто дорог утюжено...
Только мечта дорогова,
Как ни рядись, а Богова...

* * *

*Ошибка о возможности христиан-
ской добродетели без воздержания
происходит от представления о воз-
можности любви без самоотречения.*

Л.Н.Толстой

Моя добродетель – тропинка:
То оспина-грех, то горбинка...
А если тропинка – дорога,
То оспин и выступок много...
Когда же с любовью встречался,
Я заново саморождался...
И было вселюдным свеченье –
Моё – от всея – отречение...

* * *

*...может ли человек пожертвовать
жизнью скорее, чем сделать посту-
пок, не вредящий никому, но против-
ный Богу.*

Л.Н.Толстой

Я с ношей такой не петляю в лесу,
Я сердце туманное к Богу несу...

* * *

*...счастье вырваться из рук дьявола и
почувствовать себя в объятиях бога.*

Л.Н.Толстой

Пусть руки дьявола порою цепки,
Они всего лишь – цепкие прищепки...

* * *

Отче, помоги мне всегда любить.

Л.Н.Толстой

Я живу на облаке влюблённости,
Как в обычной комнате подённости,
И моя заоблачная будничность –
Слава Богу – истовая рудничность,
Где себя из копий добываю
И взлетаю к будничному раю...

* * *

*Всё помню, что живу перед богом, но
очень слаба жизнь. Чуть сочится.
Только бы сочилась чистая.*

Л.Н.Толстой

Даже если немного
Жизнь – как Божья дорога,
Это всё же предтеча –
Предзаглавная встреча...
Лишь бы сгнули в были
Комья сбившейся пыли...

* * *

*Главное же хорошо то, что весь день,
входя в сношения с людьми, помнил,
что это не они и не я, а бог.*

Л.Н.Толстой

Бог привёл меня к судьбе...
Бог привёл меня к тебе...
Было душеозаренье...
Было душеутоленье...
Да на песенной мольбе
Оттиск душеприложения...
Если в небо поглядеть,
Будто гору одолеть:
Месяц – ручка золотая
На двери Господня рая...

* * *

У меня были времена, когда я чувствовал, что становился проводником воли божьей.

Л.Н.Толстой

Я искал строку в легко-расхожем
Хламе...
А нашёл её в певуче-Божьем
Храме...

* * *

Мы вершили поступки, может быть,
в слепоте непригожьи,
И не знали-гадали,
что они предначертано Божьи...
Мы с тобой разобщались,
но друг в друга легко умещались,
А, по сути, у Бога, –
как навеки любить, совещались...

* * *

*Нравственно лучше – больше помню
бога в себе и смерть.*

Л.Н.Толстой

Я помнил о смерти земной,
И мерял её глубиной,
Как будто в колодец глядел,
Себе намечая предел...
Но Бог обозначил её:
У смерти своё бытие...

* * *

С вчерашнего дня состояние душевное очень тяжёлое. Не даюсь, не высказываюсь никому, кроме бога. Я думаю, что это очень важно.

Л.Н.Толстой

Я себя не выплёскивал... Даже
Перед мамою и отцом,
Доверяя некупленной страже
Всё, что маялось под замком...
Но когда я земно молчал, –
Перед Богом Замки срывал...

* * *

Были тяжёлые настроения, но религиозное чувство побеждало.

Л.Н.Толстой

Мысли мешают думать,
Если заходишь в Храм –
Сбросить угрюмый камень,
Будто житейский хлам..
Чувства подскажут путь –
Камень-пушинку сдуть...

* * *

Человек ходит, бог водит.

Л.Н.Толстой

Пусть не шумит моя дорога,
Как после плуга пажить лога,
Зато с порога – не полога,
Зато – от Бога, Бога, Бога...

* * *

*Состояние сознания раба божия не-
много не ослабело, а потеряло новиз-
ну, но укоренилось, и, слава богу, живу
им.*

Л.Н.Толстой

Слава Богу, что «Слава Богу»
Для меня – как сума в дорогу...
Слава Богу, что Божье рабство –
Человеческое богатство...

* * *

*Я был в упадке духа, главное, оттого,
что как будто забыл своё дело жизни:
спасти, блюсти душу.*

Л.Н.Толстой

Душу спасти –
Как Завет нести...
Да уста блюсти...
Да ягнят пасти...

* * *

Господи, помоги мне, сожги моего древнего, плотского человека. Да, одно утешенье, одно спасенье: жить в вечности, а не во времени.

Л.Н.Толстой

Где моя вечность, где моё время?..
Ну, зарифмую я время и стремя,
Ну, зарифмую я вечность и млечность,
Может быть, к месту найду утешенье,
Может быть, к месту припомню
заплечность,
Может быть, к месту припомню спасенье
И потихоньку уйду в бесконечность...

* * *

Истинное христианство не сердится на не христианские поступки людей, а старается только самому не поступать не христиански – не сердиться.

Л.Н.Толстой

Я не умел – не мог сердиться...
А сердце длится, длится, длится...
И это сердцеуменьё –
Дорожно-лёгкое биенье...
И оттого перед людьми я
Тебя не слышу, аритмия...

* * *

Как я далёк ещё от того, чтобы радоваться, как сказано в Евангелии, когда бранят вас.

Л.Н.Толстой

Меня – провинциального поэта –
Одѣтила центральная газета...
И я стоял на трассе у кювета,
Как будто ждал попутчика ... Но где-то,
Вне юности моей сияла радость,
Старинная, как пушкинская «младость»,
И заливал я горечь родниково
Тем, что искал прощеньское слово...

* * *

Нет, трудно нам, порченным гордецам, прощать обиду, забывать её, любить врагов, даже таких, как милый 3-хлетний сын Ванечка.

Л.Н.Толстой

Прощение – тихий талант...
А все остальные таланты,
Пусть каждый – увы – не Атлант,
По сути – ночные куранты...
Прощение – если невмочь –
Спасению – верная дочь...

* * *

Во что же я верю? спросил я. И искренне ответил, что верю в то, что надо быть добрым: смиряться, прощать, любить. В это верю всем существом.

Л.Н.Толстой

Всем существом или нажитой сутью
Я пересолен земной перекрутью,
Если иначе, – совсем не мудрёно:
Сладко на сердце да море солёно...

* * *

Всем существом не любя перекрута
Небо похоже на свод парашюта...
Веру с любовью – наземные тропы –
Я берегу и лелею, как стропы...

* * *

...ласточки, прилетающие слишком рано, замерзают. Но им всё-таки надо прилетать.

Л.Н.Толстой

Ласточки озябли над окном,
Где тепло не держится гнездом...
Я в сердцах на облако дохну,
Отогрев поспешную весну,
Что дрожит на кончике зимы,
Как над крышей лёгкие дымы...

* * *

Вся разница между человеком и животным та, что человек знает, что он умрёт, а животное не знает. Разница огромная.

Л.Н.Толстой

Кот не знает, что живёт,
Как тропинка в огород...
Кот не знает, что умрёт,
Как тропинка у ворот...

«ТАЙНЫЙ» ДНЕВНИК 1908 ГОДА

* * *

*Помоги мне, господи. Опять хочется уйти. И не решаюсь. Но и не отказываюсь. Главное: для себя ли я сделаю, если уйду. То, что я не для себя делаю, оставаясь, это я знаю.
Надо думать с богом. Так и буду.*

Л.Н.Толстой

Я не пробовал думать с Богом...
Но подумал в поклоне строгом:
Если жизнь моя не убога,
Дай мне, Господи, Слова-Бога...

1909

* * *

Теперь же после моей смерти я прошу моих наследников отдать землю крестьянам и отдать мои сочинения, не только те, которые отданы мною, но и все, все в общее пользование.

Л.Н.Толстой

Землю – Земле... А наследно и мне
Книги продали по сходной цене...
Ах золотые торговчины –
Нет у бессмертия сходной цены...
Ах завещание – мудрый наив,
Как на пожарище – золото нив...

* * *

Важность, значительность последствий наших поступков нам не дано знать. Доброе слово, сказанное пьяному нищему, может произвести более важные и добрые последствия, чем самое прекрасное сочинение, верно излагающее законы жизни.

Л.Н.Толстой

Капля из колодца
Солнцем отзовётся...

* * *

Наша особенная, исключительная любовь к ближнему только затем и нужна, чтобы показать, как надо бы любить всех. В проститутках видеть дочерей, и так же, как за любимую дочь, страдать за них.

Л.Н.Толстой

Я чей-то ближний...Я даже знаю,
Что ближнелюбе – дорога к раю...
И вот ступаю, как на хрусталь я,
На путь суровый до ближнедалья...

* * *

Радовать нас не могут и не должны наши хорошие поступки. Радость, благо не в поступках, а в том спокойствии, в той свободе, которую они дают.

Л.Н.Толстой

Ну, скажем, купил я билет на пароме
Тому, кто безденежно помнил о доме,
И адрес не дал упоительно строго...
А чувство – как будто весна у порога...

* * *

Когда человек один, ему легко быть хорошим. Только сойдись с другими – и он становится дурен. И чем больше людей сходится вместе, тем труднее им удержаться от дурного.

Л.Н.Толстой

Мы

То поля беды, то монументы...
Жить иначе, видно, не с руки:
Каждый – хоть подайся в президенты,
Вместе, извините, «чудаки»...

* * *

Как ни странно это кажется, самые твёрдые, непоколебимые убеждения, это самые поверхностные. Глубокие убеждения всегда подвижны.

Л.Н.Толстой

Я не ходил по тропам скал,
И, смутно веря убежденью,
Порой кого-то убеждал,
Что жить зазорно «по теченью»...
Но якорям служил угодно,
Как будто жил глубоководно...

* * *

Думал о том, как я стрелял птиц, зверей, добивал пером в головы птиц и ножом в сердце зайцев без малейшей жалости, делал то, о чем теперь без ужаса не могу подумать.

Л.Н.Толстой

Наоборот

Накачавшись водкой до икоты,
У заветной линии огня
Открывает зверь сезон охоты
На четвероногого меня...

* * *

Мучительно положение живущего в достатке среди нищеты. Все просят, и все жалки, и сам гадок... Слава богу, я сам себе гадок и ничтожен до последней степени.

Л.Н.Толстой

Из памяти

Я был себе до ужаса не гадок,
Когда ругал на кухне строй-порядок...

1910

* * *

*Нет беспомощной тоски, есть только
неперестающий стыд перед народом.
Неужели так и кончу жизнь в
этом постыдном состоянии?*

Л.Н.Толстой

Ко мне приходят стыдные слова,
Ко мне приходят стыдные желанья...
Они во мне – как тихая молва,
Что прячет лик от стыдоузнаванья...
Но эта береговая скрытность –
Как тайный ход в постыдную нестыдность...

* * *

*Движение вперёд медленно, по ступеням поколений.
Для того, чтобы двинуться на один шаг,
нужно, чтобы вымерло целое поколение.*

Л.Н.Толстой

Пришло ко мне из видений,
Что там, занебесно вдали –
Собрание поколений –
Собрание сочинений
Моей многотомной Земли...
Неужто ль уйду навеки
Из этой библиотеки?..

* * *

*Читал чудного Паскаля... Не мог не
умиляться до слёз, читая его и со-
знавая своё полное единение с этим,
умершим сотни лет тому назад, че-
ловеком. Каких ещё чудес, когда жи-
вёшь этим чудом?*

Л.Н.Толстой

Не читал Паскаля, но к закату
Раздобыл великую цитату...
И теперь бесценную добычу,
Как подарок неба, остраничу:

*Если Бога нет, а я в Него верю, я ничего
не теряю. Но если Бог есть, а я в Него
не верю, я теряю всё...*

Блез Паскаль

* * *

*Дома так же мучительно тяжело.
Держись, Лев Николаевич. Стараюсь.*

Л.Н.Толстой

Мне довелось о штормах не жалеть,
Из ранних вод тянуть пустую сеть
И выносить из моря слов – «Держись!»,
И жизнь ругать за пролитую жизнь...

* * *

31 октября. (Астапово.)...

...остановились в Астапове. Любезный начальник станции дал прекрасные две комнаты.

Л.Н.Толстой

Станция, как рельсовая милость,
На пути мятежном появилась...
А потом в две комнаты вместилась,
Обретя надёжную двукрылость,
Где себя пустила на постой,
Но уже с названием Толстой.

Примечание: официальное название станции – Лев Толстой.

«ДНЕВНИК ДЛЯ ОДНОГО СЕБЯ»

* * *

*(11 сентября.)... Очень становлюсь
близок к тому, чтобы убежать.*

Л.Н.Толстой

Будет побег на рассвете... а дальше –
Божья дорога – как речи без фальши...
Есть у побега двойное значение:
Бегство от мира и первоцветенье...

Литература: Л.Н.Толстой.Собрание сочинений в двадцати двух томах.Тома 21-22. Дневники. 1847-1910. Москва, «Художественная литература», 1985

В музее Л.Н.Толстого

Фёкле Толстой

Сижу – пилигрим Ростова –
С праправнучкой Льва Толстого
На общей тахте музейной,
Как будто в тени аллеиной...
«Дневник – говорю – Толстого –
Вселенски честное Слово,
И нужно его биенье
Отдать Земле в поученье...»
Праправнучка – мне: «Согласна...»,
А двое – уже не частно...
И стало от песни-зова
Размашисто-дневниково...

Что касается Дневника, – дату
его рождения, 17 марта 1847 года, –
буду отмечать ежемартно как
День рождения вселенской искрен-
ности или Учебника Правды...

Из книги лет

Кущёвка

Владимиру Ханбекову

Здравствуй, понадречная станица!
Ты для сердца – песня и криница,
А ещё – заветные края,
А ещё – заглавная страница
Подорожной книги бытия...

Еду

Еду в невозвратное начало.
В электричке сердце укачало.
Еду к маме, в гости, на обед,
На огни клылечного причала...
И хотя уеду я чуть свет, –
От себя дорог обратных нет...

2003

Нельзя

Май – такой-разэтакий, и в окне зарит.
«Умирать не хочется», – мама говорит...

«Умирили, милая, смерды и князья,
Вороги несметные, молодцы-друзья,
Чудища болотные, солнышку грозя,
Царства-императорства... А тебе – нельзя...»

2005

30В

*На события в станции
Кущёвской – земле, где в
разные годы похоронены
родители автора*

Ах, человечество моё,
Ты выйдешь здесь, на остановке –
Российской станции – Кущёвке,
Не от любви, не по курсовке, –
Глазеть на чёрное жнивье.
И не с фасадной стороны
Стучится к ней моя держава,
А по земле такая слава,
А с телегор такая лава,
Что не укрыться от вины.
Но даже ночью не во мгле,
Но даже ночью неостыло –
Отец и мама – две могилы,
Как мне завещано, двукрыло
В родной покоятся земле.
Ах, человечество моё,
Ты здесь случайно, я – из детства,
И не в тебя – в моё наследство,
В моё седое многолетство
Летит преступное комье.
Легко измазаться грехом, –
Куда страшней – уйти от Бога
И, смертью выстелив дорогу,
Дорогу выкровить с порога,
Как будто дьявол за окном.
Пусть берег правды – из шипов,
Но верил я в печать закона,

Когда кричал у микрофона
Глава «подсудного» района:
«Вы помогите нам... Вы по...»
И мне хотелось, жизнь любя,
Любя с лихвой в года лихие,
Спасти Россию от стихии,
Спасти Россию от России,
А если нужно – от себя.
Ах, человечество моё,
Я позову тебя не в гости...
Там, за станицей, на погосте
Не забивают душу остья
И не гуляет вороньё.
Где по-соседски помянём
Ушедших в траурные дали...
Мы не спасли их – опоздали,
Как будто сердце потеряли
И всей Россией не найдём.

2011

Вода из ковша 2015 – 2019

Разброд

Апрельским утром, весь парадный,
Я в океан весны нырну...

Мой друг, ершисто-угловатый,
В себе замкнётся, будто круг...

Увижу смех любви курносой,
Услышу «нет» её руки...

Ах этот самый ясный бред
Моих семнадцати тропинок,
Летающих, как на поединок,
Среди пустынек и замет
К дороге, верящей цветам...

А там...А там...А там...А там...

О погоде

Я приехал из вьюг за хорошей погодой,
Словно возчик на круг за хорошей подводой.
На подводе зима обернулась весной,
Как худая сума золотую казною...
Следом – я, молодой, в продувной кацавейке:
Ни горы за душой, ни подножной копейки...
Дай-то, Боже, в нови́, как надёжной породы,
Три подводы любви ради ясной погоды...

Грех сердечный

Зря, душа, не многословь, –
Хватит прятиться:
Сердце катится в любовь,
Разум пятится.
Словно брошена сума
У высокого холма,
Где беспечная капель
На студёную метель
Нежно пялится....

Сдувал

Клочок тумана затерялся
В причёске утренней зари,
Но гребень ветра улыбался
На это лёгкое «драпри»,
Затем под вешнюю сурдинку
Сдувал с любви моей пылинку...

Не зови

Я проснулся, а явь не приходит...
Дым летящий несводное сводит,
А ещё неделимое делит,
Будто чудо нечудное стелет...
Слышишь, утро моё, не зови
Равнодушную песню любви...

У кромки

Проникновение друг в друга –
Наука сердца, а не тела,
Как будто степь – надежда плуга –
Ожатвить небо захотела.
Проникновение заката
В окно летящего рассвета,
Увы, подобие захвата
Моей весны у кромки лета.
Но жизнь любви на общем круге
Не размыкается друг в друге...
Но жизнь любви – прости, округа, –
Полёт космический друг в друга...

Чайка

Чайка по берегу ходит...
Чайка не хочет летать,
Словно в речном поднебесье
Люди раскинули сеть...
Перебирая шажками
Чётки столетий – песок,
Чайка себя не изводит
Криком гортанных небес...

Я же – песчинка времён –
Застил тебе небосклон...

Пляжная шутка

Земля в одеянье лоскутном,
Кружит себе тысячи лет...
А ты в минитканье беспутном,
Воздушном, как дымчатый плед,
К воде удивлённой бежишь
И головы чадно кружишь...
И кружится, день опаля,
Песочно-мужская Земля...

Издаечно

Вдоль трассы аллея
Фонарных столбов...
Они до рассвета
Струят молоко...
Вдоль трассы аллея
Черешенных снов...
Они издаечно
Плывут высоко...

Когда-то – тропинка...
Когда-то – звала
Туда, где нетрассово
Птица жила...
Когда-то – черешни,
Когда-то – мои,
Где ходит на цыпочках
Тайна Любви...
Я тайны не предал,
Я с нею умру,
Как белый черешник
На белом ветру...

Останови

Как неохотная охота, –
Скучать – забавная работа:
Скучаешь «по...», скучаешь «о...»
Но станет зябко-не смешно,
Когда скучища – как зимища,
Когда скучина – как пучина,
Когда скучинка-невидимка –
Всезастилающая дымка...

Душа моя, останови
Зиянье скучное любви...

По сходням

Берегу себя не для себя...
Берегу тебя не для тебя...
Слабовата рифмочка-рифма́
Да покаты скосы у холма,
Да тесна прошитая тесьма.
Я схожу по сходням, как – с ума,
Я схожу по сходням, как – с души:
Под ногою – вежи-малыши...
У реки сыпучи берега,
Оттого и песня дорога...
Берегу для Пристани себя,
Берегу для Пристани тебя...

Пусть

Страничка лет, не философь,
Не мучайся итожем,
Пора дочитывать Любовь,
Ещё – радеть о Божьем...
А если в зимнем далеке
Меня Любовь долюбит,
Пусть ей живётся налегке...
Пусть вьюга ночь пригубит...

Но выйдет к яру седина,
Как лебединая весна...

Сон

Земля на хвосте скоростей
Летит, ожидая гостей...
Да гость не приходит извне,
Как белый огонь по весне,
Где ты, прислонясь к тишине,
Хозяйкою станешь во мне,
А может – хозяйкой ночной
За каменной бытостеной...

Я утром сбегу от потерь
И нежностью вышибу дверь

Монолог

Говорила, говорила –
Как в сердцах посуду била...
Я же, выйдя на причал,
Звёзды счастья подбирал...

Ода комнате

Я открою Любовею,
Я открою Любосею
Без торжественных речей
Небо комнаты моей –
С тишиною лунных строк,
Позабывших слово «прок»,
С маятой черновиков –
Зарифмованных оков,
Что прибавили огней
В небе комнаты моей –
Для приюта Любовея...
Для приюта Любосея...

Диалог-мечта

Дремучая нежность аллея,
Колючая нежность полей –
Дремучая нежность моя,
Колючая нежность твоя...

Ты в шутку шепни – «Одремучь...»
Я в рифму шепну – «Околючь...»

Переход

Погода станет непогодой,
Как тихий отрок – сорванцом...
А поутру явилась одой
Любовь с обветренным лицом.
Но от затишья до ненастья
Был переход неуловим,
Как миг небесного участия
В судьбе, начертанной Двоим...

Быт

Всё жилое-былое во мне,
Всё жилое-былое в тебе –
И в летяще-настенном окне,
И в летящее-наземной судьбе –
Остаётся на веточках снов,
Как птенцы озарённых садов...

Просит

Лестница – забытая гармошка...
Я иду летяще по мехам...
И сойду, и стану у окошка,
Где разлука вторит небесам,
Где любовь, как детская ладошка,
Просит хода лёгкого часам...

Уже́

Опять болит. Опять весна –
Как воспалённая десна...
И ты уже не медсестра
У песни нашего костра,
А главный врач моих седин,
Подобных злату середин,
Подобных стогу именин,
Подобных кущам серебрян...

О земном

То ли явь, то ли сон, то ли дым...
Хорошо бы остаться живым,
Умирая от первой любви,
А потом – хоть живи-не живи...

Ночью ранние ветки шумят,
Будто крылья твоих лебедят...
Ночью поздние ветки болят,
Словно души моих воронят...

Ах любовь, поостынь, и убавь
То ли дым, то ли сон, то ли явь...
Хорошо бы остаться земным,
Как подснежное чудо озим...

Сказка

Мои пушинки – мои стишинки
Присядут робко на парапет,
Откуда память увидит кринки
За частоколом весенних лет...
К чему всё это: начало цвета
И берег лета под ивняком...
Да просто мальчик – дитя рассвета –
Приходит к речке за молоком...

Мысли к празднику

Сегодня 8 марта. Увидел море цветов.
И тут же подумал: почему «море», а
не «поле»? Цветы же растут в поле.
Но «море» всё-таки лучше. Это и есть
тайна поэзии.

Найду

Потерял стихи ночные –
Две нечаянных строки,
Будто зёрна высевные
У разбуженной реки...
Я дорогу освещу –
Может, строчки отыщу...
Или к вечеру найду
Двуединую звезду...

1 мая

День весны и труда привечаю осенней ленью – пишу никчемные стихи-верлибры. Конечно их можно спасти – заменить ритморифмовкой типа: весна в оправе осени приходит та-та-та...Та-та-та нужно заполнить словом. Да лень...И вообще: писательство – как ремесло – отделено от государства. Но всё же ради праздника, в отместку лени, так, для себя, порифмую:

Весна в оправе осени
Приходит на заре,
Как будто мало проседи
В моём календаре...
Или:
Май в оправе осени
Заглянёт ко мне,
Будто мало проседи
На моей стерне...

Остальное отложу на «как-нибудь». Оно у меня вечное. Тоже – вне государства...

Хранит

Надсадно воеет снеговетер,
Что поутру уснёт в кювете,
Как будто ветка на рассвете,
Когда окажется в букете...
Не оттого ль хранит любовь
Рифмообязанная кровь?..

Хандра

Замечается каждая щепка,
Если речка у вас под окном...
Замечается каждая кепка,
Если ходит она босиком...
Будет щепка увенчана кепкой,
Будет кепка прилажена скрепкой,
И получатся щепкостихи
Из пустой, как хандра, чепухи...

Строка

Триптих

Где берег мой – не знаю...
Но в гавани реки
Я парус начиняю
Дыханием строки...

Я тело грешное моё,
Я душу грешную мою
Соединяю в бытиё
И на построчье отдаю...

Моя строка – и плоть и дух...
Она, как утренний Пастух,
Соединяет острова –
Разноимённые слова...
Ещё – приходит из Окна
Да из колодцава Темна....

Забьётся

Ни поражений, ни побед...
Мир однокомнатен и сужен,
Слова на завтрак и обед
Да легкострочие на ужин...
Но утро, будто решето,
Отсеет рудное «не то»...
И день забьётся в глубине
Словинкой притчевой на дне...

Диптих

Ты состоялся как поэт –
Сказал коллега по рифмовке...
И я доверил память ковке
Моих победок и побед:
Победок там, где я терзатель
Бумаги – спутницы трудов...
Победы там, где я читатель
Надёжной классики отцов...
И пусть замечу в ней «грехи»,
Они – как робкий свет ольхи...

Ты состоявшийся поэт –
Сказал мне рифмопочитатель...
Неужто ль Он – за столько лет –
Мой состоявшийся читатель?..

Не стесняйся

Хочешь возвеличить себя, – непоказно унижайся,
говоря проще, кухонно, – «прибедняйся» до уровня
жалости, чуть ниже – пойдёшь ко дну... А теперь – в
стихах:

Славу замкнуто любя,
Не стесняйся:
Возвеличивай себя –
Унижайся...

Сейчас

Я писал стихи зелёные
Озареньем детских лет,
И мечты вишнёво-клёные
Жили там, где жил рассвет..
Я писал стихи багряные,
Отмахав полсотни зим,
И мечты, от вьюги пьяные,
Жили там, где реял дым..
А сейчас пишу закат,
Взявши лучик напрокат..

К счастью

Время частных детективов наступило,
Оттого что мир извёл себя на мыло,
Оттого что стало милое не мило,
Оттого что был Пегас, теперь – «кобыла»,
Оттого что потому... А, впрочем, это –
К счастью – рифмоиздевательство поэта.

Зыбь

Я стал бояться собственных стихов,
Как продолженья собственных грехов...
И рифма эта старая – боязнь
В обнимку с новой рифмой «непролазнь»,
Где рыщет волком, заячье тая,
Отвага непролазная моя...

Не...

Я проснулся с чувством недоточки,
А вернее – с чувством недострочки...
И, придвинув к сердцу черновик,
Будто век, заполнил недомиг...

Признаться

*Если бы меня спросили, кто я такой,
я бы ответил: человек земли, который
в детстве начал писать стихи
и до сих пор не может остановиться...*

Моя остановка – иначе нельзя –
Начнётся, где кончится тропка-стезя...
Стихи же, признаться, пишу, как дитя,
А после читаю набросок шитья,
Читаю – как старый содельник житья,
Как чернорабочий земного литья...

Блуждает

Я стихи разучился писать...
Оттого и пишу, не умея
Чужака от себя оличать,
Будто вкось убегает аллея...
С вида – глянуть – и правда стихи,
Даже с рифмоприставкой «грехи»,
А грехи согрешить не умеют,
Потому как от страха немеют,
Где блуждает по рощам строка,
О колючинки раня бока...

По-разному

Взахлёб пишу – захлёб дышу,
Легко пишу – легко дышу,
Ленно пишу – ленно дышу,
Лень зазывая к «шалашу»...

Час

Мне б успокоиться на лаврах,
Признаться к чести – на лаврушках,
Как вместо хлеба на литаврах
Почить, ну, скажем, на ватрушках...
Я черновик судьбы не прятал,
Когда Заря скликала вече,
Где мой Пегас ушами прядал
На берегу великой речи,
Что мне от века не дана
Трудами солнышка и дна,
Хотя мой Час не на мели
Трудами Неба и Земли...

Поднимусь

Кастальский ключ – особый ключ:
Высокосветел и могуч,
И оттого с наземных круч
Я поднимусь до крыльев туч,
Пока струится мой ручей –
Как свет из маминых очей...

К тому же

Полвека с хвостиком
Прошло,
Когда меня за первостишье
Печатно звали молодым
И начинающим
К тому же...
Сегодня, утренне вдохнув
Тома поэзии великой,
Себя – галерника стиха –
Я ощущаю молодым
И начинающим
К тому же...
А имя сладкое поэт –
Как наважденье ранних лет...
А имя звучное поэт –
Как выдох рощи напослед...

Кружатся

Вчера предали Земле поэта Михаила
Примерова – родного брата Бориса
Примерова, известного поэта советской
эпохи, друга моих лучших лет и стихов...
Кусочек фамильной славы достался и
младшему брату, ныне ушедшему от нас...
Он опередил меня на вечном пути к ино-
му бытию, но искорки его земных строчек
весенне кружатся над моей памятью, как
стая птиц над утренней пашней...

Захват

Поэт спросил меня: «Как пишется?» И , не ожидая ответа, сказал: «Нынче я отнял у неба пять стихотворений...» и...пошёл в никуда, точнее, на захват шестого. Я же на его пути, так довелось, был живой ступенькой походно-штурмовой лестницы...

Замою

«Старик Державин» пережил четырёх российских короновладельцев. Отсюда – живи и не бунтуй... Ради смеха подсчитал: я обывательски-удачно миновал девять кремлёвских судьбовершителей. Кстати, по той же причине. Итог: «Старик Державин» – на поэтическом Эвересте, я – у подножья, даже если привстать на цыпочки с холмика собрания моих книжек. Выходит, что «живи и не бунтуй» – сомнительная формула бытия поэзии...А впрочем, эту околесь я, простите, написал от маяты сердца: ко мне заехал дальний родственник – Непиш Непишевич Непишется...Когда съедет – замою следы, проветрю комнату...

Назвал

Протянув тоненький сборничек виршей, вечно молодой автор сказал: «В Москве так не напишут»...

Зайдя в комнату литературного собрания, его местный коллега спросил: «Здесь принимают в Союз писателей?»...

Таких людей обычно называют графоманами. Я бы назвал их патриотами провинциальной наивности...

Пригодится

Иван Андреевич Крылов
На «маслену» объелся...
И вот, коснувшись облаков,
В бессмертие оделся...
Он ходит с пешней золотой,
Не требуя огласки,
И носит в торбе за спиной
Натруженные маски,
И примеряет на людей
Без лихозаморочек –
Неугомонный чародей
Невыстуженных строчек:
«Кукушка хвалит петуха...»
«На задних лапах я хожу...»
«Да только воз и ныне там...»
«Ай, Моська! знать, она сильна...»
«Сильнее кошки зверя нет...»
«Ты сер, а я, приятель, сед...»

И в завершение для венца
Двустрочье пригодится:
«Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.»

Владимир

Диптих

Человек поёт с прихрипом...
Человек не болен гриппом,
И повадки семиструнья –
Не припадки новолунья...

Человече в сонме дел
Не допел – не дохрипел,
Покалеченный войной
С белокаменной стеной,
Что висела над струной,
Что висела над страной –
До землиночки земной...
До родниночки родной...

Покинувшему нас

Ему дано, как Богопостоянство,
Как письма на распахнутом столе,
Двойное незаёмное гражданство:
Душа – не Небе...Рифма – на Земле...

Не уходит

Николай свет-Михайлович Скрёбов,
Вы пронзительно сердцеособов,
Приходите на песни двора,
Приходите на синь-вечера...
Оттого и не выключен свет
На скамейке прочитанных лет,
Оттого и напишется вслед –
Уходя не уходит поэт...

6 мая

Произошло должное: открыли бюсты-памятники Михаилу Шолохову, Виталию Закруткину, Анатолию Калинину – единомайски, единоместно, на площади перед книгодворцом, официально – Донской государственной публичной библиотекой...В моём обиходе есть шутка: как быстро летит время, надо же, вчера с Александром Сергеевичем пил чай, а сегодня он в гранитном одеянье...Но шутка обернулась явью: люди, с которыми я действительно встречался, шагнули на пьедестал памяти. Мне космически повезло: я был гостем празднично-домашнего застолья у Михаила Александровича...Пел дуэтом с Виталием Александровичем его любимую песню «Дивлюсь я на небо...»...Сидел на скамейке рядом с Анатолием Вениаминовичем, когда он, во дворе своего дома, исповедно говорил о себе для одной из программ центрального телевидения... Их, писателей-фронтовиков, таких обособлено разных, таких станично-державных, роднит монолитно-общее: они завоевали Победу и великого, бессмертного читателя – стоязычную Землю, ибо я почему-то уверен: в нашем бытие всё можно уничтожить, кроме печатно расселённого по миру Слова...

24 мая

Чем велик Шолохов?...

Перо в его руке непонятно-волшебным действием преобразалось в кисть художника, а слова – спутники сердца и ума – в мазки, краски, соцветия...И получалось истинное творение живописца, которое можно было читать, листать, хранить на книжной полке. И ещё: люди в его книги приходили из жизни, расселялись, обустроивались и...возвращались к нам, но уже знаменитыми на весь миросвет. А читать его, к примеру, «Тихий Дон», лично мне по-хорошему тяжело: не хочется расставаться с прочитано-пережитой страницей. Как будто стоишь ты на перроне за минуту до отправления поезда, а в окошке вагона – лицо любимого человека...

6 июня

«... Пушкин – наше всё...»

А.А.Григорьев

Да простит меня автор золотогранитной циаты, но я бы к «наше всё» робко приписал «и чуточку больше». Чуточку больше – стихотворение «Дуэль», которое я выдохнул на восемнадцатом году биения моего сердца и которое вывело меня из тёмной чащи на крохотную, едва заметную поляну. Оно же привело меня к «тридевятому царству» – Пушкину...А там – «видимо-невидимо» чудес и знаменитое: «...ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!»

Прячется

Мой век ещё не перемолот
И возраст мой – ещё не холод...
Но мне отпущен личный дар:
Когда пишу стихи – я молод,
Когда сбегает рифма – стар...
И мой унылый зоодень
Повинно прячется за тень...

Струилась

Коробка, набитая жизнью,
Хрущёвкой, мой друг, называлась...
Массовка, набитая «шизью»,
Как нужная книга, версталась...
Я жил в знаменитой хрущёвке,
Был крохотной строчкой в массовой,
Но эта путёвая «шизь»,
По-сути, всеюдная жизнь,
Струилась рекой из металла
И жизни моей не мешала...

Свод

Синее золото – небо,
Будто великая треба...
Синее золото – море,
Как волноход на дозоре.
Синее золото глаз –
Небо и море навек:
Сердце моё напоказ,
Сердце моё из-под век...

Слагались

На меня дышали пристани
Голубиною водой...
На меня шагали истины,
Как в бою щетиня строй...
И вода слагалась в пажити
Над горой и под горой...
И года слагались в нажити,
Будто слойник родовой...

Придётся

Хоть проживи на дне колодца,
Хоть ни души на сотни вёрст,
Но встать, мой друг, тебе придётся –
Когда-то – где-то
На грани света
Перед судьбою в полный рост...

О службе

Я ходил на премьеру – полевою мишень,
Мне друзьями, к примеру, были Ганс и Мишель...
Не дырявил я жизни пограничным свинцом –
Пел в ансамбле отчизны полномочным скворцом.
Помня родину-пашню вдалеке от начал,
Ел я отчую кашу и Европу спасал.
Но спасала Европа заказного меня
Тем, что будни окопа стали музыкой дня,
Где вставал я то с правой, то с левой ноги,
Отслужив по уставу призывные долги...

12 апреля

Из прошлого века на плечах памяти я вынес, как небесный дар земных дорог, встречу с Анной Тимофеевной Гагариной – мамой первого космонавта...Прощаясь, я поцеловал ей руку...Затем написал длинные, как бессонная маята, стихи, озарённые двумя последними строчками: «...**Целую руки я, с которых взлетело в космос человечество**»...Сегодня пришло: Господи, да почему же я не познакомил её с мамой: всего – то – два билета до населённого пункта Смоленск, а там – до столицы Космоса, города Гагарин – крылом подать...

Родина

Александр Инькову

*В составе художественной
самодельности Дома
пионеров мы выступали
перед жителями станицы...*

Мы пели с ним «Вернулся я на родину...»
И, ростом с хворостинку–огородину,
Мы были песней-родиной сильны,
Как будто пели гимн родной страны...
Уже потом узнал я «тет-а-тет»,
Что родина – и песня, и навет...
Но выходила мама на крыльцо
И подставляла родине лицо...
Но шёл отец, орошенный сполна,
За родину, большую, как война...

Давай пройдемся, друг, себе в угодину
По улице «Вернулся я на родину...»

9 Мая

Выжила мама, вернулся отец,
Выжил и я – предвесенний малец,
Выжила хата – четыре угла,
Выжила речка – подруга весла,
Чтобы земля, от весны тяжела,
После Победы жила и жила...

Проснулся

*Сегодня – 22 июня 2018 года –
исполняется семьдесят семь
лет со дня начала Великой
Отечественной войны*

Повержены годы – настала пора:
Я стал просыпаться в четыре утра...
А нынче проснулся – поймёшь ли, собрат, –
Как семьдесят восемь июней назад...
Один я добавил, точней, – передал,
Поскольку у будущей Памяти взял...

Что остаётся после боя

В прошлом

Копья, шлемы, усачи...
Пушки, танки, трубачи...

В будущем

Пепел, дым, остылый вар
Да песчинка-санитар...

Мечта

Трубку Мира бы найти...
Тропку Мира бы спасти...

Ринг

Диптих

В юности я занимался боксом

Автор

Внутри канатного квадрата
Собрат щетинится на брата...
Я в этом деле не мастак,
Хотя писал примерно так:
«И нырнув под канаты, как гринго,
Шёл я, битвы теряя пожар,
Унося с просолённого ринга
За любовь нанесённый удар...»
Как хорошо, что глупость эта –

Фрагмент наивного сюжета...
Моя земля – квадратный круг,
В ней каждый угол, как уют,
И мы в квадрате земно-круга
Щетиним судьбы друг на друга...
А там, глядишь, приидет час:
Моя земля покинет нас...
Как хорошо, что глупость эта –
Бред воспалённого сюжета...

Зовёт

Из колодца веков зачерпну глубины
И дождусь озарённой снегами весны...
И её – глубину – на дорогу плесну,
И в ушедшем сегодняшнем завтра усну...
Но колодец небес к пробуждению зовёт,
Где моё «навсегда» – будто горький осот,
Или огненный пот, или парусный плот,
Или верный оплот с тихим золотом сот...

Пробует

И кошки в округе сыты,
И в строчке моей благодать,
Как будто навек зарыты
Война и мирская неладь...
Но пробует солнышко льды,
Как юный маэстро лады...

Поселить

У воды береговой,
Протяжённо-дуговой,
Незавидная на вид,
Лодка старая лежит.
Мне бы лодку осмолить,
Мне бы лодку овеснить,
Мне бы лодку-перегодку
В наши ходы, в наши годы,
В наши оды поселить...
А пока издалека
Тянут баржу облака...

Подобие притчи

Хорошо, когда зелёная тоска,
Хорошо, когда зелёная доска,
Хорошо, когда на этой на доске
Веселó до пьяной зелени тоске,
Веселó доску тоскою обозвать,
Будто кожу с нашей яблони сорвать...

Летит

Осенний дождь в апреле
С утра печалит сад,
Как старый плат в купели,
Забытый век назад.
Но сгинул вечер тминный...
И ранний лепесток
Дорогой лебединной
Летит наискосок,
Где вестницы-капели
Затеяли сюжет,
Где наши карусели –
Как Божий кругосвет...

Ждёт

Яблоня в майском саду,
Яблоня в майском чаду,
Яблоня в майском бреду:
Это же пытка в меду...
Где он, цветущий исход?...

Яблоня яблоко ждёт...

Апрель

Смешает ранняя пастель
Апрель, капель и карусель...
И даже старенькую ель
Благословит на канитель
Весенней пряжи-маяты –
Тщеты, рождённой из мечты...

Наваждение

Весна печальней осени,
Покуда робко юн
Цветёнок цвета просини
Среди небесных дюн...
Какое чудо, право же...
Но есть наверняка
В летучей этой навоже
Нездешняя рука...
А что весна?...Печаль,
Одетая в хрусталь –
С лучинками во сне,
С песчинками на дне...

Предвестье

Не путая вечность и время,
Не путая бремя и семя,
Я в зимы себя опрокину
И в будущих вёснах загину,
Где в наши поля-ковыли
Толкнётся ребёнок Земли...

Станет

По лестнице общего моста,
Почти табуретного роста,
Затеяв летящий поход,
Мальчуга скворечник несёт...
Он в роще скворечник оставит
И этим берёзу прославит,
А прощя – её оскворечит,
Как будто стихами оречит...
Но станет он выше меня
На солнышко этого дня...

Пляжная скамейка

Скамейка цеплялась тенью
За тихую грань воды
И озеро свежей ленью
Дышало на тень гряды...
Скамейка была щепой,
Которую нёс прибой,
Ну, скажем, тысячу лет,
К причалу теней-бесед –
От крохотных слов-заметин
До междускамейных сплетен...

Кланяюсь

Абрикосы лежат на земле...
И шумит облегчённая крона,
Сбросив тяжкие узы поклона,
Да умчались ветра на метле...
Я же кланяюсь дням ветрогона,
Плодопада и плодотрезвона,
Как птенцам у зари в подоле...

У межи

Позднее лето – ранняя осень:
Время покосов или прокосин...
Время подумать мне и округе
Так, будто зори помнят о плуге,
Так, будто эхо песен-сложёнок
По-над горою мчит жеребёнок...

Знаки

Время лета – дыхание света
На моём продувном этаже
Да на облаке снежном – карета,
Да рысак в молодом кураже...

Сквозь игольное ушко продето
Паутинка – летящая мета,
Что летит к веретённой меже,
Где на плечи, как два эполета,
Лягут листья преклонного лета –
Знаки опыта в дальнем «уже...».

Осеннее

Великая тайна – улыбка потерь,
Когда из ночей улыбается зверь,
Когда в никуда уплывает с утра
Гора золотого, как медь, серебра –
Такая мура...

Но вот я подумал, но вот я сказал
О том, как нелепо утерян вокзал,
А с ним – будто эхо отлёта – Прощай,
Что значит надёжно потерянный Май
Серебряных стай...

И хочется выплакать осень Дорог,
И хочется выплакать осень Потерь,
И хочется выплакать осень Мечты
Серебряно-белым стихом – без цепей
Рифмованных пут...

Обронила

На лице оконном – родовом стекле –
Листья, как веснушки осени моей,
Да весна, что капля на скрипун-весле,
Промелькнув, упала в омуты морей...
Но щедрица-осень, задержав полёт,
Обронила ветку у моих ворот...

Моросит

Ночь-безлунница гонит лето,
Моросильня вдогон шумит...
От уныния до рассвета,
Как положено, моросит...
А уныние – тяжкий грех...
А рассвет – колыбель утех...

На пороге – туман дорог,
На дороге – подковослог
Да к рассвету – моя унынь,
Будто скошенная полынь...

Шёл

Собирались у памяти сада
Два листка да от сада ограда,
Горевали, зарёй поминали,
А меня на помин не позвали...
Я же шёл стороною, как дачник, –
Развесёлый прохожий-удачник...

Каштаны

Каштаны – не в столе,
Каштаны – не в пыли,
Каштаны – на земле,
Как родинки Земли...
Сегодня поутру
Я счастья наберу
В заоблачный пакет –
Для наших неболет...

Знобит

Я пришёл на закрытый пляж,
Как ходячий седой мираж:
Откровенья мои – не суть,
Синь-дороги мои – не путь...
Но гроза, как эскадра, шла
И сожгла океан дотла...

А пока стрекоза летит,
А пока тишину знобит,
Да весло, как детёныш-кит,
Задыхаясь, у ног лежит...

Вторжение

Отмаялся август –
Мой вечный избранник,
И полдень осенний
К закату спешит,
И море буксует,
Штурмует песчаник,
И солнце над бухтой –
Как бронзовый щит...
А мне остаётся
Глядеть за холмы,
Откуда начнётся
Вторжение зимы...

15 октября

Срединный час узорных октябрин –
Как первый день окрестных именин...
Там увяданье огненно цветёт
Да листопад по рощам – тихий мёд...
Там сны короче, будто жизнь моя,
А явь безмерна поступью жнивья...
Там середина золотом горда,
А рай похож на рыбку из пруда...

Между

Опять зима на вечном круге
Мне подставляет снежный бок,
А слева мается в испуге
Забывший осенью листок...
А справа мается весна,
Что до поры в оковах сна,
А между ними я и вьюга –
Как продувные песни круга...

Белый дым

Серебряная шубка
В серебряном году
Приходит на свиданье
К серебряной мечте,
Осыпанной цветами
Серебряной зимы,
Овеянной цветеньем
Серебряной любви...

Серебряная шубка,
Серебряная шутка –
Растают поутру,
Как слёзы на ветру...

Вдыхая

Гудели стальные струны,
Летели по струнам песни,
А в песнях летящих – мы,
Как белый огонь зимы,
А рельсы были чугуны,
А песни были чудесны...
И шёл от вагонов свет,
Вдыхая протяжный след...

Живу

Стать замеченным – сбыться в оправе...
Я родился – замеченным стал,
А умру, то, конечно же, вправе
Озаметиться, будто причал...
Ах моя золотая оправа
То – сердечного боя, то – справа,
Где живу я на облаке снов –
Птицелов отошедших годов...

О юбилеях

Для себя решил: после семидесяти каждый год – юбилейный... После восьмидесяти – каждый месяц... После девяноста – каждый день... После ста – час... Ныне же быстро летят вёсны, хотя, к слову, куда быстрее зим, лет, осеней. Да что с того: оглянёшься, а протяжённость дороги – одна. Так молодая гончая, обойдя своих соперниц по охотничьему гону, добычу отдаёт общему хозяину...

К 80-летию поэта Юрия Ремесника

Живёт в Азове истинный азович –
Поэт Ремесник Юрий Свет-Петрович...
И град Азов от века знаменит
Тем, что стоит надёжно, как гранит,
К тому же в нём, друзья, пленяя свет,
На всю страну азовствует поэт.
И я его по-братски обниму,
Как будто Славы чуточку займу,
Поскольку в мире славится азович –
Поэт Ремесник Юрий свет-Петрович.

К юбилею поэта Ирины Сазоновой

*Стихотворение-шутка
с эпилогом*

Как облако пронзительно-озоново,
Живёт в небесном доме И.Сазонова.
А я живу печально и бессоново,
Поскольку недоступна И.Сазонова...
Но я, поверьте, истинно горжусь,
Что ей в подмётки лиственно гожусь,
Что ей служу сердечно и гарсоново,
Что ей пою гитарно-подбалконово,
Стихи слагаю нежно и стозвоново
Да охраняю облако озоново...

Эпилог

Во мне растёт неистовство бизоново,
И пусть об этом знает И.Сазонова.

Время

Придёт – уйдёт: зима да лето,
Как будто я из черносвета...
Но выхожу я из ворот,
Где на миру кольцо живёт,
Что звякнет утренне, да вот
Оно – как мой годоворот:
Кругожелезно обратимо,
Напоминая слово «мимо»...

Философ-одиночка

Приду к себе...Займусь уборкой
Души и комнаты...Затем
Украшу чай лимонной коркой
И трону лучшую из тем –
О том, что время – это мы
От легкоцветья до зимы...
Ещё о том, что сто зимовий
Я променял бы на весну,
Что ближе к ночи сто Любостей
Я променял бы на одну...
Что умещается в квартире
Столикий мир, как точка в тире...
И что пространство – это мы
От легкопутья до сумы...

Обращение к судьбе

Разбуди меня в четыре двадцать,
Мне в четыре сорок уходить...
Станет небо в утро одеваться...
Станет полдень жатвой называться...
Станет вечер тихо обживаться
Да меня из памяти лепить...
Ах кусочек песни во хмелю,
Где живёт и мается «Люблю...»

А четыре двадцать – междулетье...
А четыре сорок – междусветье...

Станет

В последний час «пятнадцатого года»
Я задержусь у выхода и входа,
Где вмещает крохотный туннель
Заплечный год и радужную ель,
Где уживутся круги и круги,
Где уживутся ветры и ветра,
Как на столе уютном пироги
И сапоги у дымного костра...
Сольются «позади» и «впереди»,
Нахлынут серебрины, как дожди,
И наше «ретро» станет новогодьем,
А новогодье – ласковым угодьем,
Ещё – зелёно-снежным обиходьем
Да вековым – на чуточку – уходьем...

Соткано

Не удивляйся бегу времени,
Когда от семени до семени
Оно – стократно повторимо –
Спешит невидимо и зримо...
Казалось мне, что время – стремя...
Казалось мне, что время – бремя...
Да утро соткано из темени,
Как наша жизнь от пят до темени...

Ночник

Заведу себе ночник –
Не лампаду, а тетрадку,
Если проще – бытовик,
Приневоленный к порядку...
Опишу ночные сны,
Озарю полмира солнцем,
Что под именем луны
Пишет строчки тишины
Золочёным волоконцем...

Жизнь ушла-не доушла,
Если ночь светлым-светла...

Моё время

Где же оно почило
И налегке ушло –
Даже не зацепило
Утреннее крыло...
Даже не оглянулось,
Как проходной сквозняк,
И самовейно сдулось
Будто опавший знак...

День поминовения

Друзьям юности

Анатолий, Сергей, Александр,
Проще – Толик, Серёга, Саня,
Здесь не радуется птиц олеандр,
Здесь трава да тоска в гортани...
Из темницы, до боли земной,
Из могилы, как чрево, тесной,
Вы однажды придёте за мной
И... уйдёте к Земле небесной...

А меня, высотой одея,
А меня, высотой окрыля,
Не моля, не хваля, не суля,
Цепко держит земная Земля...

Под утро

Холодильник открою...
Телевизор включу...
И рассветному крою
Нагадаю парчу...
Что за бред?.. Но от века
Жизнь у пристани лет,
Как на пашне засека, –
Восхитительный бред...

Достаток

На заборе петухи
Петушистые...
Под забором лопухи
Лопушистые...
На дороге золотье
Золотистое...
На пороге бытё
Бытовистое...
Да цветинки на столе
Посердечные...
Да морщинки на челе
Человечные...

Проще некуда

Утро понимает,
Вечер понимает,
Хоть на сто годочков,
Друг мой, задержись:
Смерть не умирает,
Смерть не умирает,
Смерть не умирает,
Умирает жизнь...

Отныне

Отныне жизнь – как бухта моря...
А значит – редкая волна,
Себе самой мятежно вторя,
Мою историю история,
Заменит шум веретена,
Что монотонно и давно
С текучей пряжей заодно,
Где многотонно и земно
На смену «И» приходит «НО»...

Заблудился

Я повзрослел на сотни прошлых лет,
Я повзрослел на сто грядущих вёсен,
А ныне затерялся напослед
Меж трёх, летящих к небу, вечных сосен.
Но рядом, Бог мой, стёжка во дворе
Проста, как тополь детства на заре...

Останется

Не любимая ромашка
Прозябает в хрустале, –
Перевернутая чашка –
Будто холмик на столе...

Жизнь, увы, не перепашка...
Но останется во мгле
Перевернутая чашка –
Холмик грусти на Земле...

Моя

Не бойся дня грядущего,
Но бойся дня ушедшего,
Что камнем или зёрнышком
Предстанет на пути...
А камень дружит с пазухой,
А зёрнышко – с надеждою...

Судьба моя заплечная –
Как солнышко в горсти...

Вехи

Наплывали не раз и не три
Снеговые мои декабри...
Наполняли мечтой пустыри
Золотые мои декабри...
Зажигали в судьбе фонари
Столбовые мои декабри...
Заключали с бессмертьем пари
Вековые мои декабри...
Рифмовали горы – сизари
Стиховые мои декабри...
Отнимали тебя у зари
Дорогие мои декабри...

Штрихи к судьбе

По золоту осени грач
Проходит, как сиплый трубач,
А если точнее, – горлач,
И клювищем пробует мяч...
На детской площадке песок –
Как мой убелённый висок...
А мяч никуда не забит,
Он просто до лета забыт,
Он просто моложе песка,
Он хочет забав... А пока
Грачиные клюв и труба –
Его надувная судьба...

Осталось

Ах судьба подколёсно-машинная,
Где распластана жизнь воробьиная:
Серым пятнышком станет бывшее –
Прыг-да-скокное соло живое...
Серым пятнышком станет земное –
Прыг-да-скокное детство родное...
Я метафору эту не выследил –
Просто ленточку памяти выстелил...
Мне осталось приладить к «Любви»
Рифмострочку – «Летят воробьи...»

Мера

Любовь пережила маму...
Любовь пережила мужа...
Такая случилась драма...
Такая случилась тужа...
Тужа – от слова «тужить» –
Будто суровая нить,
Тянется к слову «тужба»,
Тянется к рифме «судьба»...
Тот, кто зовётся судьбой,
Проще – любовник седой,
Меряет век золотой
Этой двойною бедой...

К моему 70-летию

У села Бородино под Москвой
На войне убит корнет молодой...
А мои дела и впрямь – ничего:
По годам судьбы я старше его...
И выходит, что в грядущих веках
Будем жить мы на одних небесах...
Только я – напомним – старше его,
Только я – заметим – старше всего:
И годков его земных, и цветов,
И – помилуй меня, Боже, – грехов...

Замечу

Моя летовщина, моя зимовщина
Придвинулись к семьдесят первой меже...
Моя детовщина, моя дедовщина
Навек не сойдутся в пустом дележе...
Предстали едины – вихры и седины,
Как ранние вербы и ранние льдины,
Плывущие утром по вешней реке
От семьдесят первой межи вдалеке...
К тому же – замечу – моё зимолетство
Для вечной дороги – как вечное детство...

Ступеньки

Уходят вверх...Уходят вниз...
Накатанный сюжет...
Ступеньки – утренний круиз
По странам наших лет.
Уходят вниз...Уходят вверх...
Уходят на просвет...
Мои ступеньки – запись веж –
Оценит мой штиблет...

Ступенек – сонмища...Они
Уже опутали ступни...
Из этой пряжи выткал день
Одну, вечернюю ступень,
Что уведёт меня туда,
Где я – по-детски – Навсегда...

Тоже

С утра гляжу на отчий двор –
Он, право, самый лучший вор:
Присвоил детство на заре,
Как золотинку в янтаре,
Присвоил молодость и вот
Досвоил поздний летоход...
И шепчет, сумрак опаля,
«Я тоже вырос, я – Земля...»

Вернулся

С котомкой неба за спиной
И посохом добра
Я вышел к истине земной
От имени двора.
Дышали песни на ветру,
Ненастило вдали...
И я вернулся ко двору
От имени Земли...

Почти ересь

Меня согнул радикулит...
И, далеко не тростниковый,
Мой позвоночник принял вид
Неунывающей подковы...
Жара с утра ковала зной,
Я был у моря как изгой,
Хотя морщинкой на челе
Стал ближе к утренней земле...

Гуляет

На мне висит чужое горе,
Чужое – ближнее – своё,
Как будто точку в разговоре
Не ставит чёрное копьё...
И нету горя веселей,
Как нету моря солоней,
Где в притороченной степи
Гуляет счастье на цепи...

Замкнутся

Обход кошачий – местный круг:
Вначале ранняя побудка,
А после мой сердечный стук
Да суть кошачьего желудка
Замкнутся нитью дворовой,
Как будто сытью мировой, –
От верноподданных услуг
До неуёмного рассудка...

О медицине

Не у жизни на краю,
Не под пули, не под нож, –
Я анализы сдаю,
Словно тайну без галош...
Ах судьба, не мельтеши, –
Сдай анализы души...

Гудели

Не уходил я по-английски...
Назло дверьми не грохотал...
Но все же чёрточки и риски
На теле быта оставлял,
Хотя они – во все концы –
На теле духа, как рубцы,
Гудели, множа обелиски
Из галактической пыли...

Хорошо

Хорошо, когда стога
Выбегают на луга...
Хорошо, когда река –
Завещанье родника...
Хорошо, когда душа
Не «правша» и не «левша»...
Хорошо, когда душа
Греховодит не греша...

Встречал

Будто на распутье, на ветру стою...
И несёт полнеба в тишину мою.
А над нею птица, я её встречал
Там, где сад корнями под горой молчал,
Да ещё теснились во полях моря...
Мир и правда тесен, как душа моя...

Мало

Душа ничего не заметит,
Душа ничего не поймёт,
Но стужа, как гибель соцветий,
По веточке лета пройдёт.
Закончатся шумные воды
У тёмного скоса Земли
И гавань под мирные своды
Упрячет мои корабли.
Присядет – заплакав – Начало
На кочку столетнего пня...
И станет пронзительно мало
Рождённого полночью дня...

Такая

Ах метеоотечество,
Ах метеоприрода,
Какое человечество,
Такая и погода...

Круг

То чаруя, то пыля,
Ходит круглая Земля
По извечному кольцу –
Бесконечному венцу...
А впридачу – небеса,
Что подобьем колеса
Катят яблоко зари
С человеками внутри...

Мерило

Собрались бывшие одноклассники.
Весною.
Спросили друг у друга: сколько детей?..
Собрались опять.
Летом.
Спросили друг у друга: сколько внуков?..
Собрались ещё.
Осенью.
Спросили друг у друга: сколько правнуков?..
Друг у друга – Он и Она, ушедшие в детство,
Простите, в юность...
Он: может, распишемся...
Она: я уже пообещала однокласснику из
другой школы...
Это и есть мерило человеческого сердца...

Гомосапиенс

Триптих

Человеку тесно на Земле,
Как морщинке поздней на челе...

А Земля по-женски всемила,
А Земля всечудо родила,
А точней, – меня произвела,
Ибо живолепицей была...
И принёс я матери букет
Всенечеловеческих ракет...

На крови – и дома, и вдали –
Не сложить Всередины-Земли...

Внимает

Белая собака на вершине,
На вершине белого песка...
Мир видней с песочника, да псине
Не дают покоя облака,
Что куда возвышенной двора,
Даже, если холмик – «на гора»...
А «гора» с утра и до утра,
Как часы песочные, стара...
А тоска собачья не ветшает, –
Оттого и облаку внимает...

Октябрь

Последний месяц рая
У кошек и дворняг,
А там – снега без края
Да стужа передряг...
И Жаль моя окрестна,
Хотя в метели дней
Котёнку нету места
За пазухой моей...
Но я его люблю,
Но я его кормлю,
И мучаюсь дотла
В покоях у тепла...
Последний месяц рая
Храню, как светоч мая,
И домик мастерю,
Как летнюю зарю...

Вечный вопрос

Белый яд лучей
От фар иномарки
Облил картонный домик
И отравил глаза
Серебряной кошки...
Команда «фас»
Прозвучала как выстрел...
Собачьи клыки
Утонули
В пушистом серебре
И запенились кровью...
Водитель авто,
Сплюнув остатки души,
Хлопнул дверцей
И увёз молодого пса,
Дрожащего от запаха
Смерти...
Но что делать мне
С коробками под жильё,
Которые я смонтировал
Для «братьев наших»...
А «меньших» или равных –
Спросите у Бога,
Сотворивших нас
В один День...

Листать

Собачья будка в зати́ни двора –
Моей «однушки» робкая сестра...
Я наклонюсь – там холодно внутри,
Как на ветру собачьем до зари...
И выйдет житель будки в темноте
С виляющей мечтою на хвосте:
По-человечьи жить да поживать
И день листать, как общую тетрадь...

Стану

По-земному счастлив до конца,
Я спасу упавшего птенца...
А когда он с ветки улетит,
Стану я на ветке именит...
А когда он в небо улетит,
Стану я на небе знаменит...

Чтобы

Доброе дело на небо глядело...
Доброе дело о ближнем радело...
Доброе дело тонуло-горело...
Доброе дело в боях поседело...
Дело, увы, обернулось работой –
Проще на фронте командовать ротой:
Нынче – к примеру – на небо глядело,
Чтобы ответить за доброе дело...

Точит

Треугольная форточка –
Виноградная кисть...
Жизнь – потёртая кофточка –
Ныне личная «жисть»...
И метафора-косточка
Поперечна уму,
Даже если и форточка –
Смехота в терему,
Где – с лицом на закат –
Точит угол квадрат...

Всё одно

Эверест песочный во дворе
Для меня – конечно – эверестик...
Но окружно-местной детворе
Он – по сути – будущий предвестник:
Мол, гора текучего песка –
Всё одно, что наши облака...
Мол, песок летучий на ветру –
Всё одно, что остья на миру...

Дитя-мудрец

Поменяю пистолет на ракушку,
Чтоб ракушку поменять на горбушку,
А горбушку поменять на ватрушку,
А ватрушку – на стотонную пушку,
А её – каргу – на эту частушку,
А частушку – на планету-игрушку,
А игрушку положу под подушку,
Чтоб спокойно было сердцу и ушку...

У перехода

Пешеходная дорожка –
Полосатая стезя,
Ты – продольное окошко
В мир, где «можно» и «нельзя»...
Там над зеленью атласной,
Там над огненностью красной
Дарит мне снежинки лет
Самый ясный,
Самый властный,
Самый главный
Белый Свет....

Ненужное зачеркнуть

Как маячок в туманной бухте
И светоносное горнило –
РОДНЯТСЯ лампочка на кухне
И законное светило...

Как маячок в туманной бухте
И светоносное горнило –
РАЗНЯТСЯ лампочка на кухне
И законное светило...

Сумбур

Тыщу холок – тыщу грив...
Получается мотив
Окопытенной земли
С незабудками в пыли...
От падений до высот
Всё пронзительно уйдёт,
Как за тучу самолёт,
Как метель за поворот...
Но подковенки-следы
От загона до воды
В степи конные легли,
Будто ямочки Земли,
Что улыбкою цветёт
Да калиткою поёт...

Вязь

Отныне – май-маяк-маёвка:
Золототканая верёвка
Единомаятных корней...
Бери же, девочка–зарёвка
Её на прыгалку-обновку
И прыгай выше тополей,
Не маясь маятником дней...

Который

Что такое космос?

Это улыбка Гагарина и памперсы на борту...

Что такое любовь?

Это весь мир и запылённый угол быта...

Кто такой я? Это космос и любовь...

Эк хватил!...Хорошо, я – песчинка, вместившая космос и любовь. Или семидесятипятилетний атом, который никогда не взорвётся...

Загляни

Дожди слепые – не слепые,

Вожди родные – не родные,

Рассвет багряный – не закат

И полувраг – как полубрат...

Перекрути-переверни

И станут ночи – будто дни,

И станут горы – будто пни,

Но лучше – в сердце загляни...

Хотя на сердце – повинись –

Любовью правит недовысь,

Хотя на сердце у меня

Любовь и нелювь – как родня...

О своём

Пели рельсовые дали
О вокза...вокза...вокзале...
А перрон в мечтах и жалях
Пел о далях...далях...далях...

Живёт

Твёрдый знак и мягкий знак –
Твёрдый знак и мягкий знак:
Что твердыня, что мякина –
Всё от Бога, всё едино...
Но живёт мой друг и враг –
Золотая середина...

Помнят

Бытовые занавески –
Это бывшие мечты,
Это милые отвески
Парусов и красоты,
Что на привязи у лески
Помнят зарева и блески,
Помнят марева и плески
Недомашней высоты...

Перед восходом

Живя пожизненно угодным,
Я не умею быть свободным...

Приходит Некто по ночам,
Плечо подставив небесам
И шепчет августом шагов
О всезакатности миров...
А после тает в полумгле,
Той, что бывает на крыле,
Той, что бывает на челе
Перед восходом на Земле...

Но – даже ветру не угоден –
Он до ничейности свободен...
Но – даже бурей не спасён –
Он пустотою укрощён...

Колесо

Ах цари, императрицы –
Коронованные спицы
Во всемирном колесе,
Под которым я и все,
Где сиятельное «под» –
Словно грохот колесницы
Унизительных свобод...

Самый

Выходили на круги словачи,
Вынимали не лучи, а мечи,
Отрезали философский ломоть
И жевали, как насущную плоть...
Хохочи, не хохочи, – словачи
Потихонечку ушли в палачи...
Я отныне – умудрённый малец...
Я отныне – убелённый птенец...
Я – за партой и со мною Букварь –
Самый первый на Земле Государь...

Листаю

Сегодня четвёртое мая...
Я еду, минуты листая,
Туда, где надёжным венцом
Повенчаны мама с отцом,
Где память, как том, открываю,
И вечные темы листаю...

Не ходят

У старой лодки на мели
Крыло в уключине забыто,
Точней, – весло речного быта,
Куда не ходят корабли...
Но это всё, как зов копыта
Из песен памяти земли...
Но это всё, как дальний гром
У здешней лодки под крылом...

Верю

К столетию мамы

Диптих

Вдали от бездушья и гама
Приходит, покой обретя:
Великая Родина – Мама,
А всё остальное – дитя...

Я стою у прожитого дня,
Где молилась мама за меня...
Я сегодня лучший из детей
Самой главной Родины моей...
Я сегодня утренне молюсь,
Как за руку мамину держусь...

Просьба

Я – на Божьей орбите...
Вы ко мне заходите...
Не хотите – простите,
Будто жизнь отпустите,
Ибо так человечен,
Ибо так быстротечен
Мир, который беспечен,
Как ребёнок в корыте...

Сбой

На горе-мечте
Облака не те...
На реке-версте
Времена не те...
А которы те –
На моём холсте...
А которы те –
На моём кресте...

* * *

*...блаженнее давать,
нежели принимать.*

Иисус Христос

Моя дающая рука –
Не облака и не река...
Но это крохотное благо –
Как ручеёк на дне оврага...

Знает

Сердце умней разуменья... Но это
Знает весна, а не позднее лето.
Если же сердце вконец от ума,
Значит, увы, на подходе зима...
Значит – пока ещё – в облачном «где-то»
Пишутся строчки Господня письма...

Маюсь

Я задыхался на бегу...
Теперь дышу на остановке,
Как вольный пахарь на лугу
В косоворотистой обновке,
И дозакатно берегу
Свою мечту на берегу:
Быть верным песенной ходьбе
По ровнодышащей судьбе,
Где вечно маюсь у креста,
Как живописец у холста...

Чистый четверг

Грехи и сомненья поверг
Завещанный чистый четверг...
И слышится песенный зов
Окрестных моих,
Небесных моих,
Воскресных моих
Четвергов...

Что?

Со мной, как веткой на столе,
Всё ясно, друг мой, на Земле...
Но обо мне в печальной требе
Что скажут ангелы на небе?...

* * *

*Счастлив, кто ищет спасенья
От зол и страдания
В лоне Того, кто во веки веков –
Настоящее.*

Яков Полонский

Нет прошедшего
И будущего,
Есть лишь Память
И Мечты...
Жизнь – не пропасть
И не лестница,
И не зыбкие мосты...
Жизнь – не облако
Летучее,
Нам отпущенное впрок...
Жизнь – по сути –
Настоящее,
Только вечное, как Бог...

Крестный ход

Перед началом крестного хода священник вручил мне шест, увенчанный фонарём.

Крестный ход... Я несу фонарь,
Словно знамя особого рода...
И грехов у меня – не ларь:
Если выложить на алтарь –
Как усталости после похода,
Как отчаянья после пути,
Что отмерян полынь-годами...

Крестный ход... Мне фонарь нести,
Будто огненное «Прости»,
Омолитвенное стихами...

Хорошо

После шумного лета изведать глуши,
На Успенье покаяться в Храме
И убрать занавески печали с души,
И увидеть Спасителя в раме...
Хорошо, что подземная Лета
Не похожа на шумное лето:
Речка Лета огонь забывает,
Наше лето огонь зажигает...

А глагольная рифма – как вето
На грехи перемётного лета...

Грешник

Каюсь...Маюсь...Повторяюсь...

Приди

Посвящается Отцу Николаю

Молитва – дыхание веры...
Когда же знаменье греха
Меня искушает без меры,
Я слышу напев петуха...
Ломаются ветви грозою...
Темнеет вода из ковша...
И борется тело с душою,
Как борется с телом душа...

Приди же в земное житьё
Второе дыханье моё...

Жду

Не шторься, оконная рама,
Досветная мгла не кружись, –
Упала с небес телеграмма,
Тиснёная росчерком – Жизнь...
А после в нагорном саду
Сложилось из облака – Жду...

Свиток

Диптих

Придя из времени сполошного,
Я тихо в будущем живу,
Поскольку Будущее прошлого –
Сегодня, рядом, наяву,
Где тихий свет – как домосед...
Где память – ветреный сосед...

Но, оглянувшись на порог,
Я свиток нажитых дорог
С плеча торжественно сниму,
Как запылённую суму,
А после, выйдя к рубежу,
У врат Господних положу...

Исповедь

Я Божий раб, но чуточку ослушный...
И все грехи мои – есть грех подушный...
И все грехи мои – есть грех телесный...
И все пути мои – есть путь небесный...
Я прихожу на исповедь стократ,
Исповедальной радости не рад...
Грехи мои – текучую щепоть,
Грехи мои, как нажитый ломоть,
Который век несу тебе, Господь...

Прости меня за душу и за плоть...

Рефрен

То ли правда, то ли миф –
«Если грешен – значит жив»...
То ли щепка, то ли риф –
«Если грешен – значит жив»...
То ль дорога, то ль извив –
«Если грешен – значит жив»...

Ах наив-речитатив:
«Если грешен – значит жив»...

Принимаю

Спасали мир поэты и священники...
Шли патриоты в тихие изменники,
С начинкой утешения внутри...
Сменялись поколения и ценники,
Сменялись и смеялись окровенники,
Да к ночи зажигались фонари...
И Библия – хранилище стиха –
Спасала мир от вечного греха...
Я книгу книг читаю заморожено,
Спасая мир в себе неотгорожено,
И принимаю слово, как дарение,
Как лёгкое во мне стихосвечение...

Искушение

Без Веры спокойней и легче –
Шепнул пролетающий бес...
И я ухватился покрепче
За поручни дальних небес...

Сияла Немёрь-высота...
Зияла Невёрь-пустота...

Пожелание

*Год литературы прошёл,
а я остался...*

Автор

Среди бездорожья
И пришлых ветров
Себе пожелаю,
Как вечного крова,
Странички рассвета,
Заката грехов
И прочного,
Богозовущего
Слова...

Жоресу Алфёрову

Сказал-отрезал нобелист:
Я атеист,
Хотя подчас приходит весть –
«Там» что-то есть...
Мой брат по матушке-Земле,
В твоём столе,
Который век незримо есть
Господня Весть...

Вход

Пока ещё небом хранимый,
Как в шумной протоке ладья,
Я сам себе – вечносудимый,
Я сам себе – вечносудья...
И эта галерная мука –
Как вход без угодного стука
Туда, где ни суша и водь,
А вечнонадвечный Господь...

Помогут

Бежит, судьбу латая,
Как ношенный пиджак,
Дорога золотая –
Мой крохотный большак...
И может, свет-граница
Да вечное «Прости...»
Помогут помолиться
На выдохе Пути...

Пилигрим

Я святой и грешный...
Я здешне-нездешний...
И это навеки,
Как звёздные реки...
И это поместно,
Как мамино тесто
В набеленной хате,
В набеленной печке –
На звёздном ухвате,
На огненной речке...

Диалог

АТЕИЗМ: есть Вечность и земная жизнь...

ВЕРА: есть Вечность и вечная жизнь...

Автор: на выбор отпущено мгновение Вечности...

Мается

В доме горит Благодатный огонь,
Будто поёт на деревне гармонь,
Предвосхищая меня наугад
Тем, что пленяет родительский сад...
А под корнями в бездонной печи
Мается Пламя,
Мается Благо,
Мается Небо
Домашней свечи...

Дарвин

«Дарвин... в течение многих лет был церковным старостой в своём приходе»

«Закон Божий»

Не пятная имени сурово,
Дарвину поверили на слово...
Но тихонько набожный смутьян
Был продуктом собственного лова –
От речных мальков до обезьян...
Гений жил в эпоху дирижаблей...
И судьбой раздвоенный, как саблей,
Обожая мраморную слизь,
Был он обожаемою каплей,
Где безверье с верою сошлись.
Стал он заморожено-престольным...
Стал он затаможено-пришкольным,
Как учебник в парте у меня...

Грех земной бывает колокольным,
Что надёжней чёрта у плетня...

День защитника Отечества

*Молитва поручает поэзии
быть её помощницей...*

**Архиепископ
Иоанн Шаховской**

Мне – 71... Приблизительно с десяти вёсен óт роду неосознанно выполняю поручение Молитвы – пишу стихи... Когда осознал, сочинил свою, домашнюю, утреннюю птицу – мольбу:

Сияет Храм, сияет Храм
На радость мне и небесам...
Спаси мя, Господи, помилуй,
И напои целебной силой...

Затем выпустил её на простор:

Сияет Храм, сияет Храм
На радость нам и небесам...
Спаси нас, Господи, помилуй,
И напои целебной силой...

В понятие «нам» и «нас» я вместил всё живущее на Земле, чем посылно защитил Отечество... И так – с той поры – каждое земное утро...

Песнь

*В благодарность за выступление
студенты духовной семинарии про-
пели мне «Многая лета...»*

Многая лета...Многая лета –
Будто Господни поручни света...
Многая лета...Многая лета –
Будто начало стихосюжета...
Многая лета...Многая лета –
Будто на сердце вещая мета...
Многая лета...Многая лета –
Может, Планида, может, Планета...

Сошлись

Девочка в белом, женщина в чёрном,
Так получилось, у храма сошлись...
Служба служилась ласковым горном,
Горном, поющем о личном и горнем,
Чтобы грехами земли вознестись...
Девочка с женщиной вышли из храма,
В разные стороны-судьбы ушли:
Дочка – не дочка, мама - не мама...
Господи, сделай из грешного хлама
Вечные белые ночи Земли...

Стансы

Что ещё... Я хотел бы сказать в утешенье:
Говорить на прощанье – истоки вернуть
И спасти на Земле вековое прощенье,
Волоча, будто шлейф, неоконченный путь...
Что ещё... Я ходил у подножья метафор
И с ладони кормил стиховейную прыть,
Но зияли тоской горловиница амфор,
Где музейно спала винокурная сыть...
Что ещё... Я станицу менял на столицу,
Не навек, а на миг оставляя порог,
И беспечно искал в многолюдье жар-птицу,
Не взирая на слог про иголку и стог...
Что ещё... Я любил безответно... Ответом
Стали ранние песни о вечной любви,
Из которой я вышел к Господним заветам,
Не гнушаясь рифмовки «Любви-воробьи»...
Что ещё... Я молился на дружеский локоть,
Если в закроме сердца горело жнивье
И судьбе выпадало то охать, то «чтокать»,
То «ещёкать»... Простите юродство моё...
Но юродство не так уж и плохо, поверьте:
Мета Божьей печати – как неба ломоть...
Что ещё... Я иду во грехе на бессмертье,
То, которое мне уготовил Господь...

Душа

Чужда́ золочёной оправе,
Распахнута иль конвертна, –
Душа не нуждается в славе,
Поскольку она бессмертна...

Содержание

Вместо предисловия.....	5
О себе.....	8

Из книги «Я люблю тебя тысячу лет» 1959 – 2003

«Я верю в ложь твою, как в правду...»	11
Незаметность	12
«Проживу среди добрых-недобрых людей...»	13
Какое счастье, что весна	14
Твое имя	15
«Внезапно...»	16
«Я заметил в скитаньях разлуки...»	18
Истина.....	19
Перед осенью.....	20
Я думал о тебе	21
Тень	22
«О тебе напомним море...»	23
Душа не пойдет на попятный.....	23
Тополиный пух.....	24
Одиночество.....	25
Екатерина, я влюблен	26
«Золотые дали сентября...»	26
Моя земля	27
Палач	28
Дуэль	30
Что ж не вышел ты, князь Трубецкой?	31
«Уходит ночь. Пора зари настала...»	33
«Я сюда из города приехал...»	34
На могиле отца	35

Был прожит день	36
Молилась мама за меня.....	37
В гостях у Анны Тимофеевны Гагариной.....	38
Поэма о сердце.....	40
Земля	55
«Я привык стоять на том...».....	56
«Хватит бойкой семиструнности...».....	57
«Всё тождественно и сравнимо...».....	58
Забывтый колодец.....	59
«Много ли хочется сойке поющей...»	60
«В ответ на выстрел охнет поднебесье...»	62
Морщины	63
Усталость	63
Зрелость	63
Дядька	64
«Где ты, вещей дух бессмертья...».....	65
«Благословенны блески ночи...»	66
Ветвь.....	66
Ноябрь.....	67
«Умирают листья дважды...»	67
«Если ветер с юга...»	68
«От спящей станции вдали...».....	69
Роща.....	70
«С погребушкой мартовской капели...»	70
«Дождь летит, как было до меня...».....	71

Из книги
«Четвёртое время»
2005 – 2012

Снег	72
Песня.....	73
Букет	74
Ручьи	74
Следы	75
Скучаю.....	75
Влюблённые.....	75
Неоконченные стихи	76

Окрылость	77
Грех	77
Везение	77
Но только	78
Перо.....	78
Предстишье	79
Поэзия	79
Гипербола	79
Весна	80
Вдохновение.....	80
Есенин.....	80
На месте дома поэта.....	81
Художник	81
«Как белый сон, как наважденье...»	82
Простота	82
Есть.....	82
Не торопи.....	83
Слово	83
Свет	83
Прощание	84
Рождество	85
Крещение	85
Сорокоуст	86
Преображение.....	86
Атавизм	87
Не беда	87
Аллея.....	87
Под вечер.....	88
Уйти.....	88
В никуда	88
Ум за разум	89
Знание	89
Межа.....	90
В больнице	91
Счастье	91
На выбор	92
На миру	92
Правда.....	92
Обман.....	93

Вот	93
Взрослая считалочка	94
Всё позади	94
Приходит	94
Можно.....	95
Порог	95
Чудо	96
Ну	96
Деревья.....	96
Рейхстаг 45-го.....	97
Дом.....	97
Вечернее	97

ДВУСТРОЧНИК

«Детектив»	98
Женщинам	98
Любит – не любит	98
Свидание.....	98
Пляжный роман	98
Шестиструнка	99
Проблема	99
Показалось.....	99
Наоборот.....	99
Любовный треугольник	99
Антиэго	100
Теперь.....	100
Последние цветы	100
Тебе	100
Смотрю.....	100
Ошибка.....	101
Первый поцелуй	101
На рынке.....	101
Всё одно.....	101
Супружеский долг	101
В конце лета	102
По сути	102
Когда за шестьдесят.....	102
Мимолётное	102
Сюжет.....	102

Паденье	103
Любовь	103
Всё	103
Мечты	103
Давнее	103
Люблю.....	104
Женщина о мужчинах	104
Было	104
Бабник.....	104
Ещё	104
Ты придёшь	105
Яблоко	105
Бабье счастье.....	105
Скучная рифма	105
Песочные часы	105
Прялка.....	106
Прошлое.....	106
Говорят.....	106
Милостыня	106
Гитара-семиструнка	106
Народ.....	107
Камень.....	107
Старость	107
Вселенная	107
Шторм	107
Межсезонье	108
Каннибализм	108
Парадокс	108
Наследство	108
Букварь	108
Детство.....	109
Почти примитив	109
Бессмертие.....	109
Сердце.....	109
Встреча.....	109
Пофигизм	110
Ловушка.....	110
Жизнь.....	110
Воля	110

Солнце	110
Антисчиталочка	111
Жаль	111
Страус-неудачник	111
Возраст.....	111
Надёжный метод	111
Домашний кот.....	112
О демографии.....	112
Значит	112
До «новой эры»	112
Объявление	112
Равноправие.....	113
Старая рифма	113
Многоотчие.....	113
Научный факт	113
Коньяк на троих	113
Совет	114
Мысль на ходу	114
Шли	114
Метаморфоз	114
Вопрос-ответ	114
Покойник	115
Орех.....	115
По-свойски	115
Равенство.....	115
Вопрос.....	115
Мы и время	116
Багаж.....	116
Пузырь.....	116
Ночной пляж	116
Живу	116
Миры.....	117
СССР.....	117
Путь.....	117
Ходики.....	117
Минутная стрелка	117
Бытие	118
Мыло	118
Русская душа	118

Планета Земля	118
Телевизор	118
Патриарх	119
Такое дело.....	119
В зоопарке.....	119
Мнение	119
Характер.....	119
Юбилей	120
«Орёл» – «решка»	120
Теория относительности	120
Духовное.....	120
Спичка.....	120
Ремесло.....	121
Коммерция	121
Постулат	121
Подруги.....	121
О душе	121
У памятника	122
Зелёный змей.....	122
Фантазия слуха.....	122
Вера	122
Винная привилегия	122
Иначе	123
Долго.....	123
Белый стих	123
Абсурд.....	123
Художник-модернист	123
Несовместимость.....	124
У подъезда.....	124
Просто так	124
Не желает.....	124
Пропажа	124
Ни за грош	125
Песня-37	125
Версия	125
27 Января 1837 года	125
Член сп.....	125
Высоцкий	126

ИЗ ЖИЗНИ ШАХМАТ

Король.....	126
Как поставить мат	126
Пешка.....	126
Слон.....	126
Ладья.....	127
Конь.....	127
История.....	127
Перестройка	127
22 Июня.....	127
Шестьдесят.....	127
Снег в марте.....	128
Большая медведица.....	128
Отзвук.....	128
Роза.....	128
Остановил.....	128

Из книги «Выйду к облаку из дома» 2013 – 2014

14 февраля	129
Навстречу	130
Из памяти.....	130
У причала	131
Рай	131
Конец света	132
Календарь любви	132
Где	133
После бури	133
Три	134
Пред весной	134
Не к поре	135
Чаша	135
Помоги	136
Своя	136
Пока... ..	137
Когда-то.....	137

Сюжет	138
«ЗА...»	138
Жалость	139
Смысл жизни	139
Пасха	140
Испытание	140
Вера	141
Зелёный круг	141
Уход	142
Мечта.....	142
Похороны	143
Поминание	143
Передовая	144
У крыльца.....	144
Твердь	145
Раскаянье	145
Арифметика	146
Гости	146
Смута	147
Осенило	147
Река	148
Календарь	148
Другу	149
23 декабря.....	149
Между	150
Там	150
Всего-то.....	151
Шла	151
И всё же.. ..	152
Парадокс	152
Иногда	153
В автобусе	153
Жест	153
Почти проза	155
Делю	156
Намёк	157
Война	157
Вести с фронта.....	158
Прости	159

Завыл	160
День птиц	160
Решили	161
Вслед	162
Ветер	162
Верили	163
Зной	163
Зависть	164
Спроси	164
Первый	165
Тетрадь	165
Огляд	166
С утра	166
Декабрь	166
У памятника Пушкину	167
Не пишется	167
Подарок	168
Стихи	168
Телефонный разговор	169
Новогодняя ночь или причуды стиха	170
Почти военное	170
21 февраля	171
Лучше	172
Скажу	172
О верлибре	173
Травма	173
Цена	173
Услышал	174
Справедливость	174
Мечтаю	175

СЛОВО ИЗ ПЕСНИ

«Я иду с Малежиком по рынку...»	176
Я вишни рву	177
Вечер-май	178
С карниза голубь улетел	179
Письмо	180
Я люблю тебя тысячу лет	181
Ты и Вы	182

Берег ночи.....	183
О любви	184
Танец вдвоём.....	185
Совет да Любовь.....	186
Весна	187

Из книги
«Мои дневники Толстого»
2017 – 2018

«Перевернув игрушку лет...».....	188
«Я «милым» был, с которым вешне...».....	189
«Я бы мог в тебя перенестись...».....	189
«У меня простой мотив...».....	190
«Красота жила в посёлке отчем...».....	190
«Сентиментальность – как хрустальность...».....	190
Давнее	191
«Будто сходу опрокидывая стол...».....	191
«Как небосинь, как небоалость...».....	191
«Я приносил порой тепло-теплинку...».....	192
«Сказал когда-то где-то кто-то...».....	192
«Что мне любить – поведать грустно...».....	193
«Любовь проснётся нелюбовью...».....	193
«Надежда-зло ненастье прочит...».....	194
«Если представить, что мы – это детство...».....	194
«Граф судил-рядил Наполеона...».....	194
«Если я озлобился на что-то...».....	195
«Что такое недоброе чувство?...».....	195
«Как в осенний двор кусочек мая...».....	196
«Хорошенькая жизнь – как ветреница в шляпке...».....	196
«Если я люблю человечество...».....	196
«Думая о жизни, думаю о небе...».....	197
«Подумалось горько в смятенье остужном...».....	197
«Я мало жил да много потерял...».....	198
«Жизнь – любимое, первое...».....	198
«Я иду тропой единой...».....	198
«У гнезда и на краю...».....	199
«В этом мире было всё до меня...».....	199

«Благом живу... И считаю за благо...»	199
«Помоги мне душу блюсти...»	200
«Скажу вам, чуточку кривя...»	200
«Готов ли к смерти я – не знаю...»	200
«Жил я раньше в квартире у тира...»	201
«За спиною – тени лунности...»	201
«Я бессмертием вёсны не мучил...»	202
«Я умираю семьдесят лет...»	202
«Одно окно глядит в другое...»	202
«Я ходил в караул, я стоял на часах...»	203
«Духовная сумятица...»	203
«Выходил я под солнце из ночи пещеры...»	204
«Я – не оценщик-театрал...»	204
«Не носил я шитьё рогожье...»	205
«У Земли – родни справедливости...»	205
«Правда, что я родился...»	206
«Правда шла на правду... И столетья...»	206
«Приращается золото золотом...»	207
«Когда себя я в чём-то убеждал...»	207
«Говорил не то, не то, не то...»	208
«Когда стихи не шли, а очень надо...»	208
«Я не охотник... И двустволку...»	209
«Ленивый день с утра ленив...»	209
««И кому же в ум пойдёт...» – для меня...»	209
«Я писал о вечном... Остальное...»	210
«Думал не душою, а умом...»	210
«Не писать – куда надёжней...»	211
«Всё сказано-рассказано давно...»	211
«Я в небеса за рифмой лез...»	211
«Писателю не пишется...»	212
«Делать дело – тавтология...»	212
«У меня девиз – ни дня без строчки...»	213
«Счастье пахнет трудом...»	213
«Вдохновение – обновление...»	214
«Моё самолюбие жило в других...»	214
«Я сердцем ведал, знание окрыля...»	215
«Жалко было строчку убирать...»	215
«Меня вымарывал редактор...»	216
«Я не ладил с одиночеством...»	216

«Я думал, что такое море...».....	217
«Мне говорила женщина одна...»	217
«Не косил я во поле траву...».....	218
«Что делать? – шахматный вопрос...»	218
«Вначале – стихи... А потом – «Капитанская дочка»...».....	219
«Роман писали маево...»	219
«Некрасов у подъезда размышлял...».....	220
««...Пушкин – наше всё...»...».....	220
«Запишу, любя искусство...»	221
«Я не читал ещё Тургенева...»	221
«Я не был нигилистом...».....	222
«В детстве ложь моя была...».....	222
«По учебникам – тихий Чехов...».....	223
«Алексей Максимович Пешков-Горький...»	223
«Поэзия стихов не пишет...»	224
«Мир перемирить, истину лелея...».....	224
«Ухожу я в степь ли, покоряю высь ли...»	225
«Когда я выходил из кинозала...».....	225
«Вот – бумага... К ней – душа...».....	226
«Бывает, – в поиске хожу...»	226
«Меня успехи не сломили...»	226
«Моё тщеславие не тщетно...».....	227
«Книги мои, – стихи...»	227
«Сколько мути с пером заодно...»	228
«Капля с камнем не дружила...»	228
«Я писал о рабочих руках, но возвышенно...»	229
О карьере	229
«Я не жил в карьерах, я не жил в трущобах...».....	229
«Армейская элита – генералы...»	230
«Талант – наважденье природы...».....	230
«Добавлю я – патетик на мгновенье...»	231
«Если мне непонятно ОНО...»	231
«Он писал дневник и для меня...».....	232
««Всё существующее – Ты»...»	232
«Привечаю, как дыханье...»	233
«Обидное Эго...»	233
«Мечтал я в детстве о... А впрочем...»	234
«Рассудок жил во мне рассудно...».....	234
«Моя полезность, по сути, – я...».....	235

«Уходит Ближний далеко...»	235
«Есть отвращение к себе...»	236
«Говорили дурно о любви...»	236
«Я в плагиате не замечен...»	237
«Мгновенье паденья – ещё не паденье...»	237
«Причуды возраста не мучали меня...»	238
«Моё хозяйство – рай в пятиэтажке...»	238
«Моя дорога распалась...»	239
«В детстве моём из рогатки...»	239
«Я двоеженец не по сути...»	240
«И родные мои, и близкие...»	240
«Блокнот и ручка – не для меня...»	241
«Сердце моё – столица...»	241
«Граф, омолясь, не бражничал...»	242
«Я рос – поверьте – не в глуши...»	242
«Помню печку, дрова у печки...»	243
«Самосуд и всепрощенье...»	243
«Кому-то, в чём-то преуспевшем...»	244
«Мы называли пахотой работу...»	244
«Если и читал стихи в застолье...»	245
«Я был доволен коркой хлебной...»	245
«Моё лицо – поверьте мне...»	246
«Когда я плакал в детстве или после...»	246
«От меня любимые страдали...»	247
«Любовь и страданье в обнимку ходили...»	247
«Если я опустился, ну, скажем, до уровня кочки...»	247
«Я, конечно, графу не писал...»	248
«Я любовь оправдывал...»	248
«Если я неправильно живу...»	249
«Как негульба отчаянной гульбе...»	249
«Я грустил и было всё понятно...»	250
Жалость	250
«Довелось мне осердиться...»	251
«Барская лень поживает на жизни...»	251
«Хоть умри, хоть не умри...»	252
«Я писал порой на судедел...»	252
«Я подумал о тебе и... забыл...»	253
«Я с начальством дружил не очень...»	253
«Чтобы стать недовольным собой...»	254

«Добывал из чувства как обнову...»	254
«Как ребёнок в старость забегу...»	254
«Время негасимо, время неделимо...»	255
«Портреты классиков смотрели на меня...»	255
«На дне колодца жил родник...»	256
«Приспособиться к старости хочется...»	256
«Если вынуть начисто забытое...»	257
«Моя карьера – не ступени...»	257
«Совмещать униженность и добро...»	257
«Глупость бывает шумной...»	258
«Блистало, темнело, ветшало, старело...»	258
«Я в себе не замыкался от порук...»	259
«Моя стезя порой...»	259
«Когда я в чём-то виноват...»	259
Ловушка	260
«Хочу не соло на трубе...»	260
«Ко мне пришло моё толстовство...»	261
«Я сам себе мешал впопад и невпопад...»	261
В лоб	262
«Человечество моё – Человек...»	262
«Пришла моя обязанность...»	262
«Я здесь – не весь, поскольку там...»	263
«Самый глупый человек на земле...»	263
«Увидев озарённую тебя...»	263
«В моём саду плоды – как «да» и «нет»...»	264
«Мне нравится быть обиженным...»	264
Вина	264
«Чем больше во мне себялюбия...»	265
«Я виновных рядом не искал...»	265
«Я от мудрости не слабел...»	266
«Я работал до пота в поле...»	266
«Мне от роду не замышлялось...»	267
«Я жил, не думая о знанье бытия...»	267
«Пришло ко мне однажды из ночей...»	268
«Приходило время Начинал...»	268
«Я шёл к тебе...»	268
«Доказывал... Доказывал... Доказывал...»	269
«Меня обвиняли – не скрою – любя...»	269
«Чем отличается правда от истины?...»	270

«Моя простота потихоньку вернулась...»	270
«Я когда-то падал... и теснины...»	270
«Я участок мира застолбил...»	271
«Я не считал кого-то идеалом...»	271
«Говорю в любую пору...»	272
Начало	272
Древо судьбы	273
«Когда я любил безответно...»	273
«Моя судьба-текучесть – я...»	274
«На чуток посодействовал миру...»	274
Метаморфоз	275
«Я считал добро обычным делом...»	275
«Мои разговоры – песчаные горы...»	276
«Я говорил некошено... Затем...»	276
«Постою-ка на столбе, а потом...»	277
«На углу моей семиэтажки...»	277
«Благодарю – дарю вам благо...»	278
«Два чувства... А мне-то всего...»	278
«Я вселюбник... Отсюда – не воин...»	279
«Я отрезан болезнью от мира...»	279
«Я ценю, как старьёвщик, недёшево...»	280
«Хоть слыви провидцем, хоть юнцом живи...»	280
«Я пришёл в этот мир... И уйду...»	280
«Мёд ли, отрава, но слава...»	281
«Я её не искал и она не искала меня...»	281
«Человечество моё – это я...»	281
«Выпьется жизнь – по старинке – из блюда...»	282
«Предположим, что гонение...»	282
«Мне эта речь – как цвет садов опалых...»	283
«На лицах – чёрно-белый свет...»	283
«Я об этом писал... Напишу повторяясь...»	284
«Нравственность была моей подругой...»	284
«У кромочки у самой...»	285
«Блудник – от слова блудить...»	285
«Целомудрие ходит по миру...»	286
«Времена... Времена... Времена...»	286
«Всю округу по кругу любя...»	287
«Соблазны от века разные...»	287
«Мои грехи – как «удобренье»...»	288

«Был я виноватым...»	288
«Моя наследственность подобна кораблю...»	289
«Приходит совесть и совестит...»	289
«У души – конечно – есть душа...»	290
«История страны жила в отце...»	290
«Не уместны крыла...»	291
«Я кричал «ура», когда носил...»	291
«Я выступал перед людьми...»	292
«Я жил – казалось – вне политики...»	292
«Я на работу шёл, как на аврал...»	293
«Я не богатый и не бедный...»	294
«Я не видел силы в народе...»	294
«Роскошь богатства – плакатство...»	295
«Дышат бедой неизменной...»	296
««Смерть за смерть» – рождает смерть...»	296
«Знаменитая в народе...»	297
«Я в народ не ходил, я с друзьями дружил...»	297
«Я не жил на шее у кого-то...»	298
«Усмирение бунта войском...»	298
«К чему революции, милый?...»	299
«Я родился в стране атеизма...»	299
В метро	300
«Как знамя отличается от флага...»	300
«Если в рифму, то чиновник...»	301
«Ах моё золотое «вчера»...»	301
«Хожу по рынку бытия...»	302
«Моё весеннелетье было кратким...»	302
«Христос пришёл ко мне не из библейства...»	303
«Мне Господь помогал незримо...»	303
«Помоги мне, Боже...»	304
«Может быть, посреди цветения...»	304
«Я – подобие Божье... И всё, что от Бога...»	305
«У Бога все живые...»	305
«Я подчас бунтарь... Но воля Божья...»	306
«Я у порога старости...»	306
«Как о желанной погоде...»	307
«Я за жизнь благодарю...»	307
«Слава земная поместной бывает...»	308
«Молитва – дыхание веры...»	308

«Я помолюсь тебе, Молитва...».....	309
«Подступило – узнать у людей...»	309
«Тишиной осеняя крыла...».....	310
«С высоты молитвы упаду...».....	310
«Я вечный муравей...»	310
«Сколько о славе речено...»	311
«Моя добродетель – тропинка...».....	311
«Я с ношей такой не петляю в лесу...»	312
«Пусть руки дьявола порою цепки...».....	312
«Я живу на облаке влюблённости...»	312
«Даже если немного...».....	313
«Бог привёл меня к судьбе...».....	313
«Я искал строку в легко-расхожем...»	314
«Я помнил о смерти земной...»	314
«Я себя не выплёскивал... Даже...».....	315
«Мысли мешают думать...».....	315
«Пусть не шумит моя дорога...»	316
«Слава Богу, что «Слава Богу»...»	316
«Душу спасти...»	316
«Где моя вечность, где моё время?...».....	317
«Я не умел – не мог сердиться...».....	317
«Меня – провинциального поэта...».....	318
«Прощение – тихий талант...»	318
«Всем существом или нажитой сутью...»	319
«Всем существом не любя перекрута...».....	319
«Ласточки озябли над окном...»	319
«Кот не знает, что живёт...».....	320

«ТАЙНЫЙ» ДНЕВНИК 1908 ГОДА

«Я не пробовал думать с Богом...».....	320
«Землю – Земле... А наследно и мне...»	321
«Капля из колодца...»	321
«Я чей-то ближний...Я даже знаю...»	322
«Ну, скажем, купил я билет на пароме...».....	322
Мы	323
«Я не ходил по тропам скал...»	323
Наоборот	324
Из памяти	324
«Ко мне приходят стыдные слова...».....	325

«Пришло ко мне из видений...»	325
«Не читал Паскаля, но к закату...»	326
«Мне довелось о штормах не жалеть...»	326
«Станция, как рельсовая милость...»	327
«ДНЕВНИК ДЛЯ ОДНОГО СЕБЯ»	
«Будет побег на рассвете... а дальше...»	328
В музее Л.Н.Толстого	329

Из книги лет

Кущёвка.....	330
Еду	330
Нельзя.....	330
ЗОВ	331

Вода из ковша 2015 – 2019

Разброд	333
О погоде.....	334
Грех сердечный	334
Сдувал	334
Не зови	335
У кромки	335
Чайка	336
Пляжная шутка	336
Издаочно	337
Останови	338
По сходням	338
Пусть	339
Сон	339
Монолог	340
Ода комнате	340
Диалог-мечта	340
Переход	341
Быт	341
Просит	341

Уже	342
О земном	342
Сказка	343
Мысли к празднику	343
Найду.....	343
1 мая	344
Хранит	344
Хандра	345
Строка	345
Забьётся	346
Диптих	346
Не стесняйся	347
Сейчас	347
К счастью.....	348
Зыбь	348
Не.....	348
Признаться	349
Блуждает	349
По-разному.....	350
Час	350
Поднимусь	350
К тому же	351
Кружатся	351
Захват	352
Замою	352
Назвал	353
Пригодится	353
Владимир	354
Покинувшему нас	355
Не уходит	355
6 мая	356
24 мая.....	357
6 июня.....	357
Прячется.....	358
Струилась	358
Свод	359
Слагались	359
Придётся	359
О службе	360

12 апреля	360
Родина	361
9 Мая	361
Проснулся	362
Что остаётся после боя	362
Ринг	363
Зовёт	364
Пробует	364
Поселить	365
Подобие притчи.....	365
Летит	366
Ждёт	366
Апрель	367
Наваждение	367
Предвестье	368
Станет	368
Пляжная скамейка	369
Кланяюсь	369
У межи.....	369
Знаки	370
Осеннее	370
Обронила	371
Моросит	371
Шёл	371
Каштаны	372
Знобит	372
Вторженье	373
15 октября	373
Между	374
Белый дым	374
Вдыхая	375
Живу	375
О юбилеях.....	375
К 80-летию поэта Юрия Ремесника.....	376
К юбилею поэта Ирины Сазоновой.....	376
Время	377
Философ-одиночка.....	377
Обращение к судьбе	378
Станет	378

Соткано	379
Ночник	379
Моё время	380
День поминовения	380
Под утро.....	381
Достаток	381
Проще некуда.....	382
Отныне	382
Заблудился	382
Останется	383
Моя	383
Вехи	384
Штрихи к судьбе	384
Осталось	385
Мера	385
К моему 70-летию	386
Замечу	386
Ступеньки	387
Тоже	387
Вернулся	388
Почти ересь.....	388
Гуляет	389
Замкнутся	389
О медицине	390
Гудели	390
Хорошо.....	391
Встречал	391
Мало	392
Такая	392
Круг	393
Мерило	393
Гомосапиенс	394
Внимает	394
Октябрь	395
Вечный вопрос	396
Листать	397
Стану	397
Чтобы	398
Точит	398

Всё одно	399
Дитя-мудрец	399
У перехода	400
Ненужное зачеркнуть	400
Сумбур	401
Вязь	401
Который	402
Загляни	402
О своём	403
Живёт	403
Помнят	403
Перед восходом.....	404
Колесо	405
Самый	405
Листаю	406
Не ходят	406

Верю

К столетию мамы	407
Просьба	407
Сбой	408
Знает	408
Маюсь	409
Чистый четверг.....	409
Что?	410
«Нет прошедшего...»	410
Крестный ход	411
Хорошо	411
Грешник	412
Приди	412
Жду.....	412
Свиток.....	413
Исповедь	413
Рефрен	414
Принимаю	414
Искушение	415
Пожелание.....	415
Жоресу Алфёрову	416

Вход	416
Помогут	417
Пилигрим	417
Диалог	418
Мается	418
Дарвин	419
День защитника Отечества.....	420
Песнь	421
Сошлись.....	421
Стансы	422
Душа	423

Литературно-художественное издание

ИГОРЬ КУДРЯВЦЕВ

*Золотые
мои
декабри*

В авторской редакции

Автор искренне признателен Дмитрию Ханину
за помощь в подготовке электронного варианта
рукописи настоящей книги.

ISBN: 978-5-91951-564-7

9 785919 515647

Сдано в набор 22.11.2019 г.

Подписано к печати 06.12.2019 г.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 150 экз. Заказ № 593.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:

г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.

Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25.

E-mail: oooaltair_office@mail.ru.

www.altair-rostov.ru